

Государственный архив Кировоградской области

Благотворительная организация
«Центрально-Украинская Православная Духовно-социальная
Академия»

Виктор БЕЛОУС

ПЕРО И ШТЫК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

**(окрашенные профессионализмом
размышления филолога над политическим
детективом)**

Кировоград
2014

ББК 84(4РОС)6-444.4
УДК 82-311.6
Б 43

Белоус Виктор. Перо и штык политического детектива
Б 43 (окрашенные профессионализмом размышления филолога
над политическим детективом). – Кировоград: «Центрально-
Украинское издательство», 2014, – 128 с.
ISBN 978-966-130-047-6

Рекомендовано к печати научно-методическим советом
Государственного архива Кировоградской области
(Протокол № 7 от 26.06.2014);

и

Ученым советом Открытого университета Св.Михаила
БО «Центрально-Украинская Православная Духовно-социальная Академия»
(Протокол № 2 от 21.06.2014)

Научный редактор Семенюк О.А., доктор филологических наук, профессор, ректор
Кировоградского государственного педагогического
университета имени В.Винниченко

Рецензенты:

*Михида С.П., доктор филологических наук, профессор Кировоградского
государственного педагогического университета
имени В.Винниченко;*

*Резник В.В., кандидат политических наук, заместитель председателя
Кировоградской областной государственной
администрации.*

Ответственный за выпуск:

О.А.Бабенко, директор Государственного архива
Кировоградской области, председатель
правления областной организации
Национального союза краеведов Украины, член
Национального союза писателей Украины,
председатель правления БО «Центрально-
Украинская Православная Духовно-социальная
Академия»

ISBN 978-966-130-047-6

© Белоус Виктор, 2014

© Бабенко Олег, 2014

© Центрально-Украинское издательство, 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Поэт-трибун самозабвенно взывал:

Я хочу,

чтоб к штыку

приравняли перо...

и вымолил жанр литературы, в котором сквозь росчерки пера умелого мастера слова проглядывает сталь штыка активного идеологического воздействия.

И этот жанр – современный политический детектив.

В научно-справочной библиотеке Государственного архива Кировоградской области хранятся несколько книг Тома Клэнси, одного из апологетов и всемирно признанных столпов политического детектива. Ведущий научный сотрудник отдела археографии и использования документов Архива кандидат филологических наук Виктор Борисович Белоус в предлагаемом читателям исследовании, мастерски изложенном в научно-популярном стиле, отталкивается именно от творчества Т.Клэнси.

Актуальность книги несомненна особенно сейчас, в сложное для Украины время, когда враждебные внешние силы настойчиво пытаются подчинить и уничтожить нашу государственность, используя в своих целях не только оружие, но и слово. Слово несправедливое, убийственное своей лживостью.

На примере текстов конкретных произведений исследователь (в прошлом – контрразведчик-профессионал) раскрывает вербальные способы создания образа врага, приёмы продвижения в сознание читателя необходимых убеждений и верований, а также идеологического воспитания реципиента текстов произведений в жанре политического детектива.

Книга «Перо и штык политического детектива» может быть интересна широкому кругу читателей, но ознакомление с ней особенно полезно нашим журналистам, специалистам по PR, а также широкому ряду общественных и религиозных деятелей, работников просвещения и культуры.

Украинскому читателю прошлой эпохи хорошо знакомы имена Р.Самбука, Ю.Дольд-Михайлика и др., однако в последнее время на

нас обрушился буквально шквал переводной литературы рассматриваемого жанра...

Не пора ли возродить украинский политический детектив?

Ситуация патриотического подъёма способствует тому.

Прочитирую всё того же Маяковского:

– *Hem,*

за оружие

браться нужно,

только более

решиительно и энергично...

– Не защита –

нападение

стать должно

ЛОЗУНГОМ МАСС.

Так пусть же здравый смысл пытливого ума читателя станет оружием нападения во имя торжества правды над фарисейством лживого зла кровавого политического детектива современной жизни.

Олег Бабенко

ВСТУПЛЕНИЕ

Обоснованно подозреваю, что полный перечень авторов, работающих в жанре детектива, и список их произведений заняли бы не меньше страниц, чем имеет эта книга. Поэтому не рассчитывайте получить от меня исчерпывающее и всеобъемлющее исследование истории и художественных особенностей детектива.

Я словно подставил руки под дождь этих произведений и на моих ладонях оказались отдельные капли – играющие переливами граней Слова великолепные тексты. И в них я увидел только то, что увидел...

Я не имел перед собой задачу составить учебник, подробно и обстоятельно разъясняющий азы какой-то отрасли знаний, а просто делюсь своими впечатлениями, своим мнением, пытаюсь анализировать некоторые заинтересовавшие меня особенности авторского восприятия мира и населяющих его людей.

В книге нет потрясающих воображение открытий, и я почти уверен, что её не разберут студенты на цитаты для курсовых и дипломных работ.¹

Просто хотелось бы, чтобы этот мой взгляд на некоторые характерные черты текстов и жанровые особенности детектива помог читателям выработать свою точку зрения, своё собственное восприятие такого популярного массива литературы... и научиться хоть немножко критически воспринимать мир, моделируемый современными масс-медиа.

Виктор Белоус, в прошлом – солдат спецназа ГРУ ГШ ВС СССР и офицер контрразведки (а они «бывшими» не бывают!), ныне – пенсионер, который вместо карт или домино продолжает заниматься филологией, так как всегда любил читать (особенно детективы!), и археографией, поскольку Слово чаще всего – документ, отображающий суть и значение конкретной эпохи, переносящий события прошлого в настоящее.

¹ Это первая и единственная подстрочная ссылка в книге. Автор отвечает за правильность всех приведенных цитат, однако сознательно отказывается от ссылок на их источники с общепринятыми квадратными скобками и/или подстрочными ссылками, так как это загромождает текст и усложняет его восприятие. В конце книги приведен почти полный перечень использованных источников, каждый из которых достоин отдельного прочтения, в том числе и с целью подбора цитат для использования в самостоятельном творчестве читателей этой книги. Удачи в поисках! В.Б.

КОЕ-ЧТО О ЖАНРЕ ДЕТЕКТИВА

Первыми произведениями детективного жанра обычно считаются рассказы Эдгара По, написанные в 1840-х, но элементы детектива использовались многими авторами и ранее. Например, в романе Уильяма Годвина (1756 – 1836) «Приключения Калеба Вильямса» (1794) один из центральных героев – сыщик-любитель. Однако именно Эдгар По создал «первого Великого Сыщика» – сыщика-любителя Дюпена из рассказа «Убийство на улице Морг», именно Эдгар По ввёл в сюжет детектива идею соперничества в раскрытии преступления между частным сыщиком и официальной полицией, в котором частный сыщик, как правило, берёт верх.

«Детектив (англ. *detective*, от лат. *detego* – раскрываю, разоблачаю) – преимущественно литературный и кинематографический жанр, произведения которого описывают процесс исследования загадочного происшествия с целью выяснения его обстоятельств и раскрытия загадки. Обычно в качестве такого происшествия выступает преступление, и детектив описывает его расследование и определение виновных, в таком случае конфликт основывается на столкновении справедливости с беззаконием, завершающимся победой справедливости.

Основной признак детектива как жанра – наличие в произведении некоего загадочного происшествия, обстоятельства которого неизвестны и должны быть выяснены.

Существенной особенностью детектива является то, что действительные обстоятельства происшествия не сообщаются читателю, во всяком случае, во всей полноте, до завершения расследования. Вместо этого читатель проводится автором через процесс расследования, получая возможность на каждом его этапе строить собственные версии и оценивать известные факты. Если произведение изначально описывает все детали происшествия, либо происшествие не содержит в себе ничего необычного, загадочного, то его уже следует относить не к чистому детективу, а к родственным жанрам (боевик, полицейский роман и т. д.).

И вот несколько признаков классического детектива:

1. Обыденность обстановки. Условия, в которых происходят события детектива, в целом обычны и хорошо известны читателю (во всяком случае, сам читатель полагает, что уверенно в них ориентируется). Благодаря этому читателю изначально очевидно, что из описываемого является обычным, а что – странным, выходящим за рамки.

2. Стереотипность поведения персонажей. Персонажи в значительной мере лишены своеобразия, их психология и поведенческие модели достаточно прозрачны, предсказуемы, а если они имеют какие-либо резко выделяющиеся особенности, то таковые становятся известны читателю. Также стереотипны мотивы действий (в том числе – мотивы преступления) персонажей.

3. Существование априорных правил построения сюжета, не всегда соответствующих реальной жизни. Так, например, в классическом детективе рассказчик и сыщик в принципе не могут оказаться преступниками.

Этот набор особенностей с одной стороны – сужает поле возможных логических построений на основании известных фактов, облегчая читателю их анализ, а с другой – ограничивает фантазию автора в плане занимательности сюжета.

К счастью для нас, читателей, детектив в своём развитии ушёл вперёд, оставив позади многие из подобных ограничений. Таковой есть судьба «Двадцати правил для пишущих детективы», которые в 1928 году опубликовал английский писатель Уиллард Хэттингтон, более известный под псевдонимом Стивен Ван Дайн.

Свои правила для написания детективов предложил и Рональд Нокс, один из основателей Детективного клуба:

«I. Преступником должен быть кто-то, упомянутый в начале романа, но им не должен оказаться человек, за ходом чьих мыслей читателю было позволено следовать.

II. Как нечто само собой разумеющееся исключается действие сверхъестественных или потусторонних сил.

III. Не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода.

IV. Недопустимо использовать доселе неизвестные яды, а также устройства, требующие длинного научного объяснения в конце книги.

V. В произведении не должен фигурировать китаец.

VI. Детективу никогда не должен помогать счастливый случай; он не должен также руководствоваться безотчетной, но верной интуицией.

VII. Детектив не должен сам оказаться преступником.

VIII. Натолкнувшись на тот или иной ключ к разгадке, детектив обязан немедленно представить его для изучения читателю.

IX. Глуповатый друг детектива, Уотсон в том или ином облике, не должен скрывать ни одного из соображений, приходящих ему в голову; по своим умственным способностям он должен немного уступать – но только совсем чуть-чуть – среднему читателю.

X. Неразличимые братья-близнецы и вообще двойники не могут появляться в романе, если читатель должным образом не подготовлен к этому».

Детектив же, как жанр, последовал английской пословице об исключении, которое подтверждает правило, и выработал несколько своих видов, на краткой характеристике которых мы остановимся в интересах дальнейшего изложения.

Детектив закрытого типа

Поджанр, обычно наиболее строго соответствующий канонам классического детектива. Сюжет строится на расследовании преступления, совершённого в уединённом месте, где присутствует строго ограниченный набор персонажей. Никого постороннего в данном месте быть не может, так что преступление могло быть совершено только кем-то из присутствующих. Расследование ведётся кем-то из находящихся в месте совершения преступления с помощью остальных героев (*Эдгар По, «Убийство на улице Морг»; Сирил Хэйр, «Чисто английское убийство»; Агата Кристи, «Десять негритят» и «Убийство в «Восточном экспрессе», Борис Акунин, «Левиафан» – автором определен, как «герметичный детектив», Леонид Славин, «Дополнительный прибывает на второй путь» и др. произведения).*

Психологический детектив

Данный вид детектива может несколько отступать от классических канонов в части требования стереотипного поведения и типичной психологии героев. Обычно расследуется преступление, совершённое по личным мотивам (зависть, месть). Основным элементом расследования становится изучение личностных особенностей подозреваемых, их привязанностей, болевых точек, убеждений, предрассудков, выяснение прошлого (*Чарльз Диккенс,*

«Тайна Эдвина Друда»; Фёдор Достоевский, «Преступление и наказание»; Себастьян Жапризо, «Дама в очках и с ружьем в автомобиле»; Ноэль Калеф, «Лифт на эшафот»; Джон Болл, «Душной ночью в Каролине»).

Исторический детектив

Историческое произведение с детективной интригой. Действие происходит в прошлом, или же в настоящем расследуется старинное преступление (Умберто Эко, «Имя Розы»; Элери Куин, «Неизвестная рукопись доктора Уотсона»; Борис Акунин, – Литературный проект «Приключения Эраста Фандорина»; Леонид Юзефович, – Литературный проект о сыщике Путилине; Александр Бушков, «Приключения Алексея Бестужева»).

Иронический детектив

Детективное расследование описывается с юмористической точки зрения. Зачастую произведения, написанные в таком ключе, пародируют и высмеивают штампы детективного романа (Илья Варшавский, «Ограбление произойдет в полночь»; Александр Козачинский, «Зеленый фургон»; Дональд Уэстлейк, «Проклятый изумруд»; Дарья Донцова (все произведения)).

Фантастический детектив

Произведения на стыке фантастики и детектива. Действие может происходить в будущем, альтернативном настоящем или прошлом, а также в полностью вымышленном мире (Станислав Лем, «Расследование», «Дознание»; Эрик Фрэнк Расселл, «Будничная работа», «Оса»; Хольм ван Зайчик, цикл «Плохих людей нет»; Кир Булычёв, цикл «Интергалактическая полиция» («Интерпол»); Айзек Азимов, циклы «Лакки Старр – космический рейнджер», «Детектив Элайдж Бейли и робот Дениел Оливо»; братья Стругацкие, «Отель «У Погибшего Альпиниста»)

Шпионский детектив

Основывается на повествовании о деятельности разведчиков, шпионов и диверсантов на «незримом фронте» как в военное, так и в мирное время. По стилистическим границам очень близок к политическим и конспирологическим детективам, часто совмещается в одном и том же произведении.

Основное отличие шпионского детектива от политического состоит в том, что в политическом детективе наиболее важную позицию занимает политическая основа расследуемого дела и антагонистические конфликты на уровне стран и политических

систем, в шпионском же внимание заостряется на разведывательной и контрразведывательной работе.

Конспирологический детектив можно считать разновидностью и шпионского, и политического детектива (*Агата Кристи, «Кошка среди голубей»; Джон Ле Карре, «Шпион, пришедший с холода»; Джон Бойнтон Пристли, «Мгла над Гретли»; Джеймс Грейди, «Шесть дней Кондора»; Борис Акунин, «Турецкий гамбит»; Дмитрий Медведев, «Это было под Ровно»*).

Полицейский детектив

В произведениях этого типа главный герой-сыщик либо отсутствует, либо лишь незначительно выше по своему значению в сравнении с остальными членами команды профессионалов. В плане достоверности сюжета наиболее приближен к реальности и, соответственно, в наибольшей степени отклоняется от канонов жанра чистого детектива: подробно описана профессиональная рутина с деталями, не имеющим прямого отношения к сюжету, присутствует значительная доля случайностей и совпадений, очень большую роль играет наличие информаторов в преступной и околопреступной среде, преступник зачастую остается неназванным и неизвестным до самого конца расследования, а также может уходить от наказания вследствие небрежности расследования или недостатка прямых улик (*Эд Макбейн, цикл «87-й полицейский участок»; Юлиан Семёнов, «Петровка, 38», «Огарёва, 6»; Андрей Кивинов, «Кошмар на улице Стачек» и последующие произведения*).

«Крутой» (hard-core) детектив

Описывается чаще всего детектив-одиночка, мужчина лет тридцати пяти-сорока, либо мелкое детективное агентство. В произведениях данного типа главный герой противостоит чуть ли не всему миру: организованной преступности, коррумпированным политикам, продажной полиции. Основные черты – максимум действия героя, его «крутости», подлый окружающий мир и честность главного героя. Лучшие образцы жанра психологичны и содержат признаки серьёзной литературы. Например, произведения *Раймонда Чандлера («Прощай, любимая», «Высокое окно», «Женщина в озере»)*.

Криминальный детектив

События описываются с точки зрения преступника, а не разыскивающих его людей: *Джим Томпсон "Убийца во мне"; Джеймс Хедли Чейз, «Весь мир в кармане»*.

Теперь же официальное определение наиболее близкого нам поджанра детектива, который обрел название «политический».

Политический детектив

Один из довольно далеких от классического детектива поджанров. Основная интрига строится вокруг политических событий и соперничества между различными политическими или бизнес-деятелями и силами. Часто бывает также, что главный герой сам по себе далек от политики, однако, расследуя дело, натывается на препятствие расследованию со стороны «власть имущих» или раскрывает какой-либо заговор. Отличительной особенностью политического детектива является (хоть и не обязательно) возможное отсутствие полностью положительных героев, кроме главного. Данный жанр нечасто встречается в чистом виде, однако может являться составляющей частью произведения (*Борис Акунин, «Статский советник»*; *Виктор Левашов, «Заговор патриотов»*; *Адам Холл, «Берлинский меморандум» («Меморандум Квиллера»)*; *Флетчер Нибел, «Семь дней в мае»*; *Николай Свечин, «Охота на царя», «Демон преступного мира»*).

Вдумчивый читатель сразу сообразит, что все приведенные выше определения носят достаточно условный, технический характер и придуманы просто для удобства классификации. Творчество **Тома Клэнси**, которое считаю возможным отнести к жанру политического (или военно-политического) детектива, и о котором намерен говорить ниже, лучше всего искать в зарубежных ссылках под рубрикой **«технотриллер»**. Действительно, произведения этого автора имеют высокую степень насыщения техническими деталями и подробностями тактики действий подразделений вооружённых сил и спецслужб, что не мешает распознать на этом тщательно прорисованном фоне основную идею авторского замысла и хорошо рассмотреть персонажи.

Сам термин «триллер» относительно нов для нас, многие читатели и критики по привычке пользуются термином «детектив». Проанализируем особенности перечисленных выше видов детектива с целью выделения их характерных черт и типологических особенностей, которые попробуем «примерить» на романы Тома Клэнси, чтобы объяснить, почему они могут быть достаточно обоснованно отнесены к жанру детектива, подвиду политического детектива.

Наличие преступления (или, как в некоторых произведениях о Шерлоке Холмсе, какого-нибудь загадочного происшествия) есть основным объективным признаком произведения этого жанра. Комплекс «преступление (загадка) – расследование – раскрытие – наказание злодеев – выводы» напоминает круглый предмет для некоторых спортивных игр. Им может быть и шарик для пинг-понга, круглый мяч для футбола или баскетбола, овальный – для регби и совсем громадный шар для мотоболла. С этим у Тома Клэнси всё в порядке: планируемое убийство Папы Римского, покушение на семью наследника престола Великобритании, террористические атаки против США и стран-союзников, деятельность наркомафии, боевые действия в Европе и Азии и т.п.

Произведения Тома Клэнси имеют все черты и *«шпионского конспирологического детектива»*, поскольку описание деятельности шпионов, разведчиков и диверсантов в мирное время и в периоды боевых действий, а также различных заговоров занимает в них достаточно места.

Психологизма в них также с избытком, ибо среди мотивов преступлений и зависть, и корысть, и ревность, и неодолимая жажда власти. Все эти чисто психологические мотивы требуют и подхода к их изучению особенного, и какая, в принципе, разница, кто есть субъектом преступления: жадный наркобарон, ревнивый мафиози или обуреваемое манией мирового величия государство?

Относительно особенностей *детективов исторического и фантастического*, то их черты мы так же безошибочно находим в текстах романов Тома Клэнси. Сюжет обязательно использует объективную историческую базу с фрагментами подлинных событий прошлого и настоящего, а в предлагаемых автором решениях присутствуют элементы футурологических прогнозов, которые, как показало прошедшее со времени написания этих произведений время, оказались вовсе не такими уж и фантастическими, какими их считали десяток лет назад!

Не забыты автором стиль и приёмы *полицейского детектива*: Клэнси часто описывает работу команды профессионалов, команды единомышленников, использующей и специальные методы (агентура, спецтехника, другие негласные методы добывания информации), часто зависящей от непредвиденных случайностей и форс-мажора.

«Криминальность» детектива Клэнси проявляется в том, что в некоторых частях его произведений даётся взгляд на преступление глазами преступника, с позиций злоумышленника. «Крутости» в нём тоже «за края»: с обеих сторон действуют серьёзные профессионалы с мотивацией от веры и патриотизма до дензнаков и мегаломании.

«Закрытости» детектива иногда действительно маловато, хотя можно ли назвать открытым местом действия подводную лодку («Охота за «Красным Октябрем») на глубине в несколько сотен метров посредине Атлантики? Не будем же осуждать авторов мысли о том, что *политический детектив* – «один из далёких от классического детектива жанров»: время и объём литературного потока меняют оценки.

Продолжим уже использовавшееся сравнение детектива с мячом. Вам приходилось быть свидетелем того, как дети на улице говорят: «А давайте играть в мячик!» Заметьте, не в футбол, не в волейбол или, скажем, в поло, а просто – «в мячик». Может, так же и с детективом? Давайте, признавая теоретическую возможность разделить жанр на поджанры, виды и подвиды, всё-таки **наслаждаться детективом как комплексным явлением, как захватывающей игрой, как, пусть и не всегда изысканным, но вкусным и сытным литературным блюдом!**

ТУННЕЛИ РЕАЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Произведение художественной литературы мы считаем своеобразным миром, или, в любом случае, своеобразным отражением объективного мира. Видим это даже в названиях произведений («*Война і міръ*», «*Война миров*») или в их оценке критиками («*вторичный мир фэнтези*», «*мещанский мирок в сатире Зоценко*»).

Политический детектив в последнее время приобретает всё большую популярность благодаря некоторым жанровым особенностям: как сочетание отражения реального мира с элементами мира выдуманного, реализм и искэпизм произведений; мир реальный и мир, в который можно сбежать, мир для искэйпа (*a world to escape to*). Сюрреализм жанра привлекает многих поклонников: людям нравится «жить» в комбинированном мире, так интереснее, чем в строгой реальности современного бытия.

Подобный искэпизм поощряется обществом: такими людьми легче управлять, они задают меньше вопросов. Возникает страт людей в обществе, которым интересна только созданная для них «реальность». Эти люди прогнозируемы, управляемы, послушны. Их общественная позиция легко программируется с помощью системы метафор, их идолы рукотворны и заменяемы, образ их врага создаётся и меняется легко. Истеблишмент в таких людях заинтересован, потому поддерживает авторов литературы этого жанра.

В предисловии к своей книге «Новая Инквизиция» американский психолог Роберт Антон Уилсон говорит о «*новой инквизиции, новом идоле и новом агностицизме*», поясняя: «*новой инквизицией* я называю традиции подавления и запугивания, которые в современном научном мире становятся повсеместными. *Новым идолом* я называю догматическую идеологию новой инквизиции. *Новым агностицизмом* я называю «модельный агностицизм», то есть способность подходить агностически не только к частной модели «Бога», но и вообще ко всем философским и идеологическим моделям.

Агностицизм, отрицая абсолютную веру и абсолютное отрицание, считает все модели полезными инструментами, которые нужно менять, когда они перестают работать. Агностицизм не считает какие-то модели лучше других, а оценивает лишь их эффективность на данном этапе использования».

Расширенно трактуя понятие «новой инквизиции», скажем, что в современном мире (а не только «в современном научном мире») «традиции подавления и запугивания» действительно стали повсеместными. В качестве примеров достаточно привести истории о наличии у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения, об угрозе эпидемии «свиного гриппа», о предстоящем падении на Землю астероида и т.п. В странах с тоталитарными режимами эти вещи принимали вид борьбы за что-то или с кем-то (с враждебными классами, социальными и/или этническими группами): «битвы за урожай», борьбы с «уклонами» и под. Так появлялся новый «идол».

Под каждую подобную «угрозу» создавался лозунг, клич, девиз. Формировались отряды борцов, совершенствовался пропагандистский аппарат, создавался, наполнялся содержанием и тиражировался образ врага.

Массовая литература – удобный и действенный инструмент создания идола, программирования народа. Процесс идёт легко, приятно, незаметно и очень результативно. Возможно очень быстрое перепрограммирование: знак в изображении образа русских в произведениях Тома Клэнси зависит от политической ситуации и расстановки сил в мире и быстро меняется с «минуса» («Охота за Красным Октябрем», «Красный шторм поднимается») на «плюс» («Медведь и Дракон»).

Снова обратимся к Уилсону и предлагаемым им понятиям. Политический детектив – не единое отражение картины мира, а сложное сочетание «туннелей реальности». Уилсон полагает, что люди живут в так называемой «эмической реальности», являющей собой «единое поле мыслей, ощущений и чувственных впечатлений, которое придает упорядоченность и смысл нашему непосредственному восприятию. Это есть парадигма или модель, которую люди создают при помощи речи и других символических систем; культура данного места в данное время; семантическая среда. У каждой эмической реальности есть *структура*, которая накладывается на первичные переживания». Туннелем же реальности есть «эмическая реальность, которая сформирована системой кодирования, или

структурой метафор, передающаяся средствами языка, искусства, математики или другой символической системы».

В нашем исследовании в качестве такой системы кодирования рассматривается литература, точнее, один из её жанров, жанр политического детектива.

«Мы, как вид, живем в мире бесконечных информационных сигналов. Когда мы структурируем эту информационную среду, мир обретает для нас смысл. Модель структурирования формируется на уровне нашей биологии и социологии».

Под информацией мы традиционно понимаем «сообщение о чём-либо; сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи».

По мнению Уилсона, «ИНФОРМАЦИЯ: степень непредсказуемости сообщения; грубо говоря, информация – это то, что вы не *ожидаете* услышать. Информация в этом смысле может быть «истинной» или «ложной», но всегда непредсказуемой. По *степени сопротивления новой информации* судят о степени фундаментализма в культуре, субкультуре или отдельном человеке».

И далее, «если мы осознаем, что занимаемся процессом структурирования (программирования нашей эмической реальности), то свободны в наших действиях и *продолжаем всю жизнь учиться*. Когда мы перестаем это осознавать, то становимся фундаменталистами и идолопоклонниками и больше ничему не учимся, поскольку превратили определенное теоретическое заключение в догму и прекратили размышлять. Если мы полностью *загипнотизированы* неким туннелем реальности, то способны дойти до фанатизма. В таком маниакальном состоянии мы сжигаем книги с еретическими высказываниями в адрес наших идолов, подтасовываем данные, которые противоречат нашим предубеждениям, объясняем возрастающее количество расхождений наших взглядов с реальностью происками «тайных обществ», намеренно «фальсифицирующих» данные, и даже *искренне верим*, что человек, не признающий нашего идола, наверняка галлюцинирует. Тогда наши рассуждения утрачивают логику, и мы перестаем *мыслить разумно*».

Человек постоянно находится в ситуации выбора – научного, морального, эстетического... Однако, научное,

моральное и эстетическое не всегда чётко различимы, а «объективный» выбор невозможен даже в науке, (если он когда-нибудь вообще был возможен), поскольку современная наука предлагает множество альтернативных моделей, выбор которых зависит от сугубо «субъективных» факторов, их «простоты» и «элегантности».

Пропагандистская машина современного государства создаёт и «подбрасывает» населению свои варианты выбора. Как правило, они носят достаточно объективный характер, правдоподобны и, не только на первый взгляд, вполне приемлемы. Будучи поданы в «упаковке» политического детектива, они якобы не имеют отношения к реальному миру, хотя их воздействие на читателя имеет достаточно сильный характер.

«В рамках биологической модели люди считаются хотя и уникальными приматами, но все же приматами... Благодаря уникальной способности одомашненных приматов обучаться символическим языкам (нейросемантическим системам кодирования), эти уникальные млекопитающие могут «завладеть» (или думать, что «завладели») не только физической территорией, но и *символической территорией*. Эти *символические территории* обычно называются «идеологиями» или «системами убеждений», а мы их называем туннелями реальности».

Итак, какие идеологии, какие системы убеждений, какие туннели реальности создаёт политический детектив, какими способами и для каких целей? Какова роль агностицизма в оценке политического детектива как достаточно популярного жанра литературы?

МАРКЕТИНГ И ЛИТЕРАТУРА: **ГЕРОЙ – КАК БРЭНД**

Маркетинг (по мнению Ф.Котлера) – нечётко очерченная область человеческой деятельности в пределах таких научных дисциплин, как экономика, менеджмент, изучение организаций.

Природа маркетинга неоднозначна: прежде всего его рассматривают как функциональную часть каждой фирмы или организации, такую, как, например, управление, бухгалтерия, производственный отдел т.п. Он расположен внутри организации (выполняет внутренние функции).

Во-вторых, маркетинг есть тот процесс, который связывает с фирмой её внешнее окружение: клиентов, потребителей, другие фирмы. Это предполагает, что маркетинг выполняет и внешние функции.

В-третьих, маркетинг имеет отношение к методам и процессам продажи товаров, услуг и прочей деятельности клиентам в широком смысле этого слова, используя для этого тексты, образы, знаки, а также убеждение, равно как и обман.

Организационная сторона маркетинга – его внутренние и внешние функции – интересна своей семиотикой, поскольку использует модели, артефакты, искусственно создаваемые структуры.

Психологическая же сторона – коммуникации и перспективы передачи товара – сближает маркетинг с психологией, менеджментом, теорией коммуникации. Здесь интересен способ рекламирования товаров и их передача от организации к потребителю с использованием знаков, символов, картин и образов. Характеристики этих понятий есть основами семиотики.

Основной характеристикой организации, фирмы есть то, что она работает ради прибыли. Фирма не может долго существовать без потребителя, поскольку её основная задача – связать товар или услугу с потребителем.

До 1990-х годов любой реальный маркетинговый план обязан был опираться на концепцию «4 Р» (*Product, Price, Promotion, Place*), выведенную тем же Котлером.

В последнее же время в маркетинговом мышлении и менеджменте произошли характерные изменения: переход от элементарной передачи товара к построению и развитию отношений с потребителем. Подобная политика, называемая «*defensive marketing*», нацелена на получение больших прибылей. Потребитель становится лояльным потребителем после того, как связь с ним стала прочной. Для этого важны частые и хорошо подготовленные контакты с потребителем. «Рынок продавца» 1960-х сменился в 1990-х «рынком покупателя», поэтому сегодня продавцы нацелены на улучшение способов «привязки» своего потребителя.

На I съезде советских писателей в 1936 году живой тогда ещё классик пролетарской литературы Максим Горький назвал коллег по перу «инженерами человеческих душ». Термин прижился и долго существовал в разных стилях, однако в последние 20-30 лет над ним стали иронизировать и даже откровенно посмеиваться журналисты, критики и некоторые модные авторы. Нам не приходилось слышать о съездах западных писателей, однако «инженерный процесс» по отношению к человеческим душам имеет место и в «свободном» мире. Разница только в том, кто разрабатывает «чертежи» проектируемой души.

Вряд ли стоит спорить о том, что литература (и у нас, и у них!) давно перестала быть только искусством «*belle lettres*», превратившись в разновидность товара. Как специфический товар, литература конкретного жанра с одной стороны нуждается в своём потребителе, с другой – формирует этого потребителя и «привязывает» его к себе. Так формируется бренд жанра и/или стиля. Исследователь маркетинга А.Буланов считает, что «современный брендинг, как на сваях, построен на нескольких устойчивых догматах. У потребителя есть потребности, эти потребности нужно удовлетворять. Для того, чтобы потребители могли отличать одни товары и услуги от других, товары каким-то образом маркируются. Когда торговая марка в сознании потребителя приобретает устойчивые очертания и ассоциируется с определенными характеристиками товара, эту совокупность представлений мы и называем брендом».

Литература жанров «action», «thriller» брендом стала давно, а имена авторов и их героев вошли в глоссарий образованного человека XX и XXI столетий.

Не претендуя на открытие в сфере маркетинга, отметим, что потребителями литературы как специфического товара выступают как отдельные граждане, так и государство. Товар есть средство

удовлетворения потребностей. Экономист А. Маслоу различает потребности первичные (выживание, безопасность и защищённость) и вторичные – потребности в контактах, в самоутверждении, в самореализации. Его коллега Д. Баркан дополняет классификационные признаки потребностей такими чертами, как специфика, альтернативность, глубина проникновения в общественное сознание. Эти положения, на наш взгляд, полностью применимы к «литературному товару». Кроме того, будучи реализованными, они в какой-то мере обеспечивают государству и первичные потребности, связанные с его, государства, выживанием, то есть, в определённой степени помогают, пусть косвенно, решать проблемы защиты страны и её безопасности.

Создавая образ врага, рисуя противостоящую ему сильную личность героя-патриота, литература жанра «action» формирует систему ценностей у молодёжи своей страны, готовит её к борьбе с противником, имя которого будет названо людьми, контролирующими «инженеров человеческих душ». По мнению А.Буланова, «Характеристики бренда, которые известны потребителям и благодаря которым он осуществляет свой выбор в пользу бренда, бывают рациональными и эмоциональными. Эти характеристики (собственно, то, что потребитель знает и думает о бренде) можно целенаправленно формировать, изменять и вообще всячески влиять на них посредством коммуникации».

Условно говоря, вся наша жизнь – рынок, а мы в его системе – коммуниканты, постоянно принимающие и передающие информацию, «*messages*», как ныне модно выражаться. Среди этих «мессиджей» и сведения о скидках на стиральный порошок, и статистика «свиного» гриппа, и описание ущемлений демократии в какой-нибудь молодой стране, и возмущение действиями пиратов Африканского Рога и многое (очень разное) другое. Часть этой информации воспринимается нашим разумом и служит основой принятия решений (купить «Тайд», пройти вакцинацию, принять участие в митинге протеста), почти вся она воздействует на эмоциональную сферу, формирует нашу аксиологию и, в конце концов, тоже способствует формированию решений (уехать добровольцем в Иностранный легион, провести демонстрацию у посольства Сомали).

На послевоенном литературном рынке не случайно возник в качестве производителя и продавца Ян Флеминг и созданный им товар по имени «Бонд. Джеймс Бонд». Ситуация в мире

характеризовалась резким обострением отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, присутствием атомного оружия, локальными вооруженными конфликтами. Реальностью стало очередное военное противостояние в Европе, стали забываться миллионы жертв боёв, концлагерей, голода и лишений. Западу (как, впрочем, и Востоку!) понадобился образ коварного врага и светлый лик борца с ним. Из множества появившихся для удовлетворения этой потребности литературных опусов конкуренцию выдержали романы о Джеймсе Бонде. Их успеху способствовали несколько факторов: автор – офицер разведки во время Второй мировой войны, герой – офицер флота Её Величества, сюжеты, несмотря на сказочность, увлекательны, в текстах достаточно юмора и иронии. Воздействуя на умы и сердца, Бонд стал не только литературным брендом: возникла масса потребительских товаров с логотипом «007». Вклад кинематографа в визуализацию героя неоспорим, хотя и неоднозначен.

Джеймс Бонд вошёл в сознание потребителей этого литературного продукта как бренд. Степень увлечённости им показывает, что под данным брендом можно продавать товары и в других категориях (мы встречаем типаж борца за ценности западной демократии в фильмах: Сигал, Ван-Дамм, Брюс Уиллис), можно расширять линейку товаров в рамках удачного бренда (именно так возникли и приобрели популярность герои книг Форсайта, Ле Карре).

Классика «брендостроительства» предполагает, что выбор бренда потребителем определяют сначала рациональные, а затем эмоциональные характеристики товара. Последующим этапом есть установление долговременных отношений бренда с потребителем на основе наличия у товара набора качеств, черт и ценностей понимаемых, принимаемых и разделяемых потребителем. Чем проще и односложнее мир – тем проще решается эта задача. В современном же мире перемен в среде и людях выстроенный традиционным методом бренд теряет гибкость, утрачивает шанс на стабильность и постоянство отношений со своим потребителем. Дискретность и разнообразие современного рынка делает проблематичным применение традиционных методов создания литературного бренда, однако некоторые приёмы доказывают свою непреходящую эффективность. Среди использованных Яном Флемингом ценностей назовём идеалы западной демократии и необходимость сохранения мира; среди качеств и черт героя (читай «бренда»!) – привлекательность типичного англосакса, амбива-

лентное (одновременно как рыцарское, так и потребительское) отношение к женщинам; постоянная привязанность к одним моделям машин, часов, оружия. Бонд и исключителен, и типичен, что привлекает к нему читателей и почитателей, делает желанным образцом для подражания представителями разных поколений. Враги Бонда – общие враги Запада, его союзники – сторонники демократии. В большинстве романов о супергерое выразительно подчеркнута эффективность оси сотрудничества между Великобританией и Соединёнными Штатами Америки.

В то же время необходимо признать, что в сознании потребителя происходят изменения, и перемены эти иногда могут наступить так быстро и так неотвратно, что вещи, которые для него были статичной правдой ещё сегодня, уже завтра могут поменяться, при этом – не обязательно логично. Главная причина этого кроется в усложнении аудитории: многое для неё ещё недавно было устоявшимся, однозначным и понятным, теперь же она разделилась на массу групп, каждая со своим мнением и оценкой ситуации. Для удачной продажи им литературного бренда необходимо тщательное изучение динамики потребительских симпатий.

Представления людей об окружающем мире меняются сегодня с калейдоскопической скоростью, и новые точки зрения не обязательно полностью замещают собой предыдущие. У нынешнего потребителя может существовать больше одного ответа на один и тот же вопрос, и все они будут искренними. Дробление потребителей на мелкие группы создает большие проблемы при разработке позиционирования бренда. Распылять усилия сразу по нескольким направлениям трудно и нерационально дорого. Попытка же найти общие интересы у совершенно разных групп, опираясь на прямолинейное стремление удовлетворить разнородные потребности одним и тем же литературным товаром, приводят к созданию безликой и необыкновенно банальной коммуникации. Поэтому основной задачей сейчас является исследование групп читателей-потребителей и отношений между ними с целью выбора ядра целевой аудитории, на котором можно сосредоточить усилия по продвижению бренда.

«Выстраивание и корректировка основных атрибутов бренда уже довольно давно основываются на двух главных догматах современного маркетинга – отстройке и фокусировке. Отстройка – это формирование набора значимых для потребителей характеристик, который отличает этот бренд от остальных. В идеале, желате-

льно найти уникальные характеристики, которые присущи только этому бренду, и жестко закрепить их в сознании потребителя, связав со своим брендом.

Фокусировка – стремление сконцентрировать внимание потребителя на ключевых характеристиках бренда, чаще всего с целью фиксирования в восприятии потребителя жесткой связи между определенными потребностями и способностью товара под этим брендом их удовлетворять. Фокусировка считается особенно важной при разработке предложения Аренда, которое должно быть однозначно трактуемым и предельно понятным (*single minded proposition*). Именно отстройка и фокусировка лишают отношения потребителя и бренда гибкости», считает А.Буланов.

Приведенное выше утверждение об утрате гибкости возможно и правильно по отношению к товарным брендам, однако интересующий нас бренд литературный, кажется, только выигрывает в результате отстройки, закрепляющей уникальность характеристик жанра политического детектива, и фокусировки – внушения читателю уверенности в том, что его потребности в остросюжетном чтении, потакающем его, читателя, убеждениям и вкусам, будут гарантированно обеспечены.

В создание устойчивых представлений читателя-потребителя о литературном бренде компаниями-издателями вкладываются огромные средства. «В то же время современное общество ежедневно подвергает сомнению ценность устойчивых представлений о чем бы то ни было. Все уменьшается уверенность в том, что людям вообще нужны сколько-нибудь устойчивые представления. Более того, в быстро меняющемся обществе любые устойчивые представления начинают напоминать гирю на ногах и делают человека менее адаптивным. Если обстоятельства изменились, а представления остались прежними, картина мира утрачивает реалистичность», утверждает А.Буланов.

Привычные действия в новой ситуации дают неадекватные результаты, вследствие чего человеку рано или поздно приходится трансформировать свои представления и приводить их в соответствие с окружающим миром, что приводит к нарушению взаимоотношений со знакомыми понятиями и объектами. В таком случае литературный бренд изменяет порядок и стиль подачи информации, приспособляясь к изменяющимся (или новым) потребностям своего потребителя. Так возникли романы бондовской серии о сотру-

национальных злодеев; прослеживается изменение политической позиции Тома Клэнси, автора серии романов о Джеке Райане.

Активность и масштаб изменений в окружающем нас мире иногда пугают, поэтому стремление скрыться от наступления перемен, уйти от них, перенестись в мир, в котором их не существует, становится всё сильнее. Эта тенденция получила название «искэпизм» от английского *to escape* – «бежать, скрываться». Среди радикальных стратегий ухода от окружающей действительности – алкоголь, наркотики, всевозможные транквилизаторы, антидепрессанты и снотворное или просто физическое бегство в деревню или за тридевять земель, называемое сейчас модным термином «*downshifting*». В снижении стрессового давления окружающего мира и отдалении от него уверенно помогает чтение книг – занятие, полностью поглощающее внимание и потому рассматриваемое нами как едва ли не самое распространенное проявление искэпизма.

Политический детектив, как и разнообразная литература в жанре «фэнтези», имеет свойство не только переносить человека в создаваемую им квазиреальность, но и оставлять его там после прочтения книги. «Толкиенисты» (поклонники книг Джона Толкиена) и любители кельтской субкультуры многочисленны, но так же плотны ряды любителей бондианы, поклонников Ле Карре, Форсайта, Семёнова. «*The Ryanverse*», серия романов Тома Клэнси о Джеке Райане, представлена своему любителю уже не только книгами, но и фильмами, и компьютерными играми. Подобная литература «с последствиями» – своеобразный портал перехода в другую реальность для расплодившихся искэпистов.

Уменьшить ироническую составляющую данного утверждения можно только признав, что политический детектив в исполнении подлинных мастеров жанра становится не только формой искэпизма, но и способом моделирования и прогнозирования окружающей действительности. Футурореалистические сюжеты Клэнси скорее реалистичны, они построены на объективно существующих в мире политических и экономических отношениях, на результатах творческого прогнозирования перспектив их развития.

ПОЛВЕКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Я намеренно уделил много внимания описанию ранее указанных фактов и обстоятельств, достаточно широко известных, поскольку практически все они стали объективной базой для сюжетов большинства знаковых политических детективов по обе стороны упомянутого Черчиллем «железного занавеса», разделявшего наш мир в течение полувека.

В начале апреля 2007 года в обе палаты Конгресса США был внесён законопроект об учреждении новой памятной воинской награды за победу в холодной войне (*Cold War Service Medal*), поддержанный группой сенаторов и конгрессменов от демократической партии во главе с тогдашним госсекретарём США Хиллари Клинтон.

Медалью предлагалось награждать всех служивших в вооружённых силах или работавших в государственных ведомствах США в период со 2 сентября 1945 года по 26 декабря 1991 года.

Хиллари Клинтон в этой связи приписывают следующее высказывание: *«Наша победа в холодной войне стала возможной только благодаря готовности миллионов американцев в военной форме отразить угрозу, исходившую из-за железного занавеса. Наша победа в холодной войне стала огромным достижением, и те мужчины и женщины, которые проходили службу в то время, заслуживают награды».*

Конгрессмен Роберт Эндрюс, представлявший законопроект в палате представителей, сказал: *«Холодная война была глобальной военной операцией, крайне опасной и порой смертельной для храбрых солдат, моряков, лётчиков и морских пехотинцев, участвовавших в этой кампании. Миллионы американских ветеранов, которые служили по всему миру, чтобы помочь нам победить в этом конфликте, заслуживают получения уникальной медали в знак признания и уважения за их службу»*. В США даже существует Ассоциация ветеранов холодной войны.

Сам термин «холодная война» впервые прозвучал 16 апреля 1947 года в речи Бернарда Баруха, советника Президента США Гарри Трумэна, перед палатой представителей штата Южная Каролина. По мнению авторов Википедии, *«Холодная война – глобальная геополитическая, военная, экономическая и идеологическая конфронтация между СССР и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, длившаяся с 1946 по 1991 год»*.

Название «война» условно, так как эта конфронтация не была войной в прямом смысле. Одной из главных составляющих конфронтации была идеология. Глубинное противоречие между капиталистической и социалистической моделями является основной причиной холодной войны. Две сверхдержавы-победительницы во Второй мировой войне пытались перестроить мир согласно своим идеологическим установкам. Со временем конфронтация стала элементом идеологии двух сторон и помогала лидерам военно-политических блоков консолидировать вокруг себя союзников *«перед лицом внешнего врага»*.

Следует признать, что начало советско-американского сотрудничества ничего подобного не предвещало. Президент Рузвельт после нападения Германии на СССР в июне 1941г. написал (цитируем известного российского политолога С. Кара-Мурзу), что *«это означает освобождение Европы от нацистского доминирования. В то же время я не думаю, что нам следует беспокоиться о какой-либо возможности русского доминирования»*. Рузвельт полагал, что великий союз держав-победительниц может продолжать действовать и после второй мировой войны, подчиняясь обоюдоприемлемым нормам поведения, а предотвращение взаимного недоверия между союзниками он считал одной из главных своих задач.

Но были в США, как отмечает уже упоминавшийся нами С. Кара-Мурза, «и деятели, которые предвидели, к чему поведет эта политика. Министр торговли в администрации Трумена, Уоллес, направил в сентябре 1946 г. президенту письмо с предложением отказаться от развязывания холодной войны и начавшейся в США гонки вооружений и строительства военных баз».

Он писал, в частности: «Мы должны признать, что наш интерес в делах Восточной Европы столь же ограничен, как и интерес России в Латинской Америке, Западной Европе и Соединенных Штатах... Наши действия наводят на мысль: 1) что мы готовимся к тому, чтобы победить в войне, которая нам кажется неизбежной; 2) или что мы собираемся накопить превосходящие силы, чтобы запугать остальную часть человечества. Как бы мы чувствовали себя, если бы Россия имела атомную бомбу, а мы – нет, если бы Россия имела 10 тыс. бомбардировщиков и воздушные базы вблизи от наших берегов, а мы – нет?». Через три дня Уоллес был уволен в отставку».

Справедливости ради следует согласиться с тем обстоятельством, что в 1945 году СССР также занимал достаточно активную позицию на международной арене: предъявил территориальные претензии Турции и потребовал изменения статуса черноморских проливов, включая признание права Советского Союза на создание военно-морской базы в Дарданеллах, а несколько позже настаивал на предоставлении ему права на протекторат над Триполитанией (Ливией), чтобы обеспечить себе стабильное присутствие в Средиземноморье. В 1946 году активизировались греческие повстанцы, руководимые коммунистами и подпитываемые поставками оружия из Албании, Югославии и Болгарии, где уже находились у власти коммунисты (хотя к 1947 году гражданская война в Греции закончилась поражением левых сил).

Но ведь ещё в апреле 1945 года (напомним, что Германия капитулировала 8 мая 1945 года!) тогдашний премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль распорядился начать подготовку плана войны против СССР! В своих мемуарах политик привёл причины, побудившие его к принятию такого решения: СССР стал реальной военной угрозой для Америки и Европы, Советская Армия стремительно продвигалась на запад, союзник

СССР руководитель Югославии маршал Тито имел реальные притязания к Италии и т.п. В своей речи в Фултоне (США, штат Миссури) 5 марта 1946 года Черчилль (к тому времени уже не премьер-министр Великобритании) заявил, что отношения СССР с одной стороны и США и Великобритании с другой стороны должны строиться на военном превосходстве стран, говорящих на английском языке. Черчилль прежде всего решил укреплять отношения с США, так как они обладали монополией на ядерное оружие. Это заявление обострило противостояние между СССР и Западом.

Речь Черчилля очертила новую реальность, которую отставной английский лидер, после заверений в глубоком уважении и восхищении *«доблестным русским народом и моим товарищем военного времени маршалом Сталиным»*, определил так: *«От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике, железный занавес протянулся поперёк континента. По ту сторону воображаемой линии – все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы... Коммунистические партии, которые были очень небольшими во всех восточных государствах Европы, дорвались до власти повсюду и получили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают почти повсеместно, и... нигде нет никакой подлинной демократии.*

Турция и Персия также глубоко встревожены и обеспокоены требованиями, которые предъявляет к ним Московское правительство. Русские сделали попытку в Берлине создать квазикоммунистическую партию в их зоне оккупации Германии... Если теперь советское правительство попытается отдельно создать прокоммунистическую Германию в своей зоне, это причинит новые серьёзные трудности в британской и американской зонах и разделит побеждённых немцев между Советами и западными демократическими государствами... Факты таковы: это, конечно, не та освобождённая Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира».

Черчилль призвал не повторять ошибок 30-х годов и последовательно отстаивать ценности свободы, демократии и «христианской цивилизации» против тоталитаризма, для чего необходимо обеспечить тесное единение и сплочение англосаксонских наций. Неделями позже И. В. Сталин в интервью

газете «Правда» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР.

В 1949 году был образован военно-политический блок НАТО, в состав которого вошли США и большинство стран Западной Европы. В 1955 году странами социализма был создан свой военно-политический союз, Организация Варшавского Договора (ОВД). Новое противостояние требовало сплочённости всех членов противоположных блоков, их участия в конфликтах и вмешательства в развитие событий в любой части мира. Усилия США и СССР направлялись, прежде всего, на доминирование в политической сфере.

PAX ROMANA в переводе с латыни означает «римский мир». Слово «мир» имеет здесь значение антонима слову «война», потому что римляне, покорив регионы, которые ранее переживали беспрестанные вооружённые конфликты, сумели не только обеспечить период относительного затишья, во время которого не было ни серьёзных гражданских войн, сотрясавших Европу в I веке до н. э., ни крупных конфликтов с иностранными державами, но и объединить эти территории под властью императора. Состояние мира относилось только к территориям в пределах границ империи, в то время как на периферии продолжались боевые действия с германцами, парфянами, даками и другими народами.

Приведенная здесь карта показывает, что в рассматриваемый период Римская империя подчинила себе всё Средиземноморье и часть Северной Европы. Изначально это был период внешнего равновесия, спокойствия, гармонии.

В реальности же Pax Romana был «вооруженным» миром, потому что незыблемость границ империи поддерживалась силой оружия. Пограничные конфликты не прекращались ни при одном императоре, что расшатывало экономику

империи и держало в напряжении всю государственную машину. На смену двум столетиям мира пришёл кризис III века,

ознаменовавшийся, в частности, вторжением в пределы империи германских племён с севера и персов с востока.

Мода на учёные фразы из латыни привела к возникновению и термина **Pax Americana** (лат. *Американский мир*). Именно так стали именовать период экономической и общественно-политической стабильности, сложившейся в западных странах после окончания второй мировой войны и окончательного размежевания сфер влияния США и СССР, ставшего центром **Pax Sovietica** (лат. *Советский мир* – употребляемое отдельными авторами обозначение области влияния СССР («страны социалистического содружества»), которая в период Холодной войны (с 1945 по 1991 гг.) противостояла области влияния США (*Pax Americana*). Поддерживавшаяся при помощи ядерного паритета биполярная система создала предпосылки для формирования известной экономической и общественно-политической стабильности в Советском Союзе и его странах-сателлитах. Организационно *Pax Sovietica* выражался в Совете экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора).

Эти две новые державы (США и СССР), установившие биполярный мир, были своего рода аналогами древней Римской империи во времена своей стабильности – *Pax Romana*. США, в частности, были явным преемником бывшего могущества во многом идентичного **Pax Britannica** (по аналогии с лат. *Pax Romana* – период относительного мира в Европе и мире в 1815–1914 годах, на протяжении которого Британская империя полностью доминировала на море и контролировала большинство морских торговых путей.

Началом *Pax Britannica* историки считают период после битвы при Ватерлоо, а окончанием – начало первой мировой войны.

Pax Britannica характеризовался провозглашением курса на свободу торговли и отмену рабства, распространением по всему миру английского языка, парламентаризма, британских законодательных норм, британской системы мер и весов. Пиком и олицетворением британского могущества стал период правления королевы Виктории).

Роль США, как доминанты западного мира, объяснялась в частности тем, что эта страна не пострадала от разрушительных последствий второй мировой войны и смогла легко распространить своё влияние в странах Запада. Во многом роль США после 1945 года была даже значительней, чем после распада СССР в 1991 году.

Неоднократно, однако, несмотря на прочные экономические узы между странами, составившими *Raх Americana*, был явный некий идейный раскол – в первую очередь с Францией, заметившей явное германское доминирование коалиции.

Кристофер Лэйн, профессор Сельскохозяйственного и политехнического университета Техаса, работающий над книгой «После распада: международная политика, генеральная стратегия США и конец *Raх Americana*» в апреле 2012 года написал: «Период евроатлантического доминирования в мире был долг, но он подходит к концу». И далее: «Когда великие державы начинают чувствовать ослабление своих позиций в мире, их лидеры обычно занимают позицию отрицания этого факта». Когда на заре XX века руководители Британии смутно почувствовали такое ослабление своих позиций глобального доминирования, мрачное высказывание великого дипломата лорда Солсбери затронуло одновременно и признание начала упадка, и его отрицание. Он заявил: «Чтобы ни произошло – произойдёт к худшему. Поэтому в наших интересах, чтобы происходило как можно меньше». Конечно же, одним из элементов упадка стала уменьшающаяся возможность государства влиять на то, как много или как мало всего на самом деле происходит.

Подобное наблюдаем сейчас и в Америке, где вопрос упадка беспокоит лидеров страны. В сентябре 2010 года госсекретарь Хилари Клинтон объявила о «новом моменте для Америки», который должен «заложить основы для длительного американского превосходства на десятилетия вперёд». Через полтора года в своём обращении к народу Президент Обама заявил: «Любой говорящий вам, что Америка пребывает в упадке, не знает, о чём он говорит». Эти возражения, однако, не в состоянии остановить происходящие в реальном мире изменения, которые совокупно бросают вызов установившемуся после 1945 года мировому порядку, часто называемому *Raх Americana*, при котором Соединённые Штаты использовали своё силовое преимущество для того, чтобы формировать и направлять ход событий в мире.

Эта эра американского доминирования близится к концу с уменьшением относительной мощи державы и её способности управлять мировой экономикой и безопасностью. Это далеко не означает, что США последуют примеру Великобритании первой половины XX века. И сейчас, и в ближайшее время США останутся

primus inter pares, первыми среди основных держав мира, хотя и неизвестно, смогут ли они удержать это первенство на протяжении следующих 20 лет. Сходит с мировой сцены «Старый Порядок», выкованный историческими событиями Первой мировой войны, Великой Депрессии и Второй мировой. Лидеры Америки будут хотеть возразить этому или как-то помягче сказать об этом своему народу, но на самом деле перед Америкой и её руководителями стоят такие острые вопросы: Что заменит «Старый Порядок»? Каким образом сможет Вашингтон защитить свои интересы в новой эре мирового устройства? Какие изменения в мире будут сопутствовать переходу от старого к новому?

Политический детектив предлагает свои варианты ответов на эти и подобные острые вопросы современности.

С окончанием войны полярность мира резко изменилась – старые колониальные страны Европы и Япония лежали в руинах, зато вперед выдвинулись Советский Союз и Соединенные Штаты, лишь незначительно вовлеченные в мировое соотношение сил до этого момента и заполнившие теперь своеобразный вакуум, образовавшийся после крушения стран оси. И с этого момента интересы двух сверхдержав вошли в противоречие – и СССР, и США стремились как можно дальше расширить пределы своего влияния, началась борьба по всем направлениям: в идеологии, чтобы завоевать умы и сердца людей; в стремлении вырваться вперед в гонке вооружений, чтобы разговаривать с противоположной стороной с позиции силы; в экономических показателях, чтобы продемонстрировать превосходство своего общественного строя; даже в спорте – как сказал Джон Кеннеди, *«международный престиж страны измеряется двумя вещами: ядерными ракетами и золотыми олимпийскими медалями»*.

С самого начала противостояния развернулся процесс милитаризации двух сверхдержав и, хотя Соединённые Штаты и СССР не вступали в прямое военное столкновение, их соперничество за влияние часто приводило к вспышкам локальных вооружённых конфликтов по всему миру, появлению «горячих» точек, ибо противники по холодной войне поддерживали противоборствующие стороны. Ввиду того, что прямой конфликт между двумя сверхдержавами неминуемо перерос бы в ядерный с гарантированным уничтожением всего живого на планете, стороны стремились взять верх другими методами, в т.ч. и ослаблением

противника в отдельно взятом регионе и укреплении там своих позиций, при необходимости и с помощью военных действий.

Как отмечает уже упоминавшийся популярный российский политолог С. Кара-Мурза, «за почти 40 лет от первого вооруженного конфликта в Корее (1950-1953) и до последнего на лаосско-тайландской границе (1988) огненная дуга советско-американского противостояния опоясала практически все континенты планеты от Восточной Азии до Латинской Америки, от Южной Африки до Центральной Европы. За это время в многочисленных войнах погибли миллионы людей, втянутыми в них оказались десятки государств. Некоторые из конфликтов не урегулированы до сих пор: Афганистан, Корея, Индокитай, Ближний Восток, страны Африканского Рога и др. – во всех этих конфликтах мы так или иначе находим и «костлявую руку американского империализма», и «агрессивные происки империи зла» – в виде оружия и денег, советников и инструкторов, «добровольцев» и воинских контингентов.

Холодная война была гигантской ошибкой, стоившей миру огромного напряжения сил и гигантских материальных и людских потерь в период 1945-1991 гг. Бесполезно выяснять, кто был более и менее виноват в этом, кого-то обвинять или обелять – одинаковую ответственность за это несут политики как в Москве, так и в Вашингтоне».

Холодная война сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне. Наиболее известным из таких случаев, когда мир оказывался на грани катастрофы, стал Карибский кризис 1962 года. В связи с этим в 1970-е годы обеими сторонами были предприняты усилия по «разрядке» международной напряжённости и ограничению вооружений.

Анализируя геополитическую ситуацию интересующего нас периода, Збигнев Бжезинский в статье «Холодная война и её последствия» пишет, в частности, о том, что новое обострение наступило в 1979 году в связи с вводом советских войск в

Афганистан, воспринятым на Западе как нарушение глобального равновесия и переход СССР к политике экспансии. Обострение достигло пика осенью 1983 г., когда советскими силами ПВО был сбит южнокорейский гражданский авиалайнер, на борту которого находилось около 270 человек. Именно тогда президент США Рональд Рейган назвал СССР «империей зла».

В 1983 году США разместили на территории ФРГ, Великобритании, Дании, Бельгии и Италии баллистические ракеты средней дальности «Першинг-2» с подлетным временем до целей на европейской территории СССР в 5-7 минут и крылатые ракеты воздушного базирования. Параллельно с этим в 1981 году США начали производство нейтронного оружия – артиллерийских снарядов и боеголовок для ракеты малой дальности «Ланс» и разработку программы космической противоракетной обороны (так называемая программа «звёздных войн»).

Обе эти широкомасштабные программы крайне беспокоили советское руководство, и в ответ в ноябре 1983 года СССР вышел из проходивших в Женеве переговоров по евроракетам. Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов заявил, что СССР предпримет ряд контрмер: разместит оперативно-тактические ракеты-носители ядерного оружия на территории ГДР и ЧССР и выдвинет советские атомные подводные лодки ближе к побережью США. В 1983 – 1986 гг. советские ядерные силы и система предупреждения о ракетном нападении находились в состоянии повышенной боевой готовности.

Уже с 1987 года ситуация начинает резко меняться. В этом году во внешней политике СССР происходит коренной поворот к так называемому «новому политическому мышлению», провозгласившему «социалистический плюрализм» и «приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми». С этого момента идеологическое и военно-политическое противостояние начало быстро терять остроту.

Новая внешнеполитическая доктрина была обусловлена развитием политического процесса в СССР в сторону отказа от коммунистической идеологии. Зависимость экономики СССР от западных технологий и кредитов, а также резкое падение цен на нефть привели к тому, что СССР пошёл на широкие уступки во внешнеполитической сфере.

Распространено мнение о том, что это было связано также с тем, что возросшие в результате гонки вооружений военные расходы

стали непосильными для советской экономики, однако ряд исследователей доказывает, что относительный уровень военных расходов в СССР не был чрезмерно высоким.

В 1988 году начинается вывод советских войск из Афганистана. В декабре того же года Горбачёв, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с «программой ослабления противостояния», заявил о сокращении советских вооруженных сил; 21 марта 1989 года вышло постановление Президиума Верховного Совета СССР о сокращении армии и начале конверсии оборонных предприятий. Однако этим советские уступки не ограничились: осенью 1989 года один за другим начали рушиться коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе, на что СССР никак не отреагировал. Запад до последнего момента не мог поверить в то, что Горбачёв со своим «новым мышлением» зашёл так далеко. Смена власти во всех странах-сателлитах СССР привела к ликвидации советского блока, а вместе с ним – и к фактическому прекращению «холодной войны». 21 ноября 1990 года в Париже была подписана так называемая «Хартия для новой Европы», провозгласившая фактический конец полувекового противостояния двух систем и начало новой эры «демократии, мира и единства».

Что же имеем в итоге, так сказать, «в сухом остатке»? По мнению Кара-Мурзы, *«Запад выиграл Холодную войну, а Советский союз ее добровольно проиграл. Теперь, распустив Организацию Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи, сломав «железный занавес» и объединив Германию, разрушив сверхдержаву и запретив коммунизм, Россия в 21 веке может убедиться в том, что не никакая идеология, а только геополитические интересы превалируют в западном политическом мышлении. Придвинув границы НАТО вплотную к границам России, расположив свои военные базы в половине республик бывшего СССР, американские политики все чаще обращаются к риторике времен Холодной войны, демонизируя Россию в глазах мирового сообщества. И все же хочется верить в лучшее – что великие державы Востока и Запада будут не конфликтовать, а сотрудничать, адекватно решая все проблемы за столом переговоров, без какого-либо давления и шантажа, о чем мечтал самый великий президент США 20 века».*

Думается, что это вполне осуществимо – в наступившей эпохе глобализации Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря медленно, но верно интегрируются в мировое сообщество, их компании выходят на зарубежные рынки, а западные корпорации приходят на территорию за бывшим «железным занавесом». В конце концов, миллионам простых людей в мире главное – «чтобы не было войны...» – ни горячей, ни холодной.

На фронтах «холодной войны» как достаточно эффективное средство воздействия на умы и сердца противника активно использовалась и литература.

В условиях «военных действий» политический детектив как вид оружия обладает целым рядом преимуществ: скорость изготовления, массовость применения и неприхотливость к условиям использования. Действительно, многие произведения жанра быстро «изготавливались» под заказ (Ю. Семёнов создал «ТАСС уполномочен заявить» за несколько недель, споро работали Овалов и Адамов; на поток поставлено производство романов под брендом Клэнси; со страниц книг карманного формата уверенно шагнул на киноэкран «вечно живой» Джеймс Бонд). Тексты и киноленты подобных опусов расходятся миллионными тиражами, а требования к их художественным достоинствам в большинстве случаев занижены. Результат же их воздействия на реципиента достаточно эффективен, что было особенно важно для того внешне «мирного» времени, когда противостоявшие стороны планировали и проводили военные действия с использованием самых современных систем реального оружия, когда с обеих сторон активно действовали части психологической войны и не прекращались попытки создания «пятых колонн» на территории противника.

Свою весомую лепту в формирование «нужного» общественного мнения у западного обывателя внесли Ян Флеминг и Майкл Крайтон, Роберт Ладлэм и Джеймс Грэйди, Ларри Бонд и Патрик Ларкин. Чего стоят только такие кошмары Запада второй половины 20 века, как *«Красный шторм поднима-*

ется» и «Охота за «Красным Октябрем» Тома Клэнси!

Советские авторы этого жанра не смогли достойно и результативно ответить, а, может, сознание наших читателей больше тяготело к восприятию западной точки освещения происходившего. Как бы то ни было, а в последней операции холодной войны на сторону противника перешло почти все руководство СССР и влиятельная часть интеллектуальной элиты, Западу удалось парализовать сознание и волю большинства граждан, молниеносно провести капитуляцию и разоружение СССР, а затем разделить доставшиеся баснословные трофейные ценности. Холодную войну Запад выиграл, а Советский Союз добровольно ее проиграл.

Казалось бы, самое время торжествовать победу? Но нет, холодная война, как война цивилизационная, с поражением СССР вовсе не закончилась в принципе, она лишь перешла в новую стадию и прикрывается новой фразеологией. С исчезновением пугала коммунизма, всё чаще говорят и пишут «русский медведь», «русский фашизм», «украинская мафия» и т.д. Именно с этими врагами сражаются герои произведений Тома Клэнси «Красный Кролик», «Кремлёвский Кардинал». Суть изменилась мало, только образ России и стран постсоветского пространства сильно принижен по сравнению с СССР. В новых образах теперь отсутствуют идеальные, мессианские устремления коммунистов, остались лишь подлые темные интересы кланов и инстинкты стяжателей и расхитителей. К тому же западные политики и обыватели очень уважают силу, которой в своё время СССР обладал. Современных же слабых своих противников стремятся поскорее уничтожить. Реальные политические и экономические акции Запада против России и большинства стран СНГ носят достаточно выраженный подрывной характер, пожалуй, еще более жесткий, чем во времена СССР.

Нельзя не признать, что произошедшие изменения в расстановке сил на мировой арене повлияли на авторов политических детективов: зачастую Россия поддерживает силы Запада в борьбе против совместного противника («Медведь и Дракон», «Радуга-6» Т. Клэнси). Однако надо уяснить простую истину, о которой нам напоминает тот же Кара-Мурза: *«в цивилизационной войне побежденного противника уничтожают. Уничтожают не мечом, а как самобытную культуру, но при этом большая часть народа угасает, распыляется, исчезает с лица*

земли. Надеяться на пощаду наивно и глупо. Запад в отношениях с побежденным противником следует заветам Н.Макиавелли. А он писал в книге «Государь»: «Нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить».

Вот почему не ослабевает воздействие Запада-победителя на умы и сердца жителей нашего «бывшего города», которых продолжают «разъединять и рассеивать». Ответить же на это воздействие пока некому, нечем, да и имеет ли смысл? Ведь мы до сих пор не верим, что война продолжается...

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ ВОЕННОГО ТЕХНОТРИЛЛЕРА

Пусть этот факт особенно не признавался, однако в 80-х годах наиболее читаемыми произведениями научной фантастики были военные технотриллеры, список лучших из которых возглавляли романы Тома Клэнси, Стивена Коонтса, Дэйла Брауна, Пэйна Гаррисона и Ральфа Питерса (*Tom Clancy, Stephen Coonts, Dale Brown, Payne Harrison and Ralph Peters*). Даже в период своего расцвета произведения этого жанра не удостоились внимания серьёзных критиков, а с уменьшением популярности о жанре просто стали забывать.

В то же время, место этой литературы в ряду подобных произведений, её связь с жанром научной фантастики в широком смысле термина, заслуживают внимания профессиональных филологов. Социологов, социальных психологов и маркетологов, должны заинтересовать в этом жанре, на мой взгляд, способы создания образа героя (страны и/или личности), создание и функционирование системы «свой-чужой», оказание мощного и действенного идеологического влияния на реципиента текстов.

Военный технотриллер: краткий обзор

Из названия «технотриллер» понятно, что это триллеры, центральным элементом которых является «техно», в особенности высокотехнологичные системы оружия, которые в период создания конкретного произведения были ещё новыми или должны были стать доступными в ближайшее время (как, например, самолёт технологии «стелс» в 80-е годы). Элемент же «триллера» состоял в том, что это оружие находилось в центре международного конфликта (опять же таки, возможного в ближайшем будущем), что давало шанс и технике, и людям, её использующим, выполнить свою задачу.

Основных сюжетов было два, оба введены в канон ранними работами Тома Клэнси. В первом одна из сторон находящегося в центре сюжета конфликта (обычно это период «холодной войны») создаёт техническую новинку, которую другая сторона хочет

захватить или нейтрализовать. Видим это в вышедшем в 1984 году романе «Охота за «Красным Октябрем» (*The Hunt for Red October*), где капитан ВМФ СССР Марко Рамиус дезертирует на Запад на новейшей ПЛАРБ своей страны, что создаёт предпосылки к международному кризису. Во втором – действия «плохих парней» вынуждают «хороших» вести крупномасштабные боевые действия, чтобы тех остановить, как в романе 1986 года «Красный шторм поднимается» (*Red Storm Rising*), когда силы НАТО отражают советское вторжение в Европу.

В обоих случаях повествование сосредоточивалось на развитии кризиса и описании подробностей боевых действий. Основой успеха этих книг была реальная возможность подобных событий, что подкреплялось ссылками на экспертов, перечнями технической литературы, словарями терминологии и даже, в отдельных случаях, цитатами из сводок реальных новостей в начале произведения, указывающих на пути возможного развития событий.

Биографии авторов также подчёркивали их статус специалистов в данном вопросе, отмечая, что они ветераны войны (как Стивен Коонтс и Дэйл Браун), или, по крайней мере, происходят из семей военных или состоят в каких-либо воинских организациях. Благодаря глубине изображения происходящего и тщательности проработки фактического материала некоторые авторы (Том Клэнси и Ральф Питерс) приобрели статус «общественного эксперта» по вопросам обороны.

В зеркале прессы

В 80-е годы прошлого века эти романы стали своеобразным книгоиздательским явлением, причём самым крупным был успех Тома Клэнси. Его роман «Кремлёвский кардинал» (*The Cardinal of the Kremlin*), вышедший в 1988 году, возглавил список продаж этого года, а *Clear and Present Danger* – список продаж не только своего года, но и всего десятилетия. На протяжении 90-х четыре из его книг были вторыми в списке продаж своего года выпуска (1991's *The Sum of All Fears*, 1994's *Debt of Honor*, 1996's *Executive Orders* and 1998's *Rainbow Six*), а «Без сожаления» (*Without Remorse*) оказалась на четвёртом месте годового списка еженедельника *Publisher's Weekly*. Это сделало Тома Клэнси пятым по уровню продаж автором десятилетия после Джона Гришема, Стивена Кинга, Даниэлы Стил и Майкла Крайтона (все из них, кроме Майкла Крайтона, написали

значительно больше книг, чем Клэнси), а изданные им в 2000-е три романа достигли таких же высоких показателей. Всё это дало Клэнси возможность популяризировать своё имя как бренд и раздуть его до непостижимых размеров. Ни один из авторов так и не смог сравниться с ним в популярности, хотя у многих из них достигли и долго пользовались материальным успехом, особенно Дэйл Браун и Стивен Коонтс, которые также использовали свои имена как бренд (сериалы *Dreamland* и *Deep Black* соответственно).

Жанр оказался популярным не только в литературе: Голливуд выпустил несколько фильмов на военную тематику, во многих из которых фигурировали образцы современной боевой техники. Вершиной стал кассовый успех фильма о лётчиках «*Top Gun*», но кроме него были и сериал «Стальной орёл» (1986, 1988, 1992, 1995 годы), и «Огненные птицы» (1990), и «В осаде» (1992, сериал в 1995), и «Кровавый прилив» (1995), и «Сломанная стрела» (1996), и «За линией фронта» (2001, сериалы в 2006 и 2009). Были сняты фильмы и по романам Тома Клэнси о Джеке Райане (1990, 1992, 1994, 2002) и по роману Коонтса «Полёт «Интрудера» (*Flight of the Intruder*), 1991 год. «В тему» попали и фильмы последнего времени о Джеймсе Бонде, и телевизионные драмы об авиации ВМФ США: *Emerald Point N.A.S.* (1983-1983), *ABC's Supercarrier* (1988), *Pensacola: Wings of Gold* (1997-2000, *JAG* (1995-2005)) и о Президенте США (*The West Wing* (1999-2006), *Commander-in-Chief* (2005-2006).

С учётом того, что в видеоиграх с самого начала использовались игры-стратегии, «стрелялки» и тренажёры-симуляторы боевых машин, содержание триллеров стало вполне естественным объектом для новых игр, что принесло и популярность, и материальный успех. Многие из видеоигр продолжали использовать первичные названия, однако другие основывались на успешных фильмах, а в ряде случаев – и на успешных книгах, где снова выделился Том Клэнси. В 1988 году его роман «Красный шторм поднимается» (*Red Storm Rising*) стал основой для видеоигры, на чём он не остановился, основав в 1996 году корпорацию «Red Storm Entertainment», которая и запустила в производство популярные серии «Радуга-6» (*Rainbow Six*) и «Призраки на разведке» (*Ghost Recon*).

Военный технотриллер не возник из ниоткуда, скорее всего, у него были предшественники и источники вдохновения в литературе XIX столетия, взгляд на которую поможет разглядеть это явление.

Есть достаточно оснований, чтобы считать его развитием жанра детектива, что совпадает с изменениями в методах сбора развединформации в XX столетии, ознаменованном мировыми войнами и холодными войнами, и технологическими изменениями во всех сторонах жизни общества. На место зачастую спонтанных, планирующихся сиюминутно операций оперативников-одиночек прежнего времени пришла разведка, ставшая сферой деятельности крупных бюрократических организаций с чиновниками (только некоторые из которых шпионы в полном смысле этого слова), контролирующими громадные бюджеты и вооружённые ультрасовременным оборудованием (например, спутники-шпионы). Их работа – длительные неспешные операции, очень сложные – они далеки от суперменов типа Бонда, только исполняющих за считанные дни всю работу по раскрытию заговоров и разгрому «империй зла»: от сбора информации до застёгивания «молний» на чёрных пластиковых мешках.

Старые верования не умирают, поэтому прежние герои живы до сих пор, однако шпионская проза достаточно рано отразила переход разведки и национальной безопасности вообще в руки организаций-аббревиатур. Как пример – СМЕРШ в «С любовью из России» (*From Russia With Love*) у Флеминга (1957 г.) или похищение бомбардировщика «Vindicator» в романе «Шаровая молния» (*Thunderball*), 1961 г. В качестве примеров можно назвать и произведения Майкла Крайтона (Michael Crichton) «Штамм Андромеда» (*The Andromeda Strain*, 1969) и Клайва Касслера «Поднять «Титаник» (*Clive Cussler Raise the Titanic!*, 1976).

Произошедшие изменения укрепили эту тенденцию, а вариантов реакции на неизбежные перемены оказалось только два: первый – показать героя-одиночку в ситуации, заставляющей его действовать вне (и зачастую против) системы в качестве личности, втянутой в интригу, или как человека изнутри системы, вынужденного изменить ей, как в романах Роберта Ладлэма (Robert Ludlum) и Джеймса Грэди (James Grady). Второй – охватить новую реальность, что и сделал Крэйг Томас (Craig Thomas) своим «шпионско-приключенческим» романом «Огненный Лис» (*Firefox*). Книга 1977 года (фильм по ней - 1982 г.), в ней английская разведка

МИ6 направляет пилота Митчелла Ганта (Mitchell Gant) в СССР украсть опытный образец истребителя МиГ-31. Произведение широко приветствовали как первый образец технотриллера 80-х годов, однако по-настоящему достойный подход продемонстрировал Том Клэнси, книги которого примечательны не только своими героями или группами героев, но и широтой, размахом, даже некоторой «эпичностью» изображения людского и машинного механизмов государственной безопасности США и СССР.

Вместо того, чтобы дать своему герою, Джеку Райану (*Jack Ryan*), возможность доминировать в повествовании, появляясь в нужное время в нужном месте, автор широко распределяет действие между значительным количеством участников событий, представляющих различные организации и разбросанных географически. Сюда входят и малозначительные персонажи, чья связь друг с другом заключается только в том, что они играют какую-нибудь мелкую роль в развитии общего кризиса, и чья единственная функция в сюжете заключается только в предоставлении чёткого яркого взгляда на какую-нибудь особенно выразительную деталь общей ситуации. В результате место, предоставляемое любому персонажу, становится достаточно ограниченным.

Так, в романе «Охота за «Красным Октябрем» (*The Hunt For Red October*) эпизоды, где Райан даже просто присутствует, составляют менее трети текста. К середине повествования Райан даже исчезает на пятую часть книги, эпизоды которой посвящены сложным манёврам советских и американских кораблей и самолётов в Северной Атлантике, где основное внимание уделяется событиям, имеющим только самое поверхностное отношение к преследованию подводной лодки (как, например, столкновение советских и американских пилотов-истребителей). Вместо этого «центральность» Райана заключается в том, что он по должности находится там, откуда может видеть достаточно общую картину ситуации только через её частное и частичное восприятие другими действующими лицами.

Следует заметить, что жанр современного шпионского романа начал формироваться как таковой в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, часто в связи с другим популярным тогда и важным для военного технотриллера 80-х годов жанром, жанром «вторжения» (*«invasion»*). Началом стала новелла Джорджа Чесни

«Битва при Доркинге» (*The Battle of Dorking*), описывавшая захват Англии Германией и сочетавшая в себе футуристическую военную драму и политическую пропаганду. Подобные произведения достаточно часто появлялись перед ПМВ. Прогресс авиации и средств химической войны привели к разрушению существовавшего мнения о том, что война может быть героической, выгодной и даже оправдываемой. При этом нельзя сказать, что история о вторжении исчезла навсегда: сюжет использовался реже и к нему добавилась мысль о том, что с развитием современных технологий грядущая война может уничтожить цивилизацию. Появление атомного и ракетного оружия после ВМВ усилило эту тенденцию.

Агрессивную международную политику эры Тэтчер-Рейгана некоторые обозреватели сравнивали с политикой периода Чесни. Эта политика не исключала вероятности ведения крупномасштабной войны без применения ядерного оружия. Некоторые особенно технологичные сценарии предполагали блокирование стратегического ядерного арсенала с помощью баллистических ракет и замену ядерного оружия «умным» («*smart*») оружием. Первыми здесь снова стали англичане с вышедшей в 1976 году книгой генерала Джона Хэкетта (John Hackett) «Третья мировая война: август 1985» (*The Third World War: August 1985*), с описанием крупномасштабных сражений на земле, на море и в воздухе. Однако литературе этого направления было суждено стать чисто американским явлением, особенно же после того, как Институт прессы ВМФ США в 1984 году рекомендовал к печати «Охоту за «Красным Октябрем» Тома Клэнси.

При всём том, что широкомасштабные конфликты между США и СССР описывались всё чаще, авторам пришлось учитывать и реалии ядерного века. Расширение конфликта до уровня ядерного постоянно присутствовало в умах героев, потому авторы ограничивали его или лимитированным обменом ударами или ослабеванием политической воли одной из сторон. Конфликт или имел ограниченное развитие, или происходил между США и одной из стран-сателлитов СССР (Timothy Rizzi's *Nightstalker* (1992), Stephen Coonts, *Final Flight* (1986), Richard Herman, *The Warbirds* (1989), Larry Bond and Patrick Larkin, *Red Phoenix* (1989) and *Vortex* (1991).

Засилье «ястребов» в международной политике конца 70-х и в 80-е годы стала только одной из сторон общего поворота в сторону

консерватизма того периода, который справедливо можно назвать «неовикторианским», что часто отражалось и в технотриллере. Все американцы в книге Тома Клэнси «Красный шторм поднимается» – образец храбрости, выдержки и служения стране и долгу. Офицеры – пример компетентности и творческого подхода к делу, солдаты и сержанты – верные мужья и любящие отцы.

Пускай роль персонажей в литературе такого толка и незначительна, утверждение традиционных ценностей стало немаловажным фактором в завоевании симпатий многих читателей и оказало положительное культурное воздействие. Немногие критики оспаривали тот факт, что эти книги сыграли важную роль в возрождении положительного общественного мнения об американских военных (и о применении силы вообще) после Вьетнама.

Ещё одним, далеко не новым, сюжетом стало использование изобретений: молодой храбрый изобретатель создаёт устройство или оружие, которое даёт ему возможность спасти девушку, страну или весь мир от какой-нибудь угрозы: будь то иностранцы, злодеи-учёные или пришельцы. Изобретатель побеждает, получает девушку и становится богатым (*The Huge Hunter*, Edward J. Ellis, 1868; *War Stars: The Superweapon*, Н. Bruce Franklin; *Shadow Command* (2008), *Rogue Forces* (2009), McLanahan). В роли страны-персонажа часто угадывается молодая красивая Америка. Её вероятный противник, СССР, оценивается с презрением: он может противостоять Америке только за счёт отсутствия у него демократии и чрезмерного напряжения человеческих резервов (Dale Brown, *The Flight of the Old Dog*): «Русские играют по правилам, которые отличаются от наших: они не отчитываются ни перед Конгрессом, ни перед прессой, ни перед своим народом, ни перед всем миром... Если им нужна система лазерной обороны – они её строят. Им нужно больше денег – они покупают на 20% меньше мяса или на 30% меньше туалетной бумаги и плюют на общественное мнение».

Всеми, однако, есть предел. Почитателям жанра всё реже удавалось найти что-нибудь оригинальное на фоне всеобщей повторяемости (*The Enemy Within* (1994) и *Day of Wrath* (1998) Larry Bond; *Rainbow Six, Red Rabbit* (2002) и *The Teeth of the Tiger* (2003), Tom Clancy; *Final Flight* (1986), *The Red Horseman* (1993) и *Liberty* (2003), Stephen Coonts). Кино и телевидение тоже поняли, что

желающих смотреть фильмы о «ближневосточных злодеях» стало мало.

Том Клэнси, издававший по роману в год или в два, не издал ничего после «Зубы Тигра» в 2002 году, хотя видеоигры по его произведениям продолжают пользоваться популярностью.

Тенденция к упадку продолжается и жанр постоянно слабеет. Несмотря на агрессивные упования некоторых футурологов, за два с лишним десятилетия после падения Берлинской стены у США не было ни одного конфликта с другой сверхдержавой. Всё больше оснований появляется не считать подобный конфликт возможным и в ближайшем будущем. Кроме того, объективный рост уровня автоматизации управления процессами современного боя уменьшает поле фантазии для авторов подобной литературы. Воображаемые сражения из книг наших авторов становятся всё более откровенно вымышленными.

Охотничий инстинкт в детективе

Каждый жанр есть живой, постоянно развивающийся организм. Непрерывная эволюция детективного жанра привела к возникновению жанра политического детектива. Симбиозом жанров приключенческой, детективной и фантастической литератур справедливо можно считать жанры «action» и «thriller».

Не вдаваясь в вопросы теории литературы, отметим популярность названных выше родов литературных произведений, интерес к которым может быть обусловлен психологической разрядкой и интеллектуальным отдыхом, которые предоставляет современному человеку такого рода чтение. Не исключено, что читатель находит и ценит в этой литературе определённый нравственный урок, возможность ставить себя на место героя для решения нравственных и социальных проблем современности, или, наоборот, возможность ухода от рутины и обыденности в вымышленный мир. В любом случае неоспоримо положительное влияние на психологию читателя, доведение до него конкретных нравственных постулатов, стимулирование готовности к действиям в рекомендованном автором направлении.

Литературные произведения названных выше жанров носят выраженный гендерный характер: в большинстве случаев их писателями и читателями есть мужчины. Это обстоятельство в значительной степени обуславливает и язык текстов.

Жизнь современного мужчины утратила столь необходимый компонент авантюризма, приключений, риска. Восполнению этого недостатка помогает художественная литература, особенно произведения в жанре «action». Уже в их названия авторы вводят упоминание об отсутствующих в рутине повседневности таких элементах жизни как охота, версия, вариант, случай, тайна. «**Охота** на пиранию», «**Версия** полковника Зорина», «Испанский **вариант**», «**The Case of the Borrowed Brunette**», «**The ODESSA File**», «**Тайна** двух океанов» уже стали классикой жанра, а имена героев мы практически не отделяем от фамилий авторов. Чтение произведений Кристи, Ладлэма, Форсайта, Семёнова, Адамова, братьев Вайнеров и других корифеев жанра свидетельствует о хорошем читательском вкусе.

Одним из наиболее важных, почётных и опасных занятий мужчины-кормильца, добытчика была охота, которую сейчас результативно заменили супермаркеты. Обращение к словарю показывает, насколько широким является это понятие: «*Охота – добыча диких зверей и птиц, а также ловля их для расселения, использования в зоопарках, цирке и т.п.*» очень разнообразна по формам («ружейная, самоловная, псовая, конная, с ловчими птицами») и по целям («промысловая, спортивно-любительская, научная»). Охота как процесс включает в себя несколько этапов: изучение объекта охоты, мест его обитания, повадок, сильных и слабых сторон. Далее идёт стадия продумывания тактики действий охотника, подбор оружия и снаряжения, отбор других участников процесса (псарей, сигнальщиков, загонщиков и т.п.). Собственно процесс охоты требует от его участников предельной собранности, концентрации всех умственных и физических возможностей, максимально полного использования характеристик окружающей среды, оружия, снаряжения и оборудования. Побеждает, как правило, более смелый, более изобретательный, более умелый, а также более удачливый.

Древний ген охотника бродит в жилах современного мужчины, поэтому не случаен успех романа Тома Клэнси «The Hunt for Red October» (в русскоязычном переводе «Охота за «Красным Октябрем»).

СОЗДАЙ СЕБЕ ВРАГА...

Наш мир характеризуется биполярностью, одним из проявлений которой есть существующее в обществе разделение на плохих и хороших, своих и чужих, друзей и врагов. Это разделение носит характер сугубо условный, расплывчатый, достаточно субъективный; его можно не признавать, не воспринимать вообще, с ним можно не соглашаться, но, пусть и в подсознании, оно существует, оно срабатывает, оно влияет на наши суждения, оценки, мировосприятие как таковое. Дифференциацию мира, общества, социальных групп создали и продолжают творить и поддерживать такие социальные институты как религия, искусство, музыка, литература, создавая, каждый по-своему, антагонистические образы.

С отходом в тень творческого метода социалистического реализма вопрос классовости литературы утратил былую остроту и принципиальность, однако художественное произведение не может быть безвекторным. Это утверждение особенно характерно для политического детектива, ибо подобные произведения просто не бывают без острого противостояния, без выразительной антагонистичности персонажей, без чёткого деления на своих и чужих. Они создают образ врага, поддерживая и углубляя давно существующее в обществе противостояние.

Роман американского автора Тома Клэнси «Долг чести» (*«Debt of Honor»*) издан в 1994 г. Он является одним из произведений серии о Джеке Райане (*The Hunt for Red October, Patriot Games, Clear and Present Danger* и др.), некоторые прочие персонажи также переходящие. Сюжет придуманный, однако, с точки зрения современности, не совсем уж фантастический: Япония при поддержке Индии и Китая намерена одолеть Соединённые Штаты. События происходят по всему миру.

Ниже предлагаем рассмотреть некоторые приёмы и способы, используемые автором для создания образа врага Америки.

Создавая образ врага, Клэнси сознательно избегает обобщений, обвиняя не целые народы, а отдельных их представителей. Одним из них есть Ямата, видный бизнесмен из финансово-промышленных кругов Японии, так называемых «*дзайбацу*». В начале произведения

он приезжает на место самоубийства членов его семьи, которые в конце II мировой войны бросились со скалы в море, не желая попадать в плен к американским морским пехотинцам. Местные жители прозвали это место «скала Банзай».

Ямата – человек не молодой, но не лишённый целеустремлённости, внутренней силы и уверенности (*a man in his early sixties, his stride was strong and purposeful...his face was impassive*). Автор показывает одно из отличий японцев от европейцев: чтобы обратить на себя внимание духов, Ямата хлопает в ладоши и кланяется (*The businessman clapped his hands once and bowed his head, both to call the attention of the lingering spirits to his presence and to show proper obeisance to their influence over his destiny*). У христиан подобных ритуалов нет.

Перед нами достаточно символичная картина: «банзай» – вековой боевой клич японцев, волны Тихого океана (тоже вечная категория) разбиваются о скалу, как разбились об неё тела родственников Яматы (*the waves marching in their endless ranks to smash against the rocks at the base of the cliff – the same rocks that had smashed the bodies of his parents and siblings*); бизнесмен считает, что *kami*, духи погибших, ждали его возвращения (о слове и символе *kami* дополнительно скажем ниже) и мысленно делится с ними планами построения будущего, для чего необходимо сначала всё разрушить (*he'd build here, but only after he'd done what was necessary first. First, he had to destroy*).

Внезапно Ямата чувствует странный холод, причиной которого считает эмоциональность момента или присутствие духов умерших. Это, однако, следовало бы принять за определённое предостережение, поскольку дальнейшие события доказали преступный характер пути, избранного им для себя и своей страны. Несколько позже Ямата снова на том же месте, он созерцает вечный океан и рассуждает, что это «американское озеро», где господствует американский флот, и не догадывается о грядущих переменах (*He could see the surface of the North Pacific...the immortal sea. For almost all of his life, it had been an American lake, dominated by their navy. Did the sea know that? Did the sea know that it would change?*). Океан молчит: он не знает или не хочет сказать о том, что американским он и останется, но только ценою многих американских и японских жизней.

Выводя японцев как врага Америки в возможном будущем противостоянии, Клэнси обращает внимание читателя на некоторые характерные черты отдельных представителей этого народа, такие, например, как культ красоты зла (*The engineer at the Yoshinobu space-launch complex knew he was not the first man to remark on the beauty of evil*): это может быть красивый самурайский меч (*the national mania for craftsmanship had probably begun with the loving attention given to swords, the meter-long katana of the samurai*), или творчески задуманная и мастерски выполненная из урана-238 ядерная боеголовка ракеты *That was the elegant part, the engineers thought, especially those unfamiliar with nuclear physics who had learned the process along the way. The U-238, so dense and hard and difficult to work, was a highly refractory metal. The Americans even used it to make armor for their tanks, it resisted external energy so well. Screeching through the atmosphere at 27,000 kilometers per hour, air friction would have destroyed most materials, but not this one, at least not in the few seconds it took, and at the end of the process, the material would form part of the bomb itself. Elegant, the engineers thought, using that most favored of words in their profession, and that made it worth the time and the trouble*). При взрыве урановый корпус боеголовки создаст основной объём радиоактивного заражения (*If the bomb was detonated, the uranium-238 from which it was made would also create most of the fallout*), однако о его воздействии на людей никто не думает, ибо для японцев из романа это же только чистая физика! (*Well, that was physics*)».

Писатель отрицательно характеризует отношение японцев к женщине (*Then there was the way they treated women... The war between the sexes in this country certainly had rules different from the ones with which he'd been raised*): некоторые персонажи с повышенной эмоциональностью обсуждают в бане физические особенности американок и их поведение («*I wish you hadn't told me about that round-eye*». *Nomuri said with his own eyes closed, sitting in his usual corner and allowing his body to take in the enveloping heat of the water*); в стране очень популярен комикс о любовной связи собаки и женщины (*a dog with a female mistress, to whom he talked, and with whom he had... sexual relations*).

Будущий премьер-министр наделён всеми чертами не политического деятеля, а сексуального маньяка (авторский неологизм «*cocksman*», not «*statesman*» мне не хотелось бы

переводить по этическим соображениям), американская журналистка убеждена, что у него нрав и устремления насильника, которого следует остерегаться (*«And he's the next head of that country's government». Kris Hunter's eyes were even more intense now. «He hates us, Dr. Ryan. I've interviewed him. He didn't want me because he found me attractive. He wanted me because he saw me as a blond-and-blue symbol. He's a rapist. He enjoys hurting people. You don't forget the look in the eyes once you've seen it. He's got that look. We need to watch out for this guy. You tell the President that»*).

Выведенные в романе американцы как правило пьют кофе, реже – пиво, совсем редко – виски. Японцы же пьют саке, но и здесь автор отмечает, что им бы лучше вообще не пить из-за врождённого недостатка организма, который приводит к повышенному уровню опьянения (*Many Japanese have a genetic abnormality called «Oriental Flush» in the West, or with greater ethnic sensitivity, «pathological intoxication». It is actually an enzyme disorder, and means that for a relatively low quantity of alcoholic intake, there is a high degree of result*). Здесь медицинский факт используется в качестве объективного свидетельства «низшести» японцев.

Главной же отрицательной чертой показанных в романе японцев, как мы уже отмечали выше, есть претензии на национальную исключительность. Они презирают даже генетически родственных им корейцев (*There was the racial part of it, of course. Japan was not strictly speaking a homogeneous society; the Ainu people were the original inhabitants of the islands but they mainly lived on Hokkaido, the northernmost of the Home Islands. Still called an aboriginal people, they were also quite isolated from mainstream Japanese society in an explicitly racist way. Similarly Japan had an ethnic – Korean minority whose antecedents had been imported at the turn of the century as cheap labor, much as America had brought in immigrants on both the Atlantic and Pacific coasts. But unlike America, Japan denied citizenship rights to its immigrants unless they adopted a fully Japanese identity, a fact made all the more odd in that the Japanese people were themselves a mere offshoot of the Korean, a fact proven by DNA research but which was conveniently and somewhat indignantly denied by the better sections of Japanese society*). Остальные же народы для них – *гайджин*, варвары (*All foreigners were gaijin, a word which like most words in the local language had many flavors. Usually*

translated benignly as meaning just «foreigners», the word had other connotations like «barbarian»).

В ходе переговоров с индийским адмиралом в отношении совместных действий против американцев японцы проявляют по отношению к этому образованному человеку, потенциально важному союзнику «вежливое презрение» (*With his swarthy skin and sharp features... an educated and very bright potential ally... Chandraskatta was regarded by the others with polite contempt*), им кажется, что от этого человека пахнет «по-иноземному» и этот мнимый запах не в состоянии преодолеть даже большое количество выпитого саке (*he was even more gaijin than the Chinese guest, and the eight zaibatsu around the table each imagined that he could smell the man, despite their previous intake of sake...*).

Отдельного исследования заслуживает тема подачи Томом Клэнси образов русских. Текст романа «Долг чести» демонстрирует очень толерантное отношение к ним и их деятельности, но автор всё же не смог удержаться от сравнения русских и японцев в опросах национальной исключительности. Офицер внешней разведки России, цитируя хайку, высказывает мысль, что «маленьким варварам» очень далеко до Пушкина, даже до Пастернака» (*«Plum blossoms bloom, and pleasure women buy new scarves in a brothel room». Not exactly Pushkin, is it? Not even Pasternak. Arrogant little barbarians»*).

Ожидания русского встретиться с интересной страной, приятными людьми не оправдались. Наоборот, за три года пребывания в Японии он возненавидел многие стороны японской культуры в основном потому, что слишком высокомерное восприятие остального мира было свойственно и ему самому (*He'd been in Japan for three years. He'd arrived expecting to find a pleasant, interesting place to do business. He'd come to dislike many aspects of Japanese culture, mainly the assumed local superiority to everything else in the world, particularly offensive to a Russian who felt exactly the same way*).

В противовес этой национальной ограниченности американцы показаны большой командой единомышленников, в состав которой входят мужчины и женщины, этнические англосаксы, немцы, евреи, латиносы, афроамериканцы и даже русские. Автор прямо высказывает мысль о том, что победа будет за тем миром, «где несть

ни эллина, ни иудея», а есть только люди, признающие ценности открытого общества.

Экспансия Японии обусловлена объективно: Ямата сравнивает свою страну с городом без земли за его стенами, с сильной рукой без сердца, которое качало бы в неё кровь (*Our country is like ... like a city with no surrounding countryside, like a strong arm without a heart to send it blood*) и призывает к исправлению положения, пусть и ценой большого риска или даже гибели (*We've told ourselves for years that this is a normal state of affairs – but it is not, and we must remedy the situation or perish. It is a great gamble we undertake*). Политическая ситуация складывается благоприятно для Японии (*His country's needs coincided exactly with a new opportunity*): нарушено равновесие между Востоком и Западом (*There was a new world, and despite America's repeated pronouncements of a new order for that new world, only disorder had replaced what had been three generations of – if not stability, then at least predictability. The symmetry of East and West was now so far back in the history of contemporary minds that it seemed like a distant and unpleasant dream. The Russians were still reeling from their misguided experiment, and so were the Americans, though most of their pain was self-inflicted...*), и в условиях ослабления великих когда-то России и Америки возникла возможность подъёма державы, которая заслуживала быть великой (*and in the dimming of two formerly great powers lay the opportunity for a country that deserved to be great*).

Признавая слабость экономического фундамента Японии, Ямата замечает, что «слабые и глупые американцы», в отличие от «умных» японцев, получили свои богатства благодаря капризу судьбы (*«The basic problem is that our country's economic foundation rests not on rock, but on sand», Yamata began, speaking rather like a philosopher. «As weak and foolish as the Americans are, fortune has given them things which we lack. As a result, however clever our people are, we are always at a disadvantage»*). Потому он принимает решение действовать от имени олигархов и от имени державы, начав процесс возрождения Японии за счёт унижения другой страны (или даже стран!): (*he could act on their behalf and his nation's. It was his mission to raise up his nation and to humble others. It was his destiny and his duty to make these things happen, to be the catalyst for all the energy of others*). Созданию дополнительного ощущения важности момента помогает использованная автором усилительная конструкция «it

was...»: «it was his mission», «it was his destiny» – «это было его дело», «это была его судьба». Этого момента Ямата ждал 15 лет, даже больше: всю свою жизнь, начиная с того февральского дня в 1944 году, когда он, десятилетний мальчик, в одиночку покинул дом на корабле (Yamata told himself that he had waited fifteen years for this moment. Then he considered the thought... and realized that he'd really waited a lifetime for it, since the age of ten, when in February 1944, he alone of his family had boarded the ship).

Возвращаясь к исполненной символизма сцене на «скале Банзай» отметим, что переоборудованные японцами из гражданских Боингов-767 самолёты электронной разведки носили позывной «Ками». Подобно духам предков, они защищали страну от проникновения врага, но один за одним гибли в результате чётко спланированных и мастерски проведенных операциям спецслужб и вооружённых сил американцев. Япония утрачивает поддержку сверхъестественных спиритов и электронных разведывательных платформ.

Во время пребывания на скале Ямата рассуждает над необходимостью разрушать (*he had to destroy*). Существительное «*destroyer*», «эскадренный миноносец», происходит именно от глагола «*to destroy*» – разрушать, уничтожать. Лидер эсминцев ВМФ Японии «Мутсу» есть практически одним из персонажей романа, фигурирующий в нескольких эпизодах произведения. Его гибель от торпед американской подводной лодки символизирует уничтожение того, который призван уничтожать других.

В тексте романа «Долг чести» содержится много исторических аналогий, представленных проприальной лексикой: боевые корабли обеих сторон носят названия единиц флота, принимавших участие во Второй мировой войне, часто упоминаются имена командиров и военачальников того периода. Это помогает созданию трансцендентной, объёмной во времени системы образов противников. Символичным для судьбы Японии в романе есть то, что приказ о начале боевых действий премьер-министр отдаёт кодовой фразой почти пятидесятилетней давности: «Начать восхождение на гору Ниитака». Результат этого «восхождения» во время Второй мировой общеизвестен. Япония снова терпит поражение, подтверждая правильность цитируемых героем произведения Джеком Райаном слов американского адмирала Билла Хэлси о том, что после войны на японском будут говорить только в

аду (*On the evening of December 7, 1941, USS Enterprise pulled into Pearl Harbor to refuel and rearm. Admiral Bill Halsey was riding the bridge, as usual, and looked at the mess from the morning's strike and said, «When this war is over, the Japanese language will be spoken only in hell»*).

Можем говорить о целенаправленном использовании здесь архетипа ада, где грешники должны отбывать наказание за нарушение ими установленных канонов. Является ли установленный американцами тип устройства мира объективно справедливым – вопрос спорный, но у Клэнси по этому поводу нет никаких сомнений. Для протаскивания своей частной точки зрения автор использовал архетип общерелигиозного характера, который безотказно срабатывает в отношении очень широкого спектра мирового сообщества.

Я попытался схематично показать некоторые языковые способы создания образа врага, что есть достаточно актуальным для современного мира. Сказанное выше даёт основания заметить, что для решения важной общественно-политической задачи – создания образа врага и поддержания таким образом мирового противостояния – автор литературного произведения (в анализируемом случае – в жанре политического детектива) тщательно подбирает лексику и синтаксические конструкции; использует символы и архетипы. Практическая ценность подобных языковых способов и приёмов выходит за пределы сугубо литературных: они полностью приемлемы для газетных и рекламных текстов, выступлений политических и религиозных лидеров, их можно использовать в повседневной деятельности специальных служб для пропаганды и контрпропаганды.

МАНИХЕЙСТВО КАК ФИЛОСОФИЯ КЛЭНСИ

Выше мы говорили о создании образа врага и его противопоставлении образу «своих». Читатель согласится, что большинство, если не все, произведений в жанре политического детектива построены на основе нескольких оппозиций (дихотомий) постоянного характера, вокруг которых существуют оппозиции менее важные. Подобная бинарность построения конфликта характерна и для анализируемых нами романов Тома Клэнси.

Общая схема дихотомий приблизительно такова:

1. Мы – они;
2. Герой – злодей;
3. Герой – женщина;
4. Верность – измена;
5. Правда – ложь;
6. Честность – бесчестность;
7. Жизнь – смерть;
8. Закономерность – случай;
9. Преданность долгу – беспринципность;
10. Самоотверженность – трусость;
11. Бескорыстие, идеалы – алчность и т.п.

Приведенный перечень ни в коем случае не претендует на полноту и всеохватность проблемы, его можно при желании сократить или расширить, однако перечисленные оппозиции легко отыскиваются практически в любом политическом детективе.

Теперь несколько предметнее. В романах Тома Клэнси, особенно в серии о Джеке Райане, бинарные дихотомии выглядят приблизительно так: оппозиция **«мы – они»**, **«свои – чужие»**, **«герой – злодей»** сводится к противостоянию США – СССР; США – Китай, Япония, Индия, Объединённая Исламская Республика (вымышленное государство); США – Европа; «Свободный» мир – страны с тоталитарными режимами; а также Райан – свои; Райан – чужие; христианство – атеизм; христианство – ислам.

Правдивость, честность, преданность долгу, бескорыстие, самоотверженность до безрассудства – черты героя. Противнику

справедливо досталась ровно половина качеств: лживость, нечестность, беспринципность, алчность, трусость.

Чуть сложнее, но всё равно достаточно прозрачно выглядит дихотомия «закономерность – случай». При закономерном (в результате планирования) развитии событий «наша» закономерность оказывается «закономернее», импровизации у «нас» более продуманные и результативные, да и случай, при всем известной его слепоте, чаще помогает американцам и их союзникам.

Следует отметить также, что, когда герой произведений Клэнси, демонстрируя верность родине, преданность долгу, самоотверженность и бескорыстие, рискуя собственной жизнью «идёт на прю» с коварным супостатом, его задачей есть не только утверждение идеалов и верований «свободного» мира, но и демонстрация превосходства: личного, государственного, этнического, даже расового.

Герой серии романов Джек Райан – белый, англосакс, ирландец католического вероисповедания. Таков же Джон Кларк, таковы многие другие. Они постоянно и выразительно берут верх над русскими, китайцами, японцами, арабами: раса торжествует. Да, элемент «расового превосходства» в значительной степени приглушен наличием положительных героев-«инородцев» (Чавез, Ортега, Манкузо и др.), однако он достаточно ощутим в текстах.

Подобное справедливо и в отношении религии. Внешне декларируя объективное отношение к верованиям других народов и стран, ирландский католик в Клэнси берёт верх: сказалось образование, полученное автором в иезуитской школе и в католическом университете. Однако при более пристальном ознакомлении с текстами произведений Тома Клэнси выявляются следы постулатов другой, более гибкой, религии.

При явно выраженной идее дуализма добра и зла, которые стали причиной возникновения мира и останутся главными действующими силами в этом мире вплоть до его конца, просматривается и некий второй смысловой пласт. Если внимательно приглядеться, то можно заметить, что не все так уж жестко определено – демоны (представители противной стороны в романах жанра), безусловно, видимое олицетворение зла, однако они тянутся к свету и вожделеют его, и после катастрофы смешения получается так, что многие частицы божественного света оказываются поглощены демоническими телами. Могут ли эти

демоны тьмы теперь олицетворяют зло? Даже человек по сути сделан из тьмы и благость его определяется лишь количеством накопленных им частиц света. Может ли он считаться абсолютно хорошим или абсолютно плохим?

И ещё о религии. В сюжетах произведений Тома Клэнси выразительно угадываются апокалиптические мотивы. В «Откровении Иоанна Богослова», одной из книг Нового Завета, древнейшем из сохранившихся христианских литературных произведений, содержащем пророчества о «конце света», о борьбе между Христом и антихристом, «страшном суде», «тысячелетнем царстве Божьем», читаем: *«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч»; «я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них».*

Что это, как не параллели с ракетным мечом подводных ракетноносцев («Красный Октябрь» в роли «рыжего коня»), с попыткой бактериологической атаки против США («Слово Президента»)?

Согласно христианским книгам, у грешников ещё остаётся немного времени, однако страшная кара близится: *«Неправедный пусть ещё делает неправду, нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё. Се, грядущее скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его; Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду».* Свою трактовку апокалипсиса Клэнси решает в отличном от классического ключе: изначально хаотический мир снова придёт в состояние равновесия и гармонии.

Эти и подобные взгляды Тома Клэнси, нашедшие выражение в его текстах, очень близки манихейству, религии, существовавшей в период с III по XIII столетие. В своё время апологеты христианства называли её «мировой ересью», однако учение персидского астролога Мани, созданное из лучших элементов других религий, очищенных от неугодных и ненужных постулатов, смогло распространиться в Европе и Азии и всюду оставить свой след. И это никоим образом не обвинение в адрес популярного автора. В современных условиях глобализации культурный продукт уравнивается и подходит к потреблению практически в любой части света. Это же справедливо и в отношении религии Мани, логичной и похожей на все религии одновременно, признающей существование нескольких пророков, что позволяет назвать её религией постмодернизма.

Манихейство оказалось на удивление гибкой религией – в ней нет понятия абсолютного зла – есть лишь недостаток добра, что роднит учение Мани с буддизмом. Даже самое злое создание может послужить на пользу добру, даже самое омерзительное творение может содержать свет – таким образом достигается примирение с темными элементами: то самое равновесие, тот самый «инь-янь», где темная сторона существует лишь для того, чтобы могла существовать белая.

Манихейский дуализм мы усматриваем и в использовании автором действенных архетипов волшебной сказки. Джек Райан, Джон Кларк и иже с ними как рыцари и богатыри прошлого героически сражаются с русским «Медведем» и китайским или японским «Драконом», эпический характер носит противостояние между странами «свободного» мира и тоталитарными государствами, то есть, между силами Добра и Зла. Выведенный автором коллективный образ США и стран-сателлитов имеет чуть ли не библейские черты Народа Избранного.

Тема «герой и женщина» практически снята: Райан – однолюб и образцовый семьянин, немного «шалили» в молодости Кларк и Чавез, однако оба нашли своё личное счастье. Даже представители «другой стороны» – Рамиус, Филитов – хранят верность погибшим жёнам, любит свою жену «Красный Кролик» Олег Зайцев. В то же время в творчестве Тома Клэнси получила развитие не внесенная нами в перечень оппозиция «Любовь, Эрос – Смерть, Танатос». Обратимся к фильму по роману «Охота за «Красным Октябрем». Специфические средства кинематографа дали ему удачную

возможность подчеркнуть особенность океанской стихии как символа «порождающего лона мироздания», символа женского начала. Океан – источник жизни на Земле, а формы этой жизни во многом зависят от оплодотворяющего мужского начала. Фаллические по форме и сути корпуса субмарин, ракет и торпед проникают в «лоно мироздания» и ведут борьбу за обладание им.

Вообще в произведениях Тома Клэнси (а практически в каждом из них очень силён элемент технотриллера) много оружия, по определению являющегося важным атрибутом мужского начала. Чего стоят только описания эпизода встречи над морем советского и американских пилотов, по-мальчишески демонстрирующих превосходства своих боевых машин, или симуляции атаки штурмовиков на советский крейсер. Это в русском языке существительное «корабль», «крейсер» – мужского рода. В английском языке для их обозначения используется местоимение женского рода *she* («испугали *нашу крейсер* своим *самолётом*»)! Мы толкуем названную выше гендерную оппозицию достаточно широко, считая, что под её определение подпадают и операции по связи с агентурой, и акции спецназа и групп по освобождению заложников, и боевые действия с их неоспоримой имплицитной эротичностью. Подспудная сексуальность некоторых батальных сцен в изображении Тома Клэнси ещё ждёт своего исследователя.

Анализируя романы Флеминга о Джеймсе Бонде, Умберто Эко отметил: « *Его романы – это сказки, требующие, чтобы их воспринимали как правду, – иначе сказка превращается в сатирическую притчу. Похоже, что автор писал свои книги одновременно для двух типов читателей: для тех, кто будет принимать все за чистую монету, и для тех, кто будет читать эти книги с улыбкой. Но чтобы эта двойная, амбивалентная функция текстов была успешной, они должны выглядеть подлинными, достойными доверия, несколько простоватыми и безыскусно свирепыми (limpidamente truculento). Человек, который так пишет, – не фашист и не расист: он всего лишь циник, конструктор повествований широкого потребления* ». На наш взгляд, сказанное вполне применимо и к романам Тома Клэнси. Критика часто отмечает их «футурологичность», соотнесённость с реальной ситуацией в мире, однако грань между попыткой предсказать

будущее, основываясь на объективных процессах современной истории, и «сатирической притчей» очень тонка.

Несомненный мэтр жанра Ян Флеминг, творивший в начале «холодной войны» активно использовал элементарные оппозиции, общепонятные клише. Изображённые им представители лагеря противника до абсурда гротескны, их чудовищность трудно воспринимать всерьёз. Даже имена персонажей Флеминга изначально чётко фиксируют природу и характер человека: чего стоит фамилия генерала советской спецслужбы **Грубозабойщиков?** Подобная схематизация, манихейская бинарность за счёт представления света только в терминах «чёрное» – «белое», «наши» – «ваши» в некоторой степени свойственна и Клэнси. Конечно, тридцатилетняя разница во времени выхода в свет романов названных авторов добавила Клэнси толерантности, однако и он во многих романах русских иначе как «иванами» не называет.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Предательство как деяние часто становится стержнем замысла многих произведений Клэнси.

Наверное, в русском языке, по сравнению с другими, больше всего синонимов к слову «изменник» (тот, кто совершил измену, предательство (Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992): веролом, вероотступник, вольноотступник, вор, выдавщик, душепродавец, изменищик, израдник, искариот, иуда, крамольник, крамольщик, неверный возлюбленный, неверный муж, отступник, отщепенец, перебежчик, переметчик, предатель, клятвопреступник, ренегат, доносчик; беглец, дезертир. Контекстуальными синонимами могут быть также *пятая колонна, христопродавец, штрейкбрехер, бандеровец, власовец, квислинг* и др.

Понятие измены предполагает действие, совершённое в отношении кого-либо, чего-либо (измена идеалам революции, измена жене/мужу, измена родине). Изменник – тип отвратительный, ибо подразумевается, что он изначально был связан какими-то обязательствами перед объектом измены, каковые обязательства он нарушил, преступил какие-то клятвы. Здесь считаем необходимым отметить, что клятвы, обеты, обязательства и обещания изначально ставят лицо, их давшее, принявшее или признавшее (субъект измены) в ситуацию отсутствия выбора, то есть, по-простому, в глухой угол. Согласитесь, положение не из лучших, и нравится оно не может никому.

Господствовавшая в нашей бывшей стране теория и практика коммунизма многое в своей идеологии заимствовала из религиозных источников, в частности, из иудаизма, христианства, ислама: это и монотеизм, и мартиролог, и набор моральных постулатов. Заимствованной оказалась и безоговорочная вера в правильность единственного учения, в ошибочность и пагубность пути исповедующих его. Аргументы «за» и «против» воспринимались как ересь и крамола, а попытки спорить могли запросто (и примеров тому не счесть!) привести на дыбу, эшафот, костёр (по выбору судьи из высших жрецов религии). Найдите, как предлагали в занимательных журналах, «десять различий» между фразами: «Нет

Бога, кроме Аллаха, и Магомет Пророк его» и «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Обе звучать крайне «аргументировано»! Наивный вопрос по поводу любой из них мог привести к побиванию камнями или к длительной ознакомительной поездке на рудники «солнечной» Колымы.

Позиция христианской церкви сводится к тому, что первым предателем во вселенной был Сатана, и его предательство заключалось в предательстве абсолютной божественной Истины, которая предполагает органическую и естественную верность себе.

Сравните с одним из определений, принятых XXII съездом КПСС в далёком 1966 году: «Антикоммунизм есть клевета на марксизм, опорочивание идеалов коммунизма и практики его строительства». Подобный подход к трактовке идеологической доктрины (религиозной, политической) полностью исключает наличие духовной свободы человеческой личности.

Такая позиция безнравственна, поскольку ведёт к одностороннему восприятию окружающего нас мира, к формированию устойчивого мнения, что «мы, наши, свои» – лучше всех; что «наша» власть – самая правильная; что «мы» изначально правы в любом внешнеполитическом конфликте; что действия власти на пользу «нашей» стране, «нашему» народу – есть априори истинно верными. Злобные враги и предатели вокруг нас при этом завидуют и клеветуют. Уровень понимания таких значимых сущностей, как патриотизм, происхождение и пределы лояльности простого порядочного человека по отношению к «своим», нравственная свобода личности находятся в нашем обществе на невысоком уровне, что уже приводило (а, возможно, приведёт ещё!) к историческим катастрофам, примером чего есть и нынешняя ситуация в Украине.

Затрагивая в своей работе проблему предательства, считаю, что она требует глубокого исследования. Номинатив «предатель» достаточно всеобъемлющ, чтобы этот ярлык можно было навешивать на идеологических противников. Вспомним ветхозаветного праведника Савла, неумоимого борца с христианством, или потомственного язычника киевского князя Владимира. Первый стал апостолом Павлом, второй – крестителем Руси. Оба, в соответствии со значением упомянутого слова, предатели. Много веков в массовом сознании образ предателя символизировал Иуда, добровольно сделавший свой страшный

выбор за горсть серебра, а в раскаянии так же добровольно лишивший себя жизни. В конце XIX-начале XX века на фоне революционных перемен в общественном мироустройстве этот образ начал активно пересматриваться и переосмысливаться. Множественность и противоречивость трактовок образа Иуды в попытке понять мотивы его поступка дала пищу для размышлений философам, психологам и литературоведам, подтолкнув обычного человека к новым духовным исканиям и поискам смысла. Но кто может знать наверняка, всегда ли новые пути ведут к лучшим мирам, и не слеп ли поводырь?

Значительная часть населения нашей страны в настоящее время позиционирует себя в качестве православных, посещая храмы (особенно активно во время «вкусных» праздников Пасхи и Спаса!). В условиях небольшого города среди этой массы узнаёшь знакомые по «прежним» временам лица пламенных борцов с «религиозным дурманом» и высокооплачиваемых проповедников «светлого будущего». Один из таких «новообращённых» (кстати, с апостольским именем Пётр!), смекнув в период перестройки, с какой стороны на бутерброде масло, даже занял довольно высокую церковную должность, променяв на неё пошатнувшееся горкомовское кресло. Думается, подобных фактов было достаточно, и свидетельствуют они не столько о внезапном понимании и принятии постулатов религии, сколько о многолетней практике безнадёжно заурядного конформизма в нашей стране. Действующая Власть назвала и освятила новую нравственную идентичность, а народ её в очередной раз безропотно принял, ибо не любит камни и Колыму (см. выше). Назовём этих людей предателями или признаем существование явления исторического развития? Новое всегда отрицает старое. Гегель сказал, что новое рождается из старого, ибо больше ему появится неоткуда.

Тысячелетиями живёт в этом мире человек, за это время не единожды наступали периоды смены богов. Появлявшиеся новые пророки от имени этих богов провозглашали новые истины. Вот только и сами пророки, и их адепты родились в мире прежних истин, старых постулатов! Диалектический закон «отрицания отрицания» предполагал отказ от веры отцов и дедов, порицание и уничтожение прежних идолов и храмов, разрушение привычного мира, казавшегося вечным и незыблемым, то есть, по сути, предательство.

Предательство – событие в значительной степени объективное. Субъектом предательства может стать только человек, сознательно вступивший в какую-нибудь общность, признавший и принявший её постулаты, нормы и ценности. Такой человек признаёт за собой определённые обязанности, получает определённые права и в глазах других членов этой общности становится «своим». Выход из такой общности (просто выход или переход на сторону противника), не предусмотренный нормами этой группы и не санкционированный ее членами, является предательством вне зависимости от мотивов и обстоятельств такого перехода.

Заметим, что все серьезные социально значимые общности, существование которых требует соблюдения лояльности своих членов, оформляют членство особым ритуалом, таким, как воинская присяга, получение гражданства, вступление в партию, конфирмация, ритуалы рукоположения в церковный сан и пострижения в монашество и т. д.

Ритуал вступления в общность фиксирует акт сознательного принятия новым членом прав и обязанностей. В ритуале зачастую прописана ответственность за нарушение принимаемых на себя обязательств.

В литературе определённого толка можно встретить утверждения о том, что харакири, сэппуку есть показателем верности самурая своему господину, его преданности принятым на себя обязательствам. История же свидетельствует, что все крупные битвы в Японии выигрывались чаще всего в результате предательства с той или иной стороны, зачастую обоюдного, ибо победителю доставалось солидное денежное вознаграждение. На предательство не только смотрели сквозь пальцы, но даже поощряли его: иногда клан мог разделиться пополам и воевать друг против друга за разных господ, чтобы в конечном счете получить полагающуюся премию. Как заметил один из самураев: *«Честные люди встречаются лишь среди простолюдинов, для самурая же ложь и предательство – необходимая часть воинского искусства»*. Стоит ли приводить примеры из отечественной истории?

Мотивов предательства много. Часть из них достаточно неприглядна (корыстолюбие, стремление к власти, моральное разложение), другие по-человечески понятны, но не меняют моральной оценки акта (страх за близких, конформизм, отсутствие

нравственной стойкости, неспособность противостоять давлению извне или провокациям).

В то же время истоки предательства могут находиться в процессе духовного роста, интенсивной интеллектуальной и умственной работы по поиску истины. В этом случае предательство – акт духовный, он может свидетельствовать о духовном преображении, именно в нём реализуется неотъемлемая свобода личности.

Очень важно различать две вещи: предательство как событие или как волевой акт и моральную оценку факта предательства. Выше мы вкратце коснулись события предательства. Теперь о его моральной оценке: отрицательный момент обмана предателем доверия членов общности, считавших его «своим», неоспорим, однако каждый частный случай желательно рассматривать отдельно. Юлию Цезарю приписывают изречение: «Люблю измену, но не изменников». В зависимости от конкретной ситуации предательство может свидетельствовать об элементарной трусости и моральной слабости, о нравственном величии или о естественном для прогресса конфликте.

Человеческий социум тысячелетиями внедрял в сознание своих членов установку на верность «своим», клеймил предательство как нравственный порок и общественное зло. Нравственная оценка общей ситуации и своего места в ней, оценка «своих» считалась безнравственной и подменялась требованием лояльности, беззаветной преданности. Подобная практика морально-психологического закабаления личности с использованием негативного образа предательства жива и поныне в повседневной деятельности радикальных политических группировок и тоталитарных сект, частично это справедливо в отношении церквей разных конфессий и отдельных семей.

Согласимся, что лояльность лояльности рознь. Существуют высшие, абсолютно непререкаемые божеские и человеческие законы, нарушение которых не может быть оправдано никакими обстоятельствами, никакой верностью даже таким базовым общностям, как родина, вера предков, государство. Примат универсальных ценностей означает, что никакими политическими, правовыми, идеологическими взглядами нельзя объяснить и/или оправдать преступления против человечности.

Предательство есть зло социальное, поэтому вполне нормально и естественно то, что каждая культура отвергает и осуждает предательство. В то же время диалектика бытия отдельной личности выражается в том, что в условиях жёсткого морального конфликта поведение человека определяется религиозным, философским, нравственным выбором его личности. В подобной ситуации можно говорить о духовном преображении, когда все предыдущие обеты, клятвы и лояльности отвергаются, хотя сам акт предательства таковым, тем не менее, остаётся со всей его моральной, правовой, исторической ответственностью. Преданные будут искренне ненавидеть предавшего. Впоследствии акт предательства может получить другую оценку, но это не обязательно. На практике предательство оценивается среди преданных – как поступок низкий; среди тех, ради кого предали – как акт позитивный. Следует отметить, что в цивилизованном мире оценка предательства носит более объективный характер, чем на просторах нашей бывшей родины, где предатель однозначно тот, кто ушёл от «нас», кто покинул «своих».

В истории человечества неоднократно возникали и возникают ситуации противостояния непримиримых сил. Сколько-нибудь объективная правовая, морально-этическая, историческая синхронная оценка таких конфликтов изнутри процесса невозможна. Возможность объективного видения и понимания, взвешенной и отстранённой оценки возникает только после завершения событий и принятия обществом их последствий и результатов, да и эта возможность не всегда и необязательно будет реализована. Внутри событий синхронные оценки действующих лиц и их поведения строго полярны, а по их завершению право на вердикт принадлежит победившей стороне. Оставляя за читателем свободу мнения и право на собственную оценку, назовём лишь несколько имён участников исторических драм: Кромвель, Мазепа, Вашингтон, Петлюра, Махно, Пилсудский, Власов, Тито, Ющенко и др.

Характеризуя творчество Тома Клэнси, мы, в частности, отмечали, что целый ряд сюжетов и образов основных действующих лиц его произведений напрямую взяты из реальной жизни. Материалы советских СМИ о Пеньковском, Саблине, Попове, Шеймове и др. легли в основу сюжетов романов «Охота за «Красным Октябрем», «Кремлёвский Кардинал», «Красный Кролик». Отголоски темы слышны и в других произведениях автора.

Опубликованные в печати и по телевидению материалы кроме фактажа содержат и совершенно правильную и бесспорно объективную оценку действий названных выше лиц: измена Родине, ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Вполне обоснованно возникает вопрос: «А как же тогда сотрудник британской контрразведки Ким Филби? А фэбээровец Ричард Эймс? » Объективно они ведь тоже являются предателями!

Манихейское сознание тогдашних авторитетов отечественной пропаганды, которое усиленно навязывалось и народу, твердило одно: «Мы и «наши» – представители сил Добра и Света, переход на «нашу» сторону, уход из лагеря сил «Тьмы» не может быть предательством, он закономерен и правилен по определению». Таким образом, симметричная оценка сходных по сути актов отсутствует. Изменники с обеих сторон – и американские физики, передававшие Советскому Союзу секреты «Манхэттенского проекта», и полковник ГРУ Олег Пеньковский, который выдавал советские тайны американцам – предатели в равной степени. Каждый из них сделал свой осознанный выбор и до конца прошёл добровольно избранным путём. Вот только первых называли у нас героями борьбы за светлое будущее всего человечества, а второго – презренным предателем нашей Советской Родины.

Авторы произведений в жанре политического детектива, особенно такие, как Том Клэнси, Фредерик Форсайт, Роберт Ладлэм, Джон Ле Карре, часто затрагивают тему предательства. Признавая его социальным злом, они апеллируют к сознанию читателя, предлагая дать объективную, симметричную оценку действиям героев вне черно-белой позиции официальных средств массовой информации, находящихся на содержании правительств.

О предательстве пишут и наши авторы – Лев Овалов, Юлиан Семёнов, однако их точка зрения зачастую грешит манихейством и свидетельствует о непрекращающихся попытках политического режима и господствующей идеологии духовно закабалить человека, привить ему окостеневшие постулаты, сакрализованные в качестве истины в последней инстанции. Выход за рамки этой системы во многом ложных ценностей, сход с дороги «добра и справедливости» зачастую и трактуется, как предательство подлинной истины, измена делу построения светлого будущего всего человечества.

В результате долгих и неоднозначных политических, экономических, религиозных конфликтов и процессов западная

цивилизация сумела выработать иммунитет от превращения когда-то передовой и революционной истины в сегодняшние духовные оковы и тормоз прогресса, создав то, что у нас до недавнего времени презрительно именовалось «либеральными ценностями»: духовную независимость, общественные свободы, плюрализм мнений, свободу дискуссии и право на сомнение, толерантное отношение к «Иному», осуждение фанатизма и так далее. Так возникло секулярное общество, возвращающее человека к нормальному порядку вещей, делающее убеждения, веру вопросом свободного выбора. Истина (если она действительно Истина) сама по себе должна победить ложь в честной конкуренции. Прискорбно только, что не все эти ценности принимаются отечественной реальностью. Сохранившие ещё достаточно сил и влияния фундаменталисты думают иначе.

Эти фанатики и примитивные узколобые личности отказываются признать субъективный характер убеждений человека, коренящийся в самой природе человеческой психики. Любая вера предполагает сомнение. И не только сомнение на этапе обретения веры, а сомнение постоянное, постоянную внутреннюю потребность в критическом отношении к исповедуемым ценностям, постулатам и убеждениям. Человек глубоко верующий постоянно находит подтверждения своим взглядам, при этом все сомнения разрешаются в пользу базовых исходных установок. Человек колеблющийся находит в реальном бытии факты и обстоятельства, которые не укладываются в прокрустово ложе базовой доктрины. Тогда он пытается каким-то образом согласовать реальность и доктрину, объяснить себе вскрытые расхождения. Человек, которому не удастся согласовать растущий массив объективных фактов и обстоятельств, новых соображений с исходными убеждениями, рано или поздно отходит от исповедуемых или пропагандируемых догматов. Властям же не нужен климат здорового плюрализма, ассоциируемого ими с разбродом и шатаниями. Они – за «здоровый консерватизм» и «просвещенный традиционализм», за верность «историческим началам и истокам». В результате на нас наступают спесь и национальное самодовольство, агрессивная нетерпимость к «Иному» (политически, конфессионально, этнически) и растущая тенденция изоляционизма.

Государство как субстанция являет собой альтернативу анархии и хаосу. Оно имеет полное юридическое и моральное право репрессировать всех изменников и предателей, замышляющих

насильственную смену власти или способствующих этому, ибо их деятельность толкает общество к краю пропасти, за которым – хаос и разрушение. С точки зрения власти всякий радикал, работающий на насильственную смену политического режима, – предатель, изменник родине и опасный государственный преступник. А каким видит этого человека общество? На этот вопрос ответить не так просто, но авторы политического детектива помогают приблизиться к варианту ответа. В любом случае, они сеют семена сомнения в головах своих читателей. По нашему мнению, одно это уже является успехом их пропаганды.

РОДИНА – МАТЬ

Кого предают, кому изменяют отдельные герои Клэнси? Как правило – родине. Важным элементом национальной идентичности значительного большинства граждан бывшего Советского Союза, нашедшим отражение в литературе и искусстве, политической и военной пропаганде, массовой культуре и компьютерных играх есть персонификация России в России и за рубежом как **Матушки России (Россия-матушка, Мать-Россия, Матушка Русь)**. Эта идея берёт начало в образе Земли-Матери (вспомним Антея, Ахилла), для древнерусской культуры – в образе Матери-сырой земли, изображаемой чаще всего в материнском облике.

Материнский символ страны обладает значительным мобилизующим и сплачивающим потенциалом, особенно в военное время. Женский образ Родины демонстрирует её миролюбие и моральное превосходство над врагами, подчёркивает силу родной земли, призывая граждан («сыновей и дочерей») выполнить долг перед страной, невзирая на тягость возможных жертв. Женская суть этого образа помогает власти использовать идею иерогамии, священного брака Матери-Родины с правителем/правителями, в то время, как оппозиция зачастую эксплуатирует облик страдающей от произвола властей Родины.

Большевистская идея о «вненациональном характере пролетариата» позволила сторонникам Белого движения в период Октябрьской революции и Гражданской войны говорить о своей борьбе с «инородцами» как «угнетателями России-Матушки»:

*И воинство с «красной звездой»,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвозждает с хулою
Несчастную Родину-Мать!*

С. Бехтеев

В 30-е годы образ Родины-Матери (но уже **Советской** Родины-Матери, матери **всех** народов СССР!) возвращается в советскую пропаганду. Он активно использовался в период Великой Отечественной войны (в средствах наглядной агитации особенно знаменит плакат И.Тоидзе «Родина-Мать зовёт!», а также

изображения матери, благословляющей сына на бой; матери, защищающей дитя и т.п.).

В период «холодной войны» материнский символ страны используется в идеологической конфронтации с Западом. Образ скорбящей Родины-Матери, оплакивающей своих павших сыновей и дочерей, подчеркивал роль нашей страны в борьбе за мир против американских империалистов как «поджигателей войны», а силу и непобедимость СССР символизировали монументы Родины-воительницы с мечом в руке. Несмотря на деконструкцию некоторых символов советской эпохи в период распада СССР, образ России-матушки во многом сохраняет своё значение, репрезентуя страну как полиэтническое и многоконфессиональное государство.

Образ дихотомичен: в нём и открытость, душевность, природность; и определённая «архаичность» России, и её «нецивилизованность», граничащий с шовинизмом национализм. Боевой клич русского бойца Зангиева в популярной компьютерной игре «Street Fighter IV» – «*For Mother Russia!*» (*За Россию-матушку!*)

По мнению философа Шпенглера «*Настоящий русский нам внутренне чужд... Он сам всё это время сознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и Европой.*

Говоря о родной стране, можно употребить и термин, производный от слова «отец»: отечество, отчизна, то есть, страна предков человека.

Понятие «Отечество», «Отчизна» широко распространено в индоевропейских языках: русское слово семантически соответствует словам во многих других славянских языках (польск. *ojczyzna*, укр. *батьківщина* и др.), лат. *patria* (откуда патриотизм) и родственным романским словам, а также англ. *fatherland* и нем. *Vaterland*.

В ряде языков существуют также несколько отличающиеся синонимы, производные от слова «мать» (англ. *motherland*) и со значением «родные, свои места» (русское Родина, англ. *Homeland*, нем. *Heimat*, швед. *fosterland(et)* и т. д.).

Понятие «отечество», входящее в числе важнейших национальных ценностей в основные законы ряда стран, часто содержит эмоциональный подтекст, подразумевающий, что сакральное чувство к отечеству может сочетать в себе любовь и чувство долга.

По наблюдениям В.В.Виноградова, слово «отечество» имело особенно «острый общественно-политический и притом

революционный смысл» в поколении декабристов и Пушкина, в то время как слово «родина» в эту эпоху ещё было нейтральным и означало просто «родные места», «город или деревня, где человек родился» и т. п.

Подобный оттенок возник под влиянием Французской революции (где «патриот» фактически значило «революционер»); ещё в 1797 году Павел I приказал изъять из языка слово «отечество» и заменить на слово «государство» (вместе со словами гражданин, общество и т. п.).

В нацистскую эпоху слово *Vaterland* «отечество, земля предков» (в отличие от *Heimat* «родина») широко использовалось в немецкой пропаганде, а затем и в контрпропаганде союзников, в связи с чем соответствующее английское слово *fatherland* получило нацистские коннотации, и в нейтральных контекстах после войны предпочитается слово *homeland*. В самом немецком языке этого не произошло, и слово *Vaterland* по разу упоминается в обеих строфах современного гимна Германии.

Тема родины, отечества вполне понятно нашла отражение в творчестве известных поэтов и писателей. Ограничимся лишь несколькими примерами, объединённых мыслью о том, что «Отчизна там, где любят нас»: «Люблю отчизну я, но странною любовью! // Не победит её рассудок мой. // Ни слава, купленная кровью, // Ни полный гордого доверия покой...» (М.Ю.Лермонтов, «Родина», 1841 г.); «Отечества для сердца нет. // Поверь мне: счастье только там, // Где любят нас, где верят нам. (М.Ю. Лермонтов, «Прощание»); «Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего» (Н.В.Гоголь, «Тарас Бульба», 1835 – 1841 гг.).

Цитата из Национального корпуса русского языка:

« Не держи-жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана – гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится».

Кольцовъ. «Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись».

Чтобъ ни сулило вамъ воображенъе ваше;
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ. «Два Голубя»

Wo des Menschen liebste und schönste Gedanken weilen, da ist der Mensch; er ist nicht, wo er lebt; sondern wo er liebt.

Gæthe.

Ubi bene ibi patria.

Пер. Гдѣ хорошо – тамъ отечество,

Ср. Anima magis est ubi amat, quam ubi animat.

Пер. Душа больше тамъ, гдѣ любить, чѣмъ гдѣ живетъ.

St. Augustin.

Patria est, ubicunque est bene.

Пер. Отчизна вездѣ, гдѣ хорошо живется.

Cic. Tusc. 5, 37. (Racivius – трагикъ. † 130 до Р. Х.)

πατρίς γάρ ἐστὶ πᾶς ἢν πράττῃ τις εὖ.

Пер. Отчизна всякая страна, гдѣ живется хорошо.

Aristoph. Plutos. 1151

Пожалуй, здесь имеет смысл привести высказывания и более патриотические: «Только одно отечество заключает в себе то, что дорого всем» (Марк Туллий Цицерон); «Слава богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных» (Пётр Чаадаев); «Среди терни и незабудок не нами выбрана стезя, и родина – есть предрассудок, который победить нельзя» (Булат Окуджава). Сатирик Дон Аминадо, правда, заметил: «Самый большой слон тоскует по родине молча, а самый маленький поэт – во всеуслышание», а вот Владимиру Борисову принадлежат горькие, но, пожалуй, справедливые высказывания: «Сколько Родину не люби, все равно в дураках останешься...» и «Родина-то, может быть, нас и любит, как сыновей и дочерей... Но возглавляющие ее отчимы вряд ли...»

«Мать» требует от «детей» всего, вплоть до жертвы жизни. Так требовал Бог древних иудеев от Исаака, и тот был согласен на заклание единокровного сына, ибо любил Бога и верил в Него.

А как же с ответной любовью матери? Если она не любит и обижает детей, не есть ли это показателем отсутствия выполнения материнского долга по отношению к своим детям? В подобной

ситуации по закону лишают материнских прав, забирают детей. А могут ли дети сами отказаться от «матери», которая не выполняет свою часть общественного договора?

Говоря о героях романов Тома Клэнси, представителях всех противоборствующих сторон, имеет смысл чётко разграничивать различающиеся понятия «**любовь** к родине» и «**идея любви** к родине». Многие персонажи, особенно воспитанные на «**идее любви** к родине» в какой-то момент начинают понимать эту разницу, и тогда их действия, продиктованные подлинным патриотизмом, начинают восприниматься читателем по-другому.

Концепт «родина», равно как и другие достаточно важные для современного читателя концепты («личность», «свобода» и т.п.) часто используются в произведениях жанра политического детектива. Вот как эти концепты срабатывают в романе Тома Клэнси «Охота за «Красным Октябрем». Своеобразным эпиграфом к этому пассажиру мы хотели бы взять сказанные Анной Ахматовой в 1913 году слова:

*«У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода».*

А. Ахматова, окт.1913 г.

Роман «Охота за «Красным Октябрем» Тома Клэнси увидел свет в 1984 и неоднократно переиздавался в последующие годы. Тогдашний президент США Рейган признался, что стал ярым поклонником этой книги. Роман активно раскупался сотрудниками Пентагона. Оценки книги прессой содержали высокую степень восторга: «восхитительное произведение... сюжет сложен и щекочет нервы», «от волнения аж дух захватывает!», «сюжет потрясает своей реалистичностью».

Сюжет и в самом деле лих: новая, технологически непревзойдённая, советская атомная подлодка «Красный Октябрь» под командой капитана 1 ранга Марко Рамиуса направляется к побережью США. Американское правительство считает, что Рамиус намерен нанести ракетный удар. И только один молодой аналитик ЦРУ Джек Райан уверен, что Рамиус хочет перейти на сторону США. Вся военно-морская и военно-воздушная мощь СССР брошена на поиски «Красного Октября», приведена в боевую готовность и оборона США. Началась охота! У Райана лишь

несколько часов, чтобы найти Рамиуса и проверить, возможно, ценою собственной жизни, правильность своего предположения.

В 1989 г. студия «Парамаунт Пикчерс» сняла по сюжету Клэнси фильм с тем же названием, пригласив на главные роли Шона Коннери (командир советского подводного атомного ракетносца «Красный Октябрь» капитан 1 ранга Марко Рамиус) и Алека Болдуина (аналитик ЦРУ Джек Райан). И фильм, и книга нашли восторженных поклонников по обе стороны океана.

Том Клэнси не военный моряк и не сотрудник спецслужб. Он страховой агент, мечтавший написать приключенческий роман. Газетная статья о восстании на одном из сторожевых кораблей Балтийского флота СССР подсказала идею сюжета о «Красном Октябре». Клэнси проштудировал материалы о военно-морских флотах СССР и США и сел за пишущую машинку. После успеха романа он стал зарабатывать на жизнь литературным творчеством. Его книги расходятся по свету многомиллионными тиражами.

Секрет подобной популярности, на наш взгляд, во вполне правдоподобных сюжетах, в жизненности и осязаемости героев, во включении в повествование реально существовавших личностей или упоминание о них в связи с описываемыми событиями (так, в «Охоте...» это адмирал флота СССР С.Горшков, полковник ГРУ О.Пеньковский, капитан-лейтенант В.Саблин, высокопоставленный партийный чиновник Ю. Падорин и др.).

Эти характерные для творчества Тома Клэнси приёмы срабатывают безотказно, но только ли благодаря им так растут тиражи его романов? На этот вопрос поможет ответить анализ более мелких деталей, более тонких авторских приёмов и находок.

Роман «Охота за «Красным Октябрем», как и многие последующие произведения Т. Клэнси, построен вокруг таких важных для человека концептов, как «родина», «долг», «свобода», «личность». Каждый из них в тексте романа продуманно структурирован, наполнен смысловым содержанием, увязан с системой действующих лиц. Предлагаю исследовать реализацию концептов «личность» и «родина».

Сразу же оговорюсь: Том Клэнси – писатель американский, его произведения имеют чётко выраженную проамериканскую направленность, они откровенно пропагандируют превосходство американского образа жизни, американского оружия, техники и пр., зачастую откровенно утрируя отдельные стороны жизни других стран, других народов. Хотя период событий чётко и не назван, в

1984 году, году написания романа, СССР переживал пик так называемого застоя, до начала перестройки оставалось 2 года, а до распада «империи зла» – 7. Ситуация в стране характеризовалась обнищанием населения, нехваткой основных продуктов питания и товаров промышленной группы, недоверием к властям, разочарованием в идеалах и целях построения коммунистического общества. Мир находился в состоянии «холодной» войны, идеологические противники СССР, особенно США, вели активную пропаганду, направленную на развал Советского Союза. Этой же цели служит и рассматриваемое произведение, однако за не всегда прикрытой пропагандой нужно суметь разглядеть объективное, общечеловеческое, то, что должно не разделять, а объединять, способствовать улучшению отношений между людьми, между странами и народами.

И роман, и снятый по нему фильм концентрируются прежде всего на конфликте личностей (clash of personalities).

Остановимся на этом подробнее.

Основных героев два: Рамиус и Райан (правильнее было бы сказать «Райан и Рамиус», поскольку Джек Райан в серии последующих романов проходит путь от рядового аналитика ЦРУ до президента США), вокруг них сосредоточены группы остальных, по своему довольно разноплановых, персонажей.

Термины «личность», «персонаж» кратко и ёмко определены в толковых словарях: «**person**, a human being; an individual; the body of a human being; a character in a play;.. **personality**, individuality; distinctive personal qualities»; «**личность**. 1. Человек как носитель каких-н. свойств»; «**персона**. Личность, особа... **персонаж**. Действующее лицо в литературном произведении, в представлении, а также лицо как предмет жанровой живописи». А вот «Философский словарь» 1980 года значительно более многословен, приведенное в нём определение соответствует партийным критериям оценки личности в СССР периода событий романа. Построим свои дальнейшие рассуждения на наиболее выразительных из них: «Человек в качестве социального индивида, индивида как члена об-ва. Научное понимание Л. опирается на марксистское понимание человека в качестве биосоциального существа, сущность к-рого составляет совокупность общественных отношений. Л. – человек как «преломление» социального в индивиде. Каждый отдельный человек – Л. постольку, поскольку социальное стало стороной, моментом, свойством этого индивида...

развитие Л. может быть различно. Каждый из индивидов находит в качестве объективных условий развития себя как Л. уже имеющуюся определенную историческую форму об-ва. Широта и глубина развития индивида как Л. – это широта и глубина усвоения им социального и вместе с тем превращение социального к форму деятельности индивида, а значит, и изменение, созидание самого социального... Развитие Л. в об-ве, основанном на антагонизме классов, совершалось и совершается антагонистически. Об-во, основанное на частной собственности, подавляет и уродует развитие Л. (...) С уничтожением капитализма и построением социализма открываются принципиально новые возможности развития Л. На основе создания материально-технической базы коммунизма, в процессе развития коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека, активной жизненной позиции Л. формируется целостная, всесторонне развитая Л., духовно богатая, морально чистая и физически совершенная. Постепенно все члены об-ва становятся сознательными творцами истории, а следовательно, глубоко развитыми Л.»

Как же формировалась личность Марко Рамиуса? Он родился в смешанном браке: отец – литовец, мать – русская из Ленинграда.

Клэнси несколько раз подчёркивает, что Рамиус был записан как великоросс (*Great Russian*), что давало ему ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с представителями других национальностей.

Отец Рамиуса, Александр, ветеран и один из руководителей партии, активно способствовал советизации Литвы в 1940 году и после освобождения республики от фашистов (*«dubious liberation from the Germans»*) в 1944. Его сын находился на попечении бабушки, верующей женщины, которая на ночь рассказывала внуку библейские сказки с обязательной моралью о добре и зле, о вознаграждении за добродетельную жизнь. Водить ребёнка на церковные службы она не решалась, так как католицизм в странах Балтии жестоко искоренялся (*«Roman Catholicism had been brutally suppressed in the Baltic states»*).

После того, как воспитанием ребёнка снова занялся отец, эти уроки религиозного обучения отступили в глубины памяти, но не были утрачены (*«neither fully remembered nor fully forgotten»*). Ещё в детском возрасте Марко понял, что марксизм-ленинизм не терпит другой веры (*«Marxism-Leninsm was a jealous god, tolerating no competing loyalties»*), ещё ребёнком он скорее почувствовал, чем

понял, что коммунизм игнорирует важную потребность человека. «Во имя человека, на благо человека» – прекрасная цель, однако, лишив человека права на душу, марксизм лишил его человеческого достоинства, лишил личностной ценности. Одновременно он отбросил объективную справедливость и этику, главное наследие религии в современном мире.

Отец Рамиуса, *«a Party chieftain»*, *«a cinematic image of a Party apparatchik»* твердил пятилетнему мальчику, что партия – душа народа, что Советский Союз держится единством партии, народа и державы (*«The Party was the Soul of the People; the unity of Party, People and Nation was the holy trinity of the Soviet Union»*).

Используя христианскую идею Святой Троицы, страна создала свою религию, своё божество, однако ещё только начав взрослеть, Марко уже сформировал своё понимание правильного и неправильного, которое отличалось от общепризнанного в государстве. Это мерило помогало ему оценивать свои поступки и действия других. Он научился тщательно скрывать этот эталон, служивший своеобразным якорем для души (якорь – один из символов Веры, религии), который, как и надлежит якорю, находился глубоко под видимой поверхностью. Марко Рамиус вырос индивидуалистом, даже в спорте он предпочитал лёгкую атлетику, а не командные игры. Но самым большим грехом по канонам коммунистической морали было то, что его мышление стало индивидуалистическим (*«by choice Marko became individual in his thinking, and so unknowingly committed the gravest sin in the Communist pantheon»*).

Так, «на основе создания материально-технической базы коммунизма, в процессе развития коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека» сформировалась «целостная, всесторонне развитая, духовно богатая, морально чистая и физически совершенная» личность офицера-подводника, члена КПСС Марко Рамиуса. Только не приняла эта личность господствовавшую в стране идеологию, не согласилась с практикой «развития коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека» и двигалась по жизни, мимикрировав под рядового гражданина.

Внешне *«the model Soviet child»*, *«the model of a Party member's son»* Рамиус подолжал играть по правилам и исполнять свой долг перед партией (*«he played the game carefully and according to all the rules»*, *»he did his duty for all party organizations»*). Нелепая смерть

горячо любимой жены в результате типичной для ситуации в отечественной медицине врачебной халатности даёт Рамиусу идею отомстить не отдельным лицам, а истинному виновнику – государству.

На определённом этапе становления личность начинает осознавать себя частью родины.

«Родина, 1) отечество, отчизна, страна, в к-рой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с её природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов».

Информация о родине накапливается в результате личных наблюдений, жизненного опыта, контактов с другим людьми и т.д. В возрасте 8 лет жизнь Марко Рамиуса получила новый поворот: он встретил Сашу, старого рыбака, который служил офицером царского флота при адмирале Макарове, участвовал в восстании на крейсере «Аврора», за последовавшее несогласие моряков крейсера с Лениным отбыл 20 лет в исправительно-трудовых лагерях и был освобождён только с началом Великой Отечественной войны: Родине понадобились опытные моряки (*«The Rodina has found herself in need of experienced seamen to pilot ships into the ports of Murmansk and Archangel... Sasha had learned his lesson in the gulag: he did his duty efficiently and well, asking for nothing in return»*). За свою работу он получил определённую степень свободы и право на изнурительный труд в условиях постоянной подозрительности, так и не став в глазах этой самой родины полноправным гражданином: *«Even after years of faithful service to the Rodina, Sasha had been an unperson»*. Несложный авторский неологизм «unperson» мы рассматриваем в качестве одного из основных ключевых слов всего произведения. Употреблённое в одном контексте с известными в истории государства именами Макарова, Ленина, названиями крупных портов Мурманска и Архангельска это слово (даже в сочетании с именем «Саша») подчёркивает «не-человечность» обозначенного им винтика громадной машины.

Капитан 1 ранга Марко Рамиус принимает очень непростое решение, реализация которого затрагивает жизни многих людей. Автор исподволь подводит читателя к восприятию такого решения как правильного и как единственно возможного. В этом ему помогает и подбор лексических единиц, создающих виртуальный мир полуигры-полуправды: отец Рамиуса – (*«cinematic image»*), Саша – «unperson», сам герой – «образец», «идеал» (*«model»*), он

участвует в игре по придуманным кем-то правилам. Ситуация игры тем и удобна, что позволяет варианты выхода: можно нажать кнопку «A new game» и всё переиграть, а на крайний случай есть и опция «Game over». По нашему мнению, Клэнси намеренно аттенюирует нравственный аспект измены, убирает его реальность, сводя всё к варианту сложной игры.

Упоминание в описании процесса становления и формирования личности героя персоналий (Макаров, Ленин), названий известных в истории России боевых кораблей (крейсер «Аврора», линкор «Петропавловск»), ссылки на ГУЛАГ помогают параллельному наполнению и ещё одного из ключевых концептов книги, концепта «родина».

Авторы «Википедии» считают, что «A concept is a cognitive unit of *meaning* – an abstract idea or a mental symbol sometimes defined as a «unit of knowledge», built from other units which act as a concept's characteristics. A concept is typically associated with a corresponding representation in a language or symbology». Они же приводят два взгляда на природу и сущность концепта: рационалисты полагают концепт откровением Разума, а эмпирики – квинтэссенцией перцепций из мира опыта, что сводит значимость концептов сугубо к перцепциям, которые являются их характеристиками («The rationalists had asserted that concepts are a revelation of Reason. Concepts are a glimpse of a different world, one which contains timeless truths in areas such as logic, mathematics, ethics, and aesthetics. By pure thought, humans can discover the relations that really exist among the parts of that divine world. On the other hand, the empiricists claimed that concepts were merely a distillation or abstraction from perceptions of the world of experience. Therefore, the significance of concepts depends solely on the perceptions that are its references»).

На мой взгляд, характеристиками концепта «родина» есть понятия «честь», «слава», «гордость», «гуманизм» и т.п.

Концепт неразрывно связан с такими ощущениями из мира опыта, как тепло родного дома, любовь родных и близких, дружба и товарищество и многое другое. Свой тезис хочу подтвердить строкой классика «и дым Отечества нам сладок и приятен», в которой конкретное существительное-перцепция «дым» есть выразительной составляющей абстрактного концепта «отечество».

Написанное латиницей, выделенное автором курсивом, слово «родина» неоднократно появляется в тексте буквально с первых страниц книги: «*So, my Captain, again we go to sea to serve and protect*

the Rodina!» Captain Second Rank Ivan Yurievich Putin poked his head through the hatch...Putin was the ship's zampolit (political officer). Everything he did was to serve the Rodina (Motherland), a word that had mystical connotations to a Russian and, along with V. I. Lenin, was the Communist party's substitute for a godhead» [p. 3]. Здесь же зафиксирована и позиция автора, по мнению которого мистическое для русских слово «родина» и образ В.И.Ленина были использованы Компартией для создания суррогатного божества.

Рассмотрим особенности использования автором собственно языковых средств для наполнения содержанием концепта «родина», одной из сторон которого есть перцепция «дом». В детстве Марко Рамиус жил у бабушки в небольшой рыбацкой деревушке (*«Ramius, half Lithuanian, had childhood memories of a better place, a coastal village whose Hanseatic origin had left rows of presentable buildings»*). Во время последнего выхода в море замполит «Красного Октября» Путин сожалеет, что в этот декабрьский день он не в своём родном городе Горьком: *«On a day like this the faces of the children and the women glow pink, your breath trails behind you like a cloud, and the vodka tastes especially fine. Ah, to be in Gorkiy on a day like this!»*. Для замполита на переднем плане номинативы «румяные лица детей и женщин», «облачка пара при дыхании», «особенный вкус водки». Рамиусу пришлось дважды побывать Горьком, *«it had struck him as a typical Soviet city, aull of ramshackle buildings, dirty streets, and ill-clad citizens. As it was in most Russian cities, winter was Gorkiy's best season. The snow hid all the dirt»*. В его воображении противопоставляются близкий с детства образ *«presentable building»* и воспринятый в зрелом возрасте образ *«ramshackle buildings»*. Последний усилен упоминанием о грязных улицах и плохо одетых жителях. Зима названа наиболее удачным временем года, поскольку снег, символ России, скрывал всю грязь.

Клэнси неоднократно использует образ общей мрачности, неряшливости, нечистоплотности, даже некоторого загнивания при описании природы, людей, предметов, связанных с «Красным Октябрем», что невольно проецируется и на восприятие родины: в поход корабль молча, даже не помахав рукой, провожают моряки и портовые рабочие (*«a collection of sailors and dockyard workers watched his ship sail in stolid Russian fashion, without a wave or a cheer»*); в доке лодку ремонтировали рабочие в грязных сапогах, воздух в помещениях субмарины пропитан запахами пота,

машинного масла и капусты (*«air around them, which was already thick with the odor of sweat, machine oil and cabbage»*).

Море, неотъемлемая часть территории родины, загрязнено нефтью. Она не испаряется при низких температурах и оставляет на скалистых берегах залива чёрную полосу, как на стенках ванны, в которой купался неряшливый великан. Рамиус, выросший на морском побережье и представляющий жизнь только в гармонии с природой, ворчит про себя, что советского великана не волнует оставленная им на земле грязь (*«The water was coated with the bilge oil of numberless ships, filth that would not evaporate in the low temperatures and that left a black ring on the rocky walls of the fjord as though from the bath of a slovenly giant. An altogether apt simile, Ramius thought. The Soviet giant cared little for the dirt it left on the face of the earth, he grumbled to himself. He had learned his seamanship as a boy on inshore fishing boats, and knew what it was to be in harmony with nature»*).

Во время процедуры кремации тела его жены Марко Рамиус внезапно осознаёт, что государство (то есть, та самая Родина!) не только лишило его любимой женщины, оно отняло у него возможность ослабить горе молитвой, отняло надежду, пусть иллюзорную, увидеться с женой в загробной жизни (*«Marko Ramius watched the coffin roll into the cremation chamber to the somber strain of a classical requiem, wishing that he could pray for Natalia's soul, hoping that Grandmother Hilda had been right, that there was something beyond the steel door and mass of flame. Only then did the full weight of the event strike him: the State had robbed him of more than his wife, it had robbed him of a means to assuage his grief with prayer, it had robbed him of the hope – if only an illusion – of ever seeing her again»*). Мрачные реалии крематория – стальная дверь и огненный вихрь (*the steel door and mass of flame*) – не только разделили жизнь героя на «до» и «после», но и стали перцепциями Родины. Думается, перцепциями «второго ряда» стали и номинативы *coffin, cremation chamber, requiem*, сочетание слов *soul – beyond*, а троекратное, как в сказке или в заклинании, повторение глагола *to rob* (грабить, обкрадывать, лишать чего-либо) в форме перфектного времени *had robbed* указало на наличие результата действия и засвидетельствовало безысходность ситуации, в которой оказался герой. Рамиус решает, что заплатит за это государство (*«he decided that the State would be made to pay»*, *«and Marko planned to wreak his own vengeance on the Soviet Union»*). Автор использует

стилистически окрашенное выражение to wreak one's vengeance (отомстить, ср.: «Отмщенья мне и аз воздам!»)

Командир подлодки и его замполит не просто по-разному видят Родину – просто Родины у них разные. Переходя на сторону противника, Рамиус предаёт не свою Родину, а родину замполитов, угрюмых «пролов» и прикрытой снегом грязи.

События в одноименном фильме начинаются и заканчиваются под фоновое сопровождение исполняемой смешанным хором кантаты о Родине (на русском языке, что, на наш взгляд ещё раз подтверждает направленность фильма на русскоязычного зрителя), в которой можно разобрать слова: «Родина, дом, прощай! До свиданья, Родина! Расстаёмся навсегда...».

В начале фильма, в эпизоде выхода «Красного Октября» в море, в кантате за грустными словами расставания следует пафосный текст о славе отцов и дедов, о верности их заветам, о готовности отстоять мир и счастье на Земле.

Как говорилось выше, понятия «честь», «гордость», «слава» есть составляющими концепта «родина». В тексте звукового ряда эти перцепции описывают «официальную родину», родину передовиц и ложных идолов. Саундтрек финальной же сцены содержит только тихие слова прощания: «Родина, дом родной, до свиданья, Родина!» Это прощание с Родиной подлинной, с той, что в сердце, с той, за которую умирают. Ракетный меч Советского Союза, атомный подводный крейсер, название которого можно считать символом всей страны, оказывается в руках «потенциального противника №1» – «Прощай, Родина!».

В этом пассаже, пусть и схематично, продемонстрировано использование автором романа «Охота за «Красным Октябрем» концептов «личность» и «родина» в целях апологии и объяснения поступка капитана 1 ранга Рамиуса. Деяние, трактуемое Уголовным кодексом СССР как «измена Родине в форме перехода на сторону врага», предательство, под пером мастера слова выглядит благородным и достойным подражания поступком. Основную роль в этом сыграли умелый выбор и правильное использование средств вербализации отдельных ключевых концептов произведения. Творчество Тома Клэнси, в частности серия романов о Джеке Райане («the Ryanverse»), изобилует примерами использования языковых средств для изложения, пропаганды и отстаивания идей автора. Анализ идиолекта Т. Клэнси может быть потенциально полезен не

только филологам, но и историкам, политологам, специалистам по PR и рекламе.

Кроме новомодного термина «концепт» считаю целесообразным упомянуть и более близкий и понятный многим термин «символ».

Произведения Тома Клэнси достаточно богаты примерами использования символики для передачи авторского замысла.

Навыки чтения, вопреки всем усилиям современной цивилизации их уничтожить, пока сохраняются. Иная судьба у навыков *прочтения*: не всякий умеющий *читать*, в состоянии *прочесть* скрытые смыслы текста, увидеть, распознать за литерами знаки и символы, передающие замысел и интенции автора.

По моему мнению, талант автора текста заключается именно в том, что он подсознательно использует в процессе творчества определённые архетипы, мифологемы, ноумены, вызывающие предполагаемую ответную реакцию реципиента, обуславливающую планируемую автором перцепцию текста как знакового сообщения. Результат – неприятие или одобрение произведения. Последнее в современных условиях означает тиражи, литературные премии, сценарии для кино и ТВ, известность и материальный успех.

Роман Тома Клэнси «*The Hunt for Red October*» сразу же стал бестселлером. Этому способствовал оригинальный «футуро-реалистический» сюжет, достаточно рельефные образы персонажей, профессиональная грамотность автора в описании деталей подводной войны. По книге снят фильм, справедливо разделивший успех романа и несомненно усиливший его.

Постараюсь дополнить мнения критиков и поклонников «Охоты за «Красным Октябрем» (книги и фильма), обратившись к образам, незамеченным массовым читателем/зрителем, незамеченным именно в силу своей масштабности, грандиозности. Имею в виду символы (архетипы, мифологемы) воды и огня.

Подводный атомный ракетноносец «Красный Октябрь», созданный лучшими представителями советской науки и промышленности, задуман как главный аргумент в споре между СССР и США за мировое господство. Стихия действий «Красного Октября» – вода, один из четырёх первоэлементов, из которых состоит мир. Символика воды важна и понятна человеку. Греческий философ Фалес считал воду первоосновой всего, а мифы многих народов утверждают, что вода существовала до

сотворения мира и будет существовать после его гибели. Библейский символ хаоса – воды, над которыми носится Дух Божий [1М:гл.1, ст. 1-2].

Вода по природе двойственна: как стихия она враждебна человеку, в то же время она – источник жизни и роста, а в христианстве – символ обновления, очищения и освящения. Стихия воды стала относительно понятной и частично доступной только совсем недавно. Водные глубины остаются символом всего неизведанного и опасного, они воплощают идею скрытого первозданного хаоса. «Вода обладает свойством растворять твердые вещества; вода замерзает и испаряется в природных условиях, и, таким образом, становится символической стихией превращения. Этот аспект мифологии воды наиболее хорошо изучен К.Г.Юнгом. Согласно его исследованиям, сновидения, связанные с погружением в воду, чаще всего говорят о близящихся переменах в нашем сознании и о нашей готовности (либо о нежелании) принять эти перемены.

Еще одно свойство воды – обтекать препятствия и соединяться вновь, постепенно разрушая самые твердые преграды – стало весьма знаменательным для философии китайских даосов. Здесь вода считается символом мягкости и податливости, в которых скрыта твердость и истинная сила. В европейской культуре это свойство, напротив, сделало воду символом упорства и настойчивости (ср.: «капля камень точит»). Очевидно, символическое значение воды здесь зависит не столько от ее свойств, сколько от того, как человек воспринимает эти свойства».

«Красный Октябрь» уходит на задание декабрьским утром. Море встречает его неприветливо: «*The water in the fjord was choppy, driven by the brisk wind*». Вода препятствует миссии ракетноносца, в ней – куски льда, которые могут повредить лодку, поэтому из залива её выводит ледокол: «*The icebreaker was no formality. The Purga would butt aside any ice that might have drifted overnight into the channel. It would not do at all for the Soviet Navy's newest missile submarine to be damaged by an errant chunk of frozen water... The ice was something to worry about*». Состояние моря ухудшается: «*The chop began to pick up...The water grew rougher as they approached the open sea*». Картина погружения в воду, знаменующего близящиеся перемены, мрачна и тревожна: «*The sun was barely visible aft, the sky leaden, the sea black except for the splash of whitecaps. He wondered*

if they were saying good-bye to the world...The hull popped and creaked under the pressure of the surrounding water».

Подводный крейсер вышел в океан. Океан как стихия «репрезентирует состояния от предельно глубоких до штормовых или безмятежно созерцательных. В древней греческой мифологии он — река, омывающая землю... Главные характеристики океана — его грандиозность, бесформенность и непрерывное движение. Он — источник всеобщей жизни и содержит в себе семена всех вещей. Океан — символ порождающего лона мироздания и сумма всех возможностей существования. Океан может олицетворять как созидательные творческие начала, так и деструктивные и негативные характеристики. Океан — прародитель водных чудовищ и потому источник хаотических сил». Технические характеристики «Красного Октября», позволяющие ему оставаться незамеченным как для американских, так и для советских средств противолодочной обороны, делают корабль — «водное чудовище» — «источником хаотических сил», фактором нестабильности, угрозой для «лона мироздания». Субмарина движется на запад, а именно «на крайнем западе он (океан) образует границу между миром жизни и миром смерти. Там царь Одиссей достиг Царства Мертвых и беседовал с матерью и умершими друзьями». Движение «Красного Октября» именно на запад ставит мир на грань катастрофы, делает реальной возможность возникновения на Земле «царства мёртвых»: *«We are to head west...we will not be detected... We will teach the Americans a lesson about Soviet technology that they will not soon forget!».*

На борту «Красного Октября» — баллистические ракеты, запуск которых в непосредственной близости от побережья США сделает беспомощной противоракетную оборону и приведёт к решающему преимуществу СССР в последующем ядерном противостоянии. *«Washington is a bare hundred air miles from the Atlantic Ocean. Though a missile on a low, fast flight path loses much of its accuracy, a few of them can be launched to explode over Washington in less than a few minutes' time, too little for a president to react. If the Soviets were able to kill the president that quickly, the resulting disruption of the chain of command would give them ample time to take out the land-based missiles - there would be no one with authority to fire».*

Глаголы *to explode, to fire* в тексте отображают символику огня, который несут ядерные боеголовки ракет «Красного Октября». По мнению авторов «Энциклопедии символов, знаков, эмблем», «символика огня получила глубинное измерение, поскольку огонь есть метафора для описания самого Бога (Яхве - огонь рождающий)... Огонь

может разрушать любые формы, а также своей потенцией нести очистительную функцию... Священный огонь был источником власти, был честью и достоинством этой власти. Армия, шедшая в поход, брала с собой священный огонь, и нес его огненосец».

Политическим кредо тогдашнего руководства СССР было утверждение коммунизма во всём мире, аналогично к мировому господству стремились США. Методы достижения цели обеими сторонами трудно назвать моральными, хотя каждая из них считала «священным» именно свой «огонь», а его очистительную функцию – самой правильной.

Красный цвет – цвет огня. Именно этот цвет фигурирует в названии скрытно движущегося к побережью США «огненосца». Говорят, в средние века знамя красного цвета разворачивалось перед войсками в случае войны с противником христианства или врагами государства. «Красный Октябрь» – знамя перед авангардом борьбы за господство идей общества всеобщего равенства, таким образом эта миссия приобретает для его хозяев сакральное значение.

Похитив огонь с Олимпа, Прометей раскрыл смертному человеку тайны богов, сделал человека сильнее. По сути своей, однако, огонь бесконечно подвижен и непостоянен. «Огонь одновременно и хозяин, и раб, так как он зависит от наличия дров и человека, который должен его развести». В романе «The Hunt for Red October» командир подводной лодки, человек, в единоличной власти которого было «развести костёр», осознает апокалиптический характер событий и «огненосный» подводный крейсер переходит на сторону противника, меняя расстановку сил на арене противодействия сверхдержав.

В финале произведения видим проявление ещё одного из свойств водной стихии – обтекать препятствия и разрушать самые твердые преграды, скрывать твердость и истинную силу за мягкостью и податливостью. Подводную лодку из стихии океана, «прародителя водных чудовищ», «источника хаотических сил» проводят по реке, «кровеносному сосуду Земли», до сухого дока, где её разберут и изучат специалисты противника. Вода, родная стихия «Красного Октября», оставляет его: *«The Red October sat alone with the dry dock draining around her»*.

Подспудно существующую в тексте книги символику стихий воды и огня хорошо прочувствовали авторы одноименного кинофильма. Видеоряд изобилует картинками океана: это и

панорамные виды, и кадры моря в штиль и в шторм, и показ глубин. Воде в фильме отведена особая роль: она струится и течёт, она бурлит и врывается в отсеки кораблей, она заботливо прячет в своих глубинах подводные лодки, она же их убивает и хоронит.

Стихия затаившегося, но готового выпрыгнуть смертоносного огня, лучше, на наш взгляд, чувствуется в книге, хотя киношный вариант эпизода перестрелки в ракетном отсеке подлодки достаточно убедительно передаёт идею использования «малого» огня для предотвращения огня «большого».

Специфические средства кинематографа дали ему возможность подчеркнуть особенность океанской стихии как символа «порождающего лона мироздания», как символа женского начала. Океан – источник жизни на Земле, а формы этой жизни во многом зависят от оплодотворяющего мужского начала. Фаллические по форме и сути корпуса субмарин, ракет и торпед, проникшие в «лоно мироздания» и ведущие борьбу за обладание им, символизируют борьбу Добра и Зла на планете, соперничество за лучшее, правильное устройство грядущего мира.

Рассуждения о символике в творчестве вторичны по отношению к акту собственно творчества. Многие из них совершенно справедливо кажутся притянутыми за уши критиками с целью демонстрации собственного глубокомыслия. Автор несомненно использует символы, знаки, архетипы, однако происходит это, в большинстве случаев, непреднамеренно, неосознанно. Именно в этом – таинство творческого процесса, объединяющее рождение и восприятие текста.

Умение выявить и ощутить глубинные смыслы текста, часть которых могла быть даже не предусмотрена автором, позволяет получить дополнительное наслаждение от литературного произведения, почувствовать себя не только читателем, но и соавтором текста, средством передачи авторского послания в будущее.

...А У НАС - СЕМЁНОВ (ЛЯНДРЕС)

Пожалуй, мы увлеклись англоязычным детективом, забыв о том, что есть пророк и в своём отечестве. Исследование современного русскоязычного политического детектива практически немыслимо без обращения к творчеству Юлиана Семёнова (Ляндреса), автора романов «Пароль не нужен», «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Альтернатива», «Третья карта», «Майор Вихрь», «Семнадцать мгновений весны», «Экспансия», повести «ТАСС уполномочен заявить...», на которых формировался читательский вкус целого поколения.

Юлиана Семёнова можно не любить, но нельзя не признавать его роль в становлении и развитии советского политического детектива. Вот краткая справка-объективка о нём: Семенов (Ляндрес) Юлиан Семенович (1931-1997). Советский писатель, драматург, журналист, общественный деятель, издатель. Один из самых популярных писателей СССР и Российской Федерации. Родился в Москве. Окончил Институт востоковедения в 1953 г. Литературную деятельность начал в 1958 г.; член Союза писателей СССР с 1960 г. Основатель газеты «Совершенно секретно» (1990) и одноименной телепрограммы. Автор остросюжетных произведений, в том числе «Майор Вихрь» (1967); «Семнадцать мгновений весны» (1969 г.; одноименный телефильм – 1973 г.); «ТАСС уполномочен заявить» (1979); «Альтернатива» (1975 г., хроника в 4-х книгах), романа «Горение» (1978 г., о Феликсе Дзержинском); «Пресс-центр» (1984); цикла романов «Экспансия» (1987 г.). Многие его произведения экранизированы, переведены на иностранные языки.

Семенов – лауреат Государственной премии СССР (1977). Среди наград – ордена Октябрьской Революции и Дружбы Народов. Скончался после тяжелой болезни.

Публиковаться Семёнов начал с середины 1950 и больше как репортёр. Известный литературовед Л. Аннинский писал о первых художественных опытах Семёнова: «Герои Семёнова – люди цельные, безудержные в своих стремлениях, красивые в подвиге, отвратительные в слабости. Отсюда – и своеобразно заостренная, романтическая, подчас даже экзальтированная манера письма.

Семёнов не освещает события ровным светом, он не интересуется прошлым своих героев, их судьбой, и люди у него – не объемные фигуры, а белые и черные силуэты при вспышке подвига».

С 1960 Семёнов – член Союза писателей СССР. Писатель работает в разных жанрах, но наибольшую популярность у массового читателя получают его детективные и приключенческие романы. Схема их построения достаточно проста и всегда предполагает победу «наших», однако этот недостаток компенсируется лихой интригой и непредсказуемыми поворотами сюжета. В текстах произведений органично воспринимаются документы эпохи или стилизованные под них включения (вспомните хотя бы «Семнадцать мгновений весны»).

Разделение персонажей на «своих» и «чужих», на носителей разных идеологий, разных систем ценностей заранее задаёт и определяет конфликт произведений. Своеобразной «переменной составляющей» романов в условиях подобной контрастности становится психологическая игра, ибо «мотивы поступка, глубоко скрытые побуждения порою интереснее самого поступка». Сказанное является, на мой взгляд, характерной чертой творческого метода авторов политического детектива: подобной схематичностью композиции и системы образов сильно грешат Том Клэнси и Джон Ле Карре, несколько в меньшей степени она проявляется у Фредерика Форсайта.

Семёнов (как и некоторые другие, в том числе и зарубежные авторы политического детектива) смело вводит в число персонажей произведений конкретных исторических лиц: Ленина, Постышева, Бокия, Дзержинского, Блюхера. За многими собирательными образами отчётливо угадываются реальные прототипы. Подобной практики не чужды и Том Клэнси, и Фредерик Форсайт, в романах которых встречаем де Голля, Брежнева, Андропова, Суслова, Горшкова, а также достаточно прозрачно выписанные собирательные образы руководителей держав Европы и Америки, политических, общественных, религиозных и военных деятелей разных стран.

Основанием для схемы построения будущего произведения, «основанием для размышлений, ассоциаций, открытий» у Семёнова очень часто становились документы. Именно так появились «ТАСС уполномочен заявить...», 1979 г., и «Горение», 1977 – 1979 гг.

Этим же методом постоянно пользуется и Том Клэнси, что позволяет писателям не только ознакомить своих читателей с малоизвестными событиями, но и расширить их политический и исторический кругозор.

Сказанную Семёновым фразу: «Чем точнее мы следуем за документом, за правдой исторических лиц, обстоятельств, тем более сознательно убежденного гражданина мы формируем», думается, полностью поддержал бы и Клэнси, поскольку всякое литературное произведение преследует достаточно утилитарные, воспитательно-пропагандистские цели. Добиться же реализации этих целей можно только при полном доверии читателя к информации автора.

В основу политических романов Семёнова легли не только документальные источники, но и личные впечатления писателя, полученные в результате длительных командировок за рубеж. Личный опыт сослужил хорошую службу также Яну Флемингу, Джону Ле Карре, Фредерику Форсайту, Стивену Коонтсу; при создании своих произведений активно использовал документальные источники и техническую литературу Том Клэнси.

В 70-80 годы прошлого века проза Семёнова начинает являть собой зрелый образец жанра политического романа, а использование в ней криминальных сюжетов сближает её с политическим детективом. Разноплановость изображения событий – официальная деятельность государственных и политических структур и покрытая завесой секретности работа спецслужб – помогает раскрыть тайную подоплёку конфликтов, создать объёмную картину происходящего, в которой читатель находит для себя место наблюдателя, участника и судьи.

При этом нельзя не сказать о недостатках романов Семёнова, к которым прежде всего следует отнести рыхлость и неоднородность построения повествования (некоторые детали прописаны излишне подробно, другие, наоборот, даны слишком схематично), иногда текст перегружен реминисценциями героев и не всегда понятными аллюзиями («Экспансия»), что выводит эти произведения из круга массовых. Если к перечню названных недостатков прибавить выразительные антиамериканские, антиимпериалистические тоны, погрешности языка и стиля, то он, перечень, с небольшими поправками на политическую привязанность сможет быть полностью применён к произведениям упоминающихся выше зарубежных авторов политического детектива. От того

обстоятельства, что литература данного жанра носит ярко выраженный характер социального, идеологического заказа, не скрыться.

Как и многие западные авторы, Семёнов откровенно занимался брендингом своих произведений, перерабатывая их под форматы театра, кино и телевидения («Иди и не бойся», 1963; «Шоссе на Большую Медведицу», 1964; «Шифровка для Блюхера», 1966; «Провокация», 1968; «Огарева, 6», 1973; «Майор Вихрь», «Семнадцать мгновений весны», «Петровка, 38», «Пересечения», «Бомба для председателя», «ТАСС уполномочен заявить...»).

Сравним это с популярной на Западе практикой создания по сюжетам популярной остросюжетной литературы телевизионных сериалов, фильмов, а в последнее время и видеоигр.

Авторы произведений этого направления обязаны своим успехом многим факторам, среди которых и острота сюжета (Джон Ле Карре), и харизматичность героев (Фредерик Форсайт), и реальность футурологических прогнозов (Том Кланси), и своеобычность обстановки действия (Борис Акунин), и многое другое. Значимой составляющей успеха произведений Ю.Семёнова является собственно текст. Автор не идёт по пути упрощения текстов своих работ, чем часто грешат другие с целью привлечения «среднего» читателя, следящего только за развитием сюжета. Тексты Ю.Семёнова характеризуются богатой лексикой и достаточно сложным синтаксисом, что позволяет ему создавать объёмные образы героев, глубоко и выразительно выписывать события. Чтобы оценить мастерство автора как художника слова, в его тексты необходимо вчитаться, погрузиться в них, воспринимая как музыку.

Сравнение текстов Ю.Семёнова с музыкальными произведениями позволяет продолжить и использование им приёма выделения разрядкой ключевых слов в качестве своеобразных акцентуаторов текста, «точек силы» или «сильных точек» (по-французски *points forts*). Выделенные автором слова звучат как синкопы в джазовой музыке, подчёркивающие её основную тему и в то же время придающие мелодии некоторую неожиданность.

Рассмотрим использование приёма *point fort* при создании образов отдельных персонажей. *«...Генерал-лейтенант Фёдоров стал чекистом, когда ему исполнился двадцать один год. Молодой радиоинженер уехал добровольцем в Испанию, работал там с*

легендарными дзержинцами-контрразведчиками, учился ремеслу у Григория Сыроежкина, а когда началась война, стал асом радиоигр против абвера и гестапо; сотни гитлеровских агентов были схвачены и обезврежены благодаря работе той службы, которую возглавлял Фёдоров. Потом борьба с буржуазными националистами, разгром бандеровцев, выявление затаившихся гитлеровских прихвостней, сражение с союзниками за выдачу фашистских палачей, перебежавших за океан в поисках новых хозяев. Потом, в конце сороковых годов, началась его работа против шпионов, которых начали засылать американские разведорганы. Бритвенно мыслящий, стремительный, но при этом спокойный»...

Противопоставление прилагательных *стремительный* – *спокойный* носит несколько оксюморонный характер, однако наверное именно благодаря этому мы выразительнее воспринимаем постоянную готовность героя к действию. Определённую цветистость при описании генерала Фёдорова объясняет заказной характер повести.

И ещё один образ: «...Пол Дик, корреспондент семи провинциальных газет, лауреат премии Пулитцера в прошлом, суперрепортёр отчаянной храбрости; тридцать три года назад поджарый красавец, спортсмен, а сейчас потухший, перегарный, старый».

Схема построения образов в обоих случаях одинакова: набор номинативов (контрразведчик, агент, борьба, репортёр, спортсмен и т.д), затем – прилагательные (*стремительный, перегарный*). На наш взгляд заслуживает внимания и фоносемантика слов, ключевых для образа американского репортёра: сочетания букв (*корреспондент, лауреат, суперрепортёр, храбрости, поджарый красавец, спортсмен*) звучат звонко, раскатисто, оптимистично. В двух же последних словах цитируемого отрывка медленно, нараспев прочитанные ударные гласные корня (*перега-а-арный, с т а-а-а р ы й*) оставляют пессимистическое ощущение.

Выделенные автором слова, *points forts* обоих цитируемых отрывков текста, с одной стороны выразительно подчёркивают отношение автора к персонажам, с другой – откровенно предназначены для создания такого же мнения об этих людях и у читателя.

Ю.Семёнов не злоупотребляет этим приёмом: иногда авторской разрядки не встретишь на протяжении нескольких страниц, иногда же на одной странице – по несколько *points forts*. Привыкший к наличию в тексте выделенных автором ключевых слов читатель, не встречая их, начинает внимательнее анализировать текст и самостоятельно выделять важные, по его мнению, слова. Это несомненно способствует улучшению взаимопонимания между автором и читателем, более глубокому восприятию литературного произведения.

В текстах повести «ТАСС уполномочен заявить...», романа «Экспансия» Ю.Семёнов часто выделяет термины, используемые сотрудниками спецслужб: *«с е т ь»*; *«о б о р у д о в а т ь техникой»*; *«с х е- м а подозрения»*; *«адреса в Касселе и Гамбурге – м а я к и»*; *«поскольку вы меня в о д и т е, судя по всему, не первый день»*; *«позвонил своему американскому к о н т а к т у»*.

Автор использует *points forts* и для объяснения некоторых особенностей специфики работы контрразведки, применяя, в данном примере, антонимы: *«разведка не будет вести в течение года р а д и о м о н о л о г . Существует обратная связь – человек, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Это д и а л о г, оживлённость которого, как мы имели возможность убедиться, зависит от напряжённости, усиливающейся ныне на африканском континенте...»*.

В тексте повести «ТАСС уполномочен заявить...» находим примеры авторской разрядки целых предложений, особенно если они означают серьёзный поворот сюжета: *«Можно утверждать, что покойная д о в в е д е н и я в о р г а н и з м н е и з в е с т н о г о п р е п а р а т а б ы л а а б с о л ю т н о з д о р о в а»*, *«...Письмо это Славин, однако, не получил – б ы л а р е с т о в а н с л у ж б о й г е н е р а л а С т а у»*.

Points forts Ю.Семёнова срабатывают в текстах не только как денотаты – они выходят за пределы словарного лексического значения, становясь посредниками между словом-репрезентантом и экстралингвистической действительностью, то есть концептами. Специфика произведений Ю.Семёнова в особенности и жанра политического детектива вообще – в широком манипулировании фактами и событиями, наличии системы множественных персонажей, цитировании в текстах шифротелеграмм, газетных материалов, речей политических и религиозных деятелей и т.п.

Подобные сложности в архитектуре произведения предполагают необходимость наличия единой логической нити, позволяющей пройти эти лабиринты авторской мысли, прочувствовать и воспринять послание произведения. Широкое использование концептов способствует созданию стоящей над собственно текстом системы этимологических и ассоциативных связей, в которых и заключается авторский замысел, авторское послание, мессидж текста.

Исследования последнего времени (Воркачѳв, Карасик, Степанов и др.) в качестве стабильных характеристик концепта отмечают его синхронию и диахроничность. Тексты произведений Ю.Семѳнова содержат примеры выделения автором *points forts* для создания картины синхронного события, сиюминутного и/или одномоментного действия: «*в деревню тихо в п о л з л и коммандос*»; «*он же марионетка, он с д е л а н*» ; «*Пол п л а в а ю щ е потянулся к Славину*»; «*Вы тогда могли рвануть и в Париж, и в Рим... – М о г л и ? Или р в а н у л и*».

Глагольные формы удачно срабатывают не только для характеристики действий, но и служат для дополнительной коннотации образов («змеиность» коммандос, ограниченность и предсказуемость марионеточного правителя). Номинативы же просто синхронны: «*Парамонов – п е р е д а т ч и к информации*»; «*тащат нас к г р а н и кризиса*»; «*р у к о в о д с т в о и непосредственно у ч а с т и е в деле*».

Отдельные авторские *points forts* вырастают до уровня доминирующего в тексте концепта, перекликаясь с характерными для периода «холодной войны» политическими клише об агрессивности империализма и миролюбивой внешней политике СССР: «*Они же начинают первыми, о н и — дома ли, здесь ли — п о д к р а д ы в а ю т с я к тем проблемам, которые составляют предмет государственной безопасности*»; «*Перед началом войны во Вьетнаме выступления американской дипломатии были такими же. Сценарий н а г н е т а н и я у них разработан точный... они это слишком н а ж и м и с т о делают*».

Одной из особенностей концепта есть его этничность, обусловленность спецификой национального самосознания народа, превалирующими в конкретном людском сообществе взглядами и убеждениями. Нам, представителям бывшего советского народа,

хорошо знакомы слова песни: «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!»...

Советская страна по определению не могла быть агрессором, газеты пестрели штампами «мирные инициативы» и «мирное сосуществование», правда, словосочетания типа «силы мира», «гарант мира во всём мире» не давали забыть о наличии на запасном пути соответствующим образом снаряжённого бронепоезда.

Этот концепт миролюбивости выразительно просматривается в тексте повести «ТАСС уполномочен заявить...», становясь сквозным и практически ключевым для этого произведения. Встречаем только несколько примеров использования автором знакомых нам *points forts* («условием были м и р н ы е переговоры»; «вы ощущаете мирность?») в качестве ядра концепта, однако Ю. Семёнов умело создаёт и соответствующее концептуальное поле: «...В Шереметьево Константинов и Славин приехали ночью; пахло полынью; казалось, что вот-вот затрещат цикады».

Номинативы «ночь», «полынь» создают картину русской степи, широкой, раздольной, вольной, символа души народа. Образ достаточно дихотомичен, особенно если вспомнить слова известной песни о том, как «в той степи глухой умирал ямщик». «Цикады» – насекомое более ассоциируемое с экзотическими краями, куда и улетает с опасной миссией один из главных героев повести Славин, и где могут вполне реально «затрещать» не только цикады и разные там сверчки, но и выстрелы.

Использование автором *point fort* «прикосновение» с его собственным концептуальным полем помогает создать осязаемый образ Родины: «Они сели за столик; народа было немного; две молоденькие официантки говорили о том, что ехать на Рижское взморье рано еще: дождит, море холодное, хотя песок за день прогревается, мягкий, нежный, как прикосновение, и можно гулять по пляжу, вдыхая пряный сосновый запах, а загар лучше, чем на юге, дольше держится... Константинов посмотрел на Славина, улыбнулся». Они оба защищают эту Родину, этих людей.

«Официантка поставила перед ними кофе, спросила:

– Куда летим?

– В Болгарию, – ответил Славин. – Там море прогрелось.

Зато песка нет, – сказала официантка, – а теплый песок важнее моря, прогрев дает на всю зиму, тепло хранит... Я в

прошлом году в Румынии отдыхала, хорошо, конечно, только песка нет, камни...».

Для официантки родина ассоциируется с хранящим тепло всю зиму песком, герои же произведения видят этот образ по-своему, через *point fort* «мирность»: *«Константинов посмотрел ей вслед, покачал головой, сказал задумчиво:*

– Все-таки время – категория совершенно поразительная, Виталий Всеволодович... Вы ощущаете мир н о с т ь ?

– Теплый песок пляжа и запах сосен, – повторил Славин. – Красиво, но при чем здесь категория времени? Не вижу связи».

Генерал Константинов в нескольких словах даёт картину исторически важных изменений в стране, подчёркивая постоянство её политической линии на сохранение мира во всём мире: *«Шестьдесят лет тому назад были невозможны две вещи... Впрочем, не шестьдесят даже... Тридцать лет назад такое тоже невероятно еще было: официантка, отправлявшаяся на курорт за границу, и ЧК – инструмент разрядки.*

– Вы к тому, что тридцать лет назад надо было ловить власовцев и бандеровцев?

– Именно это я и имел в виду. А теперь едет Славин в Луисбург, абы поймать шпиона, который помогает заговору против тишины, там ведь, говорят, песок горячий, только сосен нет, пальмы... Я гордость ощущаю постоянно, Виталий Всеволодович, начали-то с нуля, а ныне, защищая свою безопасность, помогаем маленькой Нагони... Коли не начнут там стрелять, тишина останется первозданной, море и песок, благодать...»

Слаvinу улетать в находящуюся на грани войны страну, женщина-диктор объявляет посадку и, по мнению Константинова, *«в голосе ее заключена мирность»*, что и символизирует надежду на успешное выполнение задания.

Срыв «заговора против тишины» даётся нелегко: *«...Утром посол Соединённых Штатов был вызван в МИД Советского Союза.*

Рядом с советским дипломатом сидел Константинов, глаза запавшие, тусклые от бессонницы; был он, впрочем, как всегда, г л я н ц е в о выбрит, галстук повязан каким-то особо элегантным узлом; за последнюю неделю похудел на пять кило». Участников операции представляют к медали «За боевые заслуги», однако их имён нет в официальном сообщении ТАСС: «ТАСС уполномочен

заявить, что на днях советская контрразведка разоблачила и пресекла операцию ЦРУ, направленную как против Советского Союза, так и против Нагони, с которой нашу страну связывает договор о дружбе и взаимной помощи. Вся ответственность за попытки продолжать такого рода операции, заимствованные из арсенала «холодной войны», ляжет на тех, кто намеренно мешает развитию и укреплению добрососедских отношений между советским и американским народами».

Тишина осталась первозданной, дело мира восторжествовало, пусть имена отдельных борцов за него так и остались безымянными. «А все-таки безымянность, – подумал Константинов, – в чем-то даже приятна. Как высокое знание. Или как ощущение меры ответственности».

Сказанное выше позволяет утверждать, что используемый Ю.Семёновым приём выделения в тексте *points forts* даёт автору возможность акцентировать внимание читателя на ключевых словах. Эти «точки силы» в большинстве случаев выделяют определённые концепты и становятся основой для построения вокруг них концептуального поля. О концепте в когнитивной лингвистике заговорили относительно недавно, но само-то явление, названное впоследствии концептом, существовало и ранее! Ю.Семёнов удачно ввёл в свои произведения несколько актуальных для жанра концептов, и, если, по мнению некоторых читателей, и не добился в этом выразительного успеха, то, по крайней мере, открыл и использовал новый творческий приём, который можно назвать *points forts*.

МАЙОРЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

(Пронин и Бонд: причины долгой жизни героев приключенческой литературы)

Чапаев и Штирлиц хорошо знакомы нынешнему поколению как герои анекдотов. Майору Пронину, тому самому, чьи «строгие серые глаза внимательно следили за врагом из унитаза», меньше повезло с продолжительностью литературной жизни. Книги «Библиотеки военных приключений», одним из персонажей которых был этот бдительный чекист, потеряли свою популярность к середине 60-х годов прошлого столетия. Ровесник же Пронина Бонд, офицер флота Её Величества королевы Англии, имеющий звание «коммандер» – капитан 3 ранга, приблизительно соответствующее армейскому майору, «жив» и популярен до сих пор.

Подобные примеры литературного творчества были вызваны к жизни политическим, экономическим и военным противостоянием периода «холодной войны». Перед писателями обеих враждующих сторон возникла (или была поставлена!) задача создать образы борцов за соответствующие идеалы. Советские «инженеры человеческих душ» трудились по методу социалистического реализма, разработка теоретических основ которого «была существенно замедлена. Отбрасывался диалектический момент, из-за чего он стал трактоваться односторонне – как воспевающий, прославляющий, акцентирующий только на позитивном. Метод был превращён в официальную доктрину, признавалась только такая «идейность», которая поддерживала предлагавшиеся ею «линии», отход от которых считался недопустимым и вредным, квалифицировался как «безыдейность».

Метод «реализма капиталистического» пока в литературоведении неизвестен, но представляется возможным сказать, что авторы с противоположной стороны фронта «холодной войны» также грешили откровенным воспеванием и прославлением своей политико-экономической формации. Несмотря на закрученность сюжетов, экзотичность персонажей и мест действия, обязательность победы «наших» заказные произведения в

большинстве своём всё-таки страдали внутренней бледностью, одномерностью и невыразительностью.

Так почему же проиграл именно Пронин? Одна из причин, на наш взгляд, во множественности функций литературного произведения. Как отмечает О.Семенюк, «художественные произведения выполняют и определенные социальные функции. В частности – они «корректируют» общественное поведение, отражают и хранят наиболее важные нравственные, эстетические и др. идеалы общества, личности, эпохи».

Романы о майоре Пронине в определённой степени отражали идею Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму, настраивали советский народ на противодействие внешнему врагу (а США и НАТО и не скрывали своих агрессивных намерений!), призывали ко всеобщей бдительности, пропагандировали советский образ жизни. Они описывали мораль и нравственность как классовые понятия, восхваляли личность как винтик тоталитарной машины, замалчивали общечеловеческие ценности.

Литературовед В.Марко считает, что «изображённое в произведении «оживает» только благодаря воображению читателя, благодаря соединению его опыта с зафиксированным в тексте опытом автора. Потому в воображении разных читателей возникают разнящиеся образы и картины, изображённые в одном и том же произведении».

Читательскую аудиторию подобной литературы проиллюстрируем на собственном примере. Читиво о «майорах прониных» мы с ровесниками буквально проглатывали, а на переменах бурно обсуждали, при этом помню, как скептически улыбался по адресу этих опусов отец, прошедший всю Великую Отечественную. Романы Флеминга о Джеймсе Бонде попали мне в руки в 1970 году во время первой командировки за рубеж. Читались они тогда тоже захлёб, хотя прошедшее взросление и дало возможность почувствовать определённую ироничность автора по отношению к герою и его подвигам.

Ни Бонд, ни Пронин не пользовались вниманием людей с определённым жизненным опытом, что и понятно. Пронину повезло ещё меньше: бредившие героем мальчишки повзрослели и столкнулись с реалиями страны, на страже которой стоял доблестный майор. Мальчишки с удивлением узнали о цифрах

потерь в войне, о приказе № 227 и штрафных батальонах, о лагерях и «Трудовой армии», слышали правду о блокаде Ленинграда, обороне Одессы и Севастополя, о партизанском движении.

«По мнению литературоведов, любое произведение, независимо от объёма и жанра, представляет собою целый мир, который мы называем художественным... Когда же говорим о правдивости произведения, то имеем в виду то, что оно есть специфической формой воплощения той правды о мире, о человеке и о себе, которую открыл писатель и в которую поверил читатель». Верившие в мир Пронина мальчишки, повзрослев, поняли, как ловко их провели. Пронин умер при столкновении его лживого мира с неприглядной правдой реальной жизни.

Но почему же до сих пор популярен Бонд? Его «отец», Ян Флеминг, умер почти полвека назад. За это время романы о капитане 3 ранга ВМС Великобритании, непобедимом агенте 007 издавались множество раз, другие авторы продолжили летопись подвигов героя. О количестве фильмов Бондианы и говорить не приходится! Да, Время – судья неподкупный, объективный, строгий, но должны быть ещё причины такой популярности. К ним можно отнести и показные сложности сюжетных перипетий, и несомненную харизматичность героя, и читабельность текстов, но главное всё-таки то, что герой не только борется с конкретным носителем зла, но и отстаивает общечеловеческие ценности. Литературные и кинематографические создатели агента 007 в последнее время акцентируют внимание читателя и зрителя на идее защиты идеалов открытого общества. Идеологическая борьба ею и остаётся, однако даже В. Ленин считал, что интересы общественного развития выше классовых интересов пролетариата.

Распад Советского Союза и созданного им социалистического лагеря стал результатом борьбы США и стран Запада за руководящую роль в мире, проводившейся в том числе и под флагом утверждения общечеловеческих ценностей. Исчезновение государственного образования, называвшегося американцами «империя зла», во многом нарушило баланс политических сил в мире. Нарушило, но не ликвидировало: набирают вес Япония, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии. Это явление – одна из причин появления в произведениях о Бонде представителей не европеоидной расы в качестве противника.

Рост политического и экономического могущества названных выше стран и регионов, распространение теории и практики терроризма, расширение торговли оружием и наркотиками вызывают серьёзную озабоченность со стороны США и развитых государств Европы. Художественная литература не могла не отреагировать на эти изменения мирового порядка: Бонд не вечен. Характерным примером стало творчество Тома Клэнси, особенно серия его романов о Джеке Райане.

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПЕРСОНАЖ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА:
ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО И ФОН**

Когда в конце 80-х – начале 90-х годов уже прошедшего века по американскому сценарию и при их же, американцев, непосредственном деятельном участии по живому рвали Югославию, вспомнилось литературное произведение популярного местного автора. Оно отражало тогдашнюю ситуацию братоубийственной жестокости и настроенности на борьбу до последнего живого бойца, до последней капли крови. Помнится, по жанру это был рассказ, речь в котором шла о споре между двумя горными селениями. Для последнего, решающего поединка их жители создали по великану. Ноги их связали из лучших бегунов сел, руки – из прославившихся силою и стойкостью кулачных бойцов и мастеров борьбы, глаза составили из самых зорких поселян, а на туловище пошли самые жилистые и самые выносливые горцы. С лёгкостью перешагивая ущелья и наступая на горы, великаны шагали навстречу друг другу. Они знали: победитель битвы будет властелином их родных гор.

Этот творческий приём создания коллективного персонажа произведения достаточно широко используют и популярные авторы политического детектива. За примерами обратимся к повести Ю.Семёнова «ТАСС уполномочен заявить...». В конфликте участвуют два «великана» – американские спецслужбы, опирающиеся на весь истеблишмент страны, и советская контрразведка, которая аналогичным образом использует весь потенциал государства. Вдумчивый читатель, хорошо знакомый с текстом произведения, обязательно прочувствует фигуру «великана», заметит составляющие его «тело» части.

«Великан» от противника – военно-промышленный комплекс (ВПК) США, составляющими «головы» которого выступают олигарх Нелсон Грин и замдиректора ЦРУ Майкл Вэлш. «Руки» чудища – посол США в Нагонии и региональный резидент ЦРУ Роберт Лоренс, авантюристка Пилар. «Оружие» в этих «руках» – американская креатура, марионеточный правитель генерал Огано

(«он же марионетка, он *сделан*»), сотрудник резидентуры Джон Глэбб, его оперативники из группы террора Октавио и Перейра.

В «голову» советской контрразведки входят генералы Фёдоров и Константинов, «ноги» – это сотрудники службы наружного наблюдения Гмыря, Жванов, Гавриков, «топавшие» по Москве за вражеским агентом, «руки» – контрразведчики Гречаев, Трухин, Проскурин. Их можно уподобить щиту с известной эмблемы советских спецслужб, а вот в качестве «меча» выступает полковник контрразведки Славин. Автор наделяет его всеми качествами хорошей стали: твёрдостью в сочетании с гибкостью, способностью держать заточку клинка и устойчивостью к воздействию агрессивных сред.

С учётом специфики места основных событий – Африка – имеем и «*couleur locale*»: чёрное «оружие» в руках противоборствующих гигантов. Это чернокожие лидер Нагонии Джордж Грисо и руководитель полиции марионеточного Луисбурга генерал Стау. «Наш» Грисо буквально закалён огнём (он говорит о себе: «стрелять я умею по-прежнему, и по-прежнему перо слушается меня»). Он добро улыбнулся горькой улыбкой человека, познавшего смерть»), а вот «их» Стау – коррумпированный взяточник. Это неглавная глубинная линия символики в повести, но и она воздействует на сознание реципиента текста.

Подобный приём создания и использования коллективного героя видим и в произведениях западных авторов. Таковы образы террористов, русских, китайцев, арабов у Т. Клэнси, Дж. Ле Карре, Ф. Форсайта.

Возникновение и активное использование образа коллективного героя вполне оправдано спецификой жанра: ведь речь идёт, как правило, о противостоянии двух (а иногда и нескольких) глобальных государственных систем. В такой ситуации именно коллективный герой наиболее полно передаёт, во-первых, масштабность противодействия, во-вторых, – многоплановость его глубинных смыслов. Битва идёт как на уровне держав (где наиболее выгодно и срабатывает образ коллективного героя), так и в плоскости индивидуальных столкновений других действующих лиц, конфликтов отдельных персонажей и стран, которые всё равно целесообразно рассматривать как составляющую общего процесса.

Политический детектив преподносит читателю одну или несколько идей достаточно общего характера, в качестве носителей

которых удобно использовать именно коллективных героев. Жанр ПД есть орудие воздействия на массы и управления ими через создание чётких, устойчивых, привлекательных образов. Для демонстрации привлекательности идеи и её приемлемости для отдельного читателя как со-переживателя и в чём-то даже со-участника событий наряду с героем коллективным и на его фоне выводится и герой индивидуальный. Он выразителен и харизматичен, он плоть от плоти своего народа, так сказать «*man-in-the-street*» (Бонд, Смайли, Исаев). Успех ПД как жанра кроется, в частности, и в этой дихотомии героев.

ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХОВ

Рассматривая политический детектив как популярный жанр массовой литературы, как основу сюжетов для кино- и телефильмов и компьютерных игр, необходимо отметить одну из его неявных функций: индульгенцию на прошлые грехи. В самом деле, даже при внешне грандиозном полотне изображаемых событий (военные конфликты между США и Японией, Россией и Китаем, странами Варшавского договора и НАТО; развернувшиеся в нескольких странах мира операции советской разведки и контрразведки и т.п.), основная масса действующих лиц – представители вооружённых сил и/или спецслужб, как своих, так и противника. Многие из них безымянны, представлены в текстах несколькими строчками. Однако, здесь уверенно срабатывают пословицы «Каждое лыко – в строку» или «С миру по нитке – голому рубаха».

Эти мелкие образы имеют от автора положительный заряд и, подобно каплям, падая на созданный средствами массовой информации в умах населения «чёрный камень» недоверия к спецслужбам и армии, потихоньку его разрушают. Так, авторитет армии США резко снизился после Вьетнама; реноме ЦРУ пострадало после неудачно организованных попыток вторжения на Кубу; названия ОГПУ-НКВД-КГБ часто упоминаются в связи с массовыми репрессиями конца 30-40-х и начала 50-х годов. Негативный имидж силовых структур им не только неприятен в историческом смысле – он мешает и в их повседневной деятельности как внутри страны, так и за её пределами.

«В свое время США излечились от вьетнамского синдрома с помощью книг и фильмов по книгам Тома Клэнси. Герой его книг олицетворял не столько физическую, столько интеллектуальную силу и мощь», – заявил в своём интервью газете «Факты» в марте 2014 г. профессор Георгий Почепцов, доктор филологических наук и известный специалист в области информационных технологий.

Авторы произведений названного жанра творят в тесном контакте с представителями армии и силовых структур, при их ощутимой и действенной поддержке. Общеизвестным фактом есть допуск Ю. Семёнова к некоторым архивным материалам бывшего

КГБ СССР и его личная дружба с Ю.Андроповым, использование материалов спецслужб Ч. Абдуллаевым и Б. Акуниным, а также то, что первый роман Т.Клэнси «Охота за «Красным Октябрем» вышел в издательстве Института ВМФ США не без протекции со стороны силовых ведомств. Выполняя в общем-то достаточно прогрессивную и демократическую по сути функцию расширения исторического и политического кругозора своих читателей, авторы политического детектива активно способствуют созданию и популяризации положительного имиджа армий и спецслужб своих стран. Является ли это «актом восстановления исторической справедливости» или примером откровенного выполнения оплаченного гонорарами, литературными премиями и правительственными наградами заказа – разбираться и решать для себя читателю (Ю.Семенов – лауреат Государственной премии СССР (1977), кавалер орденов Октябрьской Революции и Дружбы Народов; Ч.Абдуллаев – обладатель литературных премий «Гранд-мастер» (Латвия, 2001), «НУМАУ» (Азербайджан, 2004), «Золотое перо» (2004), «Честь и достоинство» (Россия, 2004), «Орега Omnia» им. Тудора Аргези (Румыния, 2011), отмеченный наградой германских книготорговцев «За вклад в развитие европейского романа» (2004), награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени (1989), Трудового Красного Знамени и Ленина (2009), медалями «За отвагу», «За трудовую доблесть», Золотой медалью имени академика Юсифа Мамедалиева (2002); суммы гонораров Т.Клэнси, Ф.Форсайта, Д.Ле Карре давно исчисляются миллионами долларов).

Несомненно одно – идея срабатывает. Подтверждение тому – популярность созданного Ю.Семёновым образов советского разведчика Владимирова-Исаева-Штирлица, контрразведчика Славина, милиционера Костенко; героев Т. Клэнси Джека Райана, Джона Кларка, Доминго Чавеза; абдуллаевского Дронго; акунинского Фандорина, Джорджа Смайли (герой 8 романов Ле Карре) и др.

ЛИТЕРАТУРА КАК РЕФРЕЙМИНГ ИЛИ ВАКЦИНАЦИЯ

Социум создаёт личности под себя, свои потребности, проводя соответствующий фрейминг их качеств. Литература, политический детектив в частности, даёт возможности другой реальности как места для искейпа или как способа рефрейминга. Своеобразная вакцинация: прививка против болезни, возможность перенести её легче.

«Жанри, що виникають як часові реакції на певні соціальні потреби, суспільні події, виражаючи суспільні вимоги та норми, є типізованими літературними формами соціальних актів з відносно регулярними ознаками, які виникають у певних рекурентних соціореторичних ситуаціях спілкування. Вони нав'язують автору інструктивні канони, виступаючи комунікативними орієнтирами як мовно-соціальної поведінки, так і побудови тексту. Будучи певними матрицями чи шаблонами, наповненими первинними мовленнєвими актами як засобами створення нового змісту та текстової композиції, жанри, відзначаючись стилем, функціонують динамічно як дискурс, реалізуються як типи текстів (у складній мережі інтертекстуально пов'язаних із ними іншими типами текстів). Вони постають певними абстрактними сутностями, що актуалізуються в конкретних текстах зі спільними рекурентними, змістово-формальними рисами, іншими словами, складною цілісною (голістично-модулярною) конфігурацією формальних ознак, тематичного змісту та суспільно ратифікованих шляхів їх продукування.»

Этот умный текст написал Александр Огуй, доктор филологии, и его слова как нельзя кстати в этом разделе.

ПД как жанр затухает, ибо сюжеты начинают повторяться, никто не верит в реальность Третьей мировой. В то же время он живёт в сюжетах компьютерных игр, а как жанр популярной литературы массового спроса он наработал и оставил после себя широкий арсенал творческих приёмов, которые могут использоваться (и используются) сейчас в СМИ, рекламе, спичрайтерстве для создания имиджей (врага-друга) и оказания результативного воздействия на массовое сознание.

Одна из причин нашего обращения к анализу этого жанра в том, что его приёмы эффективны и востребованы и сейчас.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ...

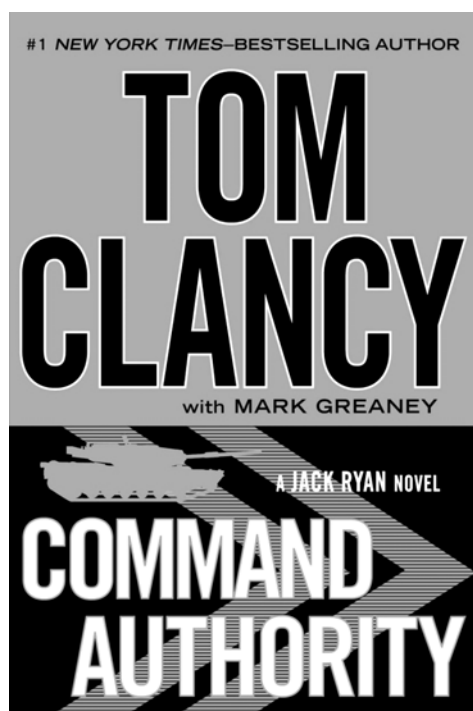
И ЭТО НЕ

«ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ»,

ЭТО САМО «ПОСЛЕСЛОВИЕ» И ЕСТЬ

Когда эта книга уже была написана и свёрстана, а я занимался её доиздательской подготовкой, пришла печальная весть о смерти Тома Клэнси. Он умер 1 октября 2013 года, умер рано, в возрасте всего лишь 66 лет. Владимир Высоцкий пел, что *«ясновидцев, как и очевидцев, всегда сжигали люди на кострах»*. Клэнси был очевидцем многих событий, многие из них он предвидел и описал в своих произведениях. СМИ ранее ничего не сообщали о его болезнях. Считаю, что писатель «сгорел» на костре своих предвидений.

Название книги, вышедшей посмертно уже в декабре 2013 г., «**Command Authority**», как её озаглавят официальные переводчики – можно только гадать. Мой вариант – *«Право на решение»* или *«Властью, данною мне...»* Русскоязычного варианта пока нет (возможно, его и не будет ввиду особенностей сюжета произведения), поэтому цитаты привожу в своём переводе.

На обложке изображён танк. Он такого выразительного оранжевого цвета, что поневоле вспоминаются некоторые относительно недавние события в нашей стране. Его можно принять за силуэт Т-64 из состава «броневой мощи Украины», но некоторые специалисты уверенно признали обводы английского «Чифтена». Ошибка кавер-дизайнера или скрытый намёк на беспомощность армии? В любом случае, полагать, что книга только об Украине, было бы неверно.

Роман «**Command Authority**» – очередное повествование (очередной

панегирик США) из серии о Джеке Райане («Ryanverse»), однако значительная часть событий происходит в Украине на фоне военно-политического кризиса, свидетелями, участниками и жертвами которого мы являемся сейчас.

Чтобы заинтриговать перспективных читателей этой книги, почти ничего не скажем о поворотах сюжета. Но в тексте есть, например, эпизод с отравлением радиоактивным полонием бывшего высокопоставленного сотрудника разведки России, выведенного под фамилией Головки (вспомните нашумевшее недавно отравление в Лондоне таким же способом отставного полковника Службы Внешней Разведки РФ). В числе проходных, но примечательных для нашего читателя, персонажей – украинская женщина-политик Оксана Зуева, *«красивая и привлекательная женщина. Пятидесятилетняя блондинка, обычно появляющаяся с причёской в виде традиционной украинской косы; в роскошных дизайнерских платьях, имеющих тонкий, но безусловно заметный след влияния традиционного украинского стиля одежды»*.

Один из основных героев – президент России по имени Валерий Володин (*«Володин»* – принадлежащий *«Володе, Владимиру»*, то есть практически *«Владимирович»*), *«человек небольшого роста, всего 175 см, но крепко сбитый и полный энергии. В своём тёмно-коричневом костюме он напоминал плотно сжатую пружину, готовую распрямиться в любой момент»* [с.129]; президент *«из силовиков: долгие годы проработал в ФСБ, а перед тем, в начале карьеры, в КГБ»*.

На вопрос журналиста *«Считаете ли Вы Россию мировой державой?»* Володин отвечает: *«После распада СССР, одной из величайших трагедий XX столетия... экономическая модель была неправильной, но народ был силен... Россия будет принимать решения, основанные на интересах России и только России, при этом решения будут хороши для наших соседей. Сильная Россия создаст в регионе стабильность, а не разлад. Свою роль вижу в том, чтобы сделать Россию сильной»*.

Крайне чётко и недвусмысленно характеризуют президента Володина и такие его высказывания: *«Современное политическое руководство Украины проявило свою неспособность обеспечить поступление в западную Европу таких нужных ей природных ресурсов..., но я не столько обеспокоен энергетическими*

потребностями Европы, сколько судьбой российских граждан здесь и в ближнем зарубежье...».

«На Украине проживает 50 миллионов человек, одна шестая из которых – этнические русские, а Крымский полуостров жизненно важен для интересов безопасности России...».

«Восточноевропейские государства превратились в рабов Европы и мы должны защититься от них любой ценой...».

«Угрозу представляют и находящиеся ныне у власти в Киеве украинские националисты...».

«Мы не позволим преступным режимам мирно существовать у наших границ. Это именно то, от чего я стремлюсь защитить Родину...».

«Я отдал приказ нашим военным о подготовке ряда небольших операций по безопасности с целью защиты интересов России в Крыму и русского населения в восточной Украине... При этом прошу всех помнить, что это только миротворческая операция».

У Головки своё видение ситуации: *«Президент Володин объясняет свою политику «железной руки», заявляя, что «у России особенная демократия». По его разумению, это означает, что он контролирует большинство средств массовой информации, лично подбирает губернаторов, а бизнесменов и тех, кто, по его мнению, не учитывает интересы Кремля при принятии экономических решений, сажает в тюрьмы...».*

«Особенная демократия». Российская «особенная демократия» больше известна в мире как «диктатура»... Суть происходящего в России не в управлении, а в преступности».

«У Володина и его дружков многомиллиардные долларовые интересы в Газпроме и Роснефти, они полностью контролируют банки, систему перевозок и лесодобычи. Используя власть Кремля, они грабят богатства страны и её природные ресурсы, население же готово отказаться от свободы и не замечать коррупцию в правительстве в обмен на безопасность и процветание. Однако, сейчас и безопасности, и процветания становится всё меньше...».

«Рождаемость у славянских народов последние 20 лет имеет отрицательную величину...».

«Володин – диктатор, но большинство населения считает его своим защитником...».

Приведём ещё несколько цитат из текста романа, которые, на наш взгляд, поражают своей сегоденностью описания ситуации в Украине.

«Крым вот-вот взорвётся. Русские готовы ко вторжению, просто ищут повод... Москва выдавала паспорта жителям Крыма русского происхождения. С начала и до конца это была операция ФСБ по подготовке сценария вторжения. Они называли это «паспортизация»... То же самое они сделали в Грузии несколько лет назад».

«Севастополь сейчас – это пороховая бочка... весь Крымский полуостров превратился в рассадник беспорядков... Ясно, что рука ФСБ действовала по всему Крыму, сея межнациональные распри всеми доступными способами и средствами... Памятники Ленину до сих пор украшают парки Севастополя. Русские там – не просто про-русские, они про-Советские».

«Обе стороны нынешних уличных стычек подогревались ФСБ... казалось, что русские были не столько заинтересованы в завоевании сердец и умов в Украине, сколько в создании атмосферы хаоса и гражданских беспорядков».

«Утром стало известно, что второй по значению человек в СБУ работал на ФСБ... его предупредили, он исчез и уже, наверное, в Москве».

«На митинг в восточно-украинском городе Донецк пришло более 10 тысяч человек... В этом не было ничего удивительного. За сегодняшним событием, как и за всеми другими, стояло ФСБ, имевшее влияние по всей восточной Украине... Люди в толпе держали высоко над головами свои новенькие российские паспорта, маршируя под лозунгами верности России, а не Украине».

Считаю необходимым процитировать и вложенное автором в уста президента Райана отношение к происходящему: *«Не вижу способа предотвратить захват Россией Крыма. Он и так уже полуавтономен, в нём проживают десятки тысяч настоящих русских и десятки тысяч тех, кому паспорта были выданы в течение прошлого года. Володин сможет объяснить своим людям, что захват Крыма соответствует национальным интересам России. Это произойдёт. Слабая в военном отношении Украина не сможет этому противостоять. Но я не хочу, чтобы они продвигались дальше на Запад. Чем успешнее будет Володин, тем*

более энергично он будет стремиться к другим целям в своём регионе».

5 марта 2014 года Интернет газета ДНИ.РУ писала о том, как Путин перехитрил разведку США: *«Власти США обвинили свои спецслужбы в неправильной оценке планов президента России Владимира Путина на Украине. Конгресс настолько разочарован разведкой, что инициировал служебное расследование.*

Как сообщил глава специальной комиссии Палаты представителей США по разведке Майк Роджерс, служебное расследование должно показать, почему Кабинет главы национальной разведки США ничего не знал о планах президента России Владимира Путина по "вводу войск на Украину, пишет Daily Beast.

Так, 27 февраля разведгруппа ODNI доложила, что, учения российских войск, а также захват административных зданий и аэропортов в Крыму не имеют никакого отношения к ситуации на Украине и не предвещают вторжения. Хотя другие разведорганizations, в частности ЦРУ, сообщали ровно об обратном, отметил Роджерс.

Теперь Палата представителей разберется, по каким причинам это произошло. Сам Майк Роджерс считает, что дело вовсе не в том, что разведка не справилась с работой. По его словам, разницу в выводах между разными группами спецслужб можно объяснить разным стилем работы аналитиков.

4 марта президент России Владимир Путин во время пресс-конференции заявил, что необходимости введения Вооруженных сил России на территорию Украины пока нет, но возможность такая есть. Он добавил, что не обеспокоен перспективой войны с Украиной, так как Россия воевать не будет.

"Мы не собираемся и не будем воевать с украинским народом, – сказал Путин, отвечая на соответствующий вопрос на пресс-конференции. – Если мы примем такое решение, то только для защиты украинских граждан, и пускай попробует кто-то из числа военнослужащих стрелять в своих людей, за которыми мы будем стоять сзади. Не впереди, а сзади. Пускай они попробуют стрелять в женщин и детей».

Я назвал эту главу **«Вместо послесловия»**, хотя в качестве рабочего варианта её названия рассматривал и **«Путин читает**

Клэнси», и «Клэнси *«читает»* Путина». Пока пишутся эти строки, телевидение показывает репортажи о захвате зданий администрации и силовых структур на востоке Украины. Вспоминается китайское проклятие: *«чтоб ты жил во время перемен»*. От них, от перемен, не скроешься и судьбу не обманешь.

Хотел бы ещё раз процитировать уже упоминавшееся интервью Г. Почепцова (март 2014 г.): «Нации всегда формировались путем переживания сильных негативных эмоций. Можно вспомнить Холокост или геноцид армян. Спонтанно возникшие у людей интерес и тяга ко всему украинскому дают возможность запустить более сильные процессы, направленные на выстраивание национальной идентичности. Но переосмысление собственной роли в обществе и государстве должно пройти в первую очередь через массовую культуру и литературу. Причем украинский бестселлер, хочу заметить, может быть написан и на русском языке, – намного важнее его содержание и способность стать массовым.

Следует помнить также, что информация может победить реальность только в кратковременной перспективе. Если Украина сохранит мародерство и коррупцию, а весь революционный пар уйдет в свисток призывов к люстрации, люди поймут, что их в очередной раз обманули. Результаты должны быть реальными, и тогда не понадобится никакая цензура».

19 марта сего года в своём дайджесте о книге «Command Authority» для «Дойче Велле» К. Горстен и И. Завгородняя сказали: «Истинного разрешения конфликта вокруг Украины не может предложить даже Клэнси. Однако в его романе американский президент Райан – в отличие от настоящего президента Обамы – находит-таки возможность повлиять на Володина. Написанная перед самой смертью книга в достаточной степени подтвердила прозорливость Клэнси. Как он сам говорил: «Если мой товар вдруг станет реальностью, это всё-таки достаточно страшно».

Будем ждать...

Кировоград–Регенсбург–Мюнхен–Нюрнберг–Прага–Шарм-аль-Шейх–Иерусалим–Вена–Братислава–Пореч–Кировоград

2013-2014 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русско- и украиноязычные источники

1. Американские разведчики ждут упадка Рах Americana, Джефф Дайер, Financial Times , 11.12.2012
2. Аннинский Л. Спор двух талантов // Литературная газета. 1959, 20 нояб.
3. Беляев А. Серьезный опыт политической прозы // Октябрь. 1972. – №6.
4. Библия или Книги Святого Письма;
5. Бидинг Ф. Смерть шагает по Истрепсу
6. *Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту*. – М.: Видання Московського Патріархату, 1988. – 1534 с.
7. Білоус В.Б. Опозиція «свій – чужий» у мові драматичних творів Володимира Винниченка: лексичний аспект // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Вип. 5. Т. 2. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць [Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта] / Луган. нац. пед. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: «Альма-матер», 2004. – С. 267-272.
8. *Богомил Райнов*. «Чёрный роман».
9. Буланов А. Завтра-маркетинг. – СПб.: Питер, 2008.–256 с.: ил. – (Серия «Маркетинг для профессионалов»);
10. В гостях у «штирлицев» // Аргументы и факты. 1998. №3. С.9.
11. *Военный энциклопедический словарь* / Пред. Гл. ред. комиссии С.Ф.Ахромеев.– М.: Воениздат, 1986. – 863 с. с ил., 30 л. ил.
12. *Даниэль Клугер*. «Баскервильская мистерия. История классического детектива». М., Текст, 2005.
13. *Дж. Арнольд, Дж. Берт, У. Дадли*. Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было = Cold War Hot: Alternative Decisions of the Cold War / под ред. Питера Цурса, пер. Ю.Яблокова. – М.: АСТ, Люкс, 2004. – 480 с. – (Великие противостояния). – 5000 экз. – ISBN 5-17-024051
14. Документ – это пища для размышлений. Беседа с писателем // Дон. 1984. – №6
15. Документ – это пища для размышлений. Беседа с писателем // Дон. 1984. – №6)
16. *Евгений Додолев* «Герой & культура» // «Однако»: журнал. – Москва, 2011. – № 31. – С. 78.
17. Еремей Парнов. Сыщик поневоле, или ход конём. Предисл. // Дж. Бреннер. Квадраты шахматного города. М., «Мир», 1984
18. Иванюта Г.Л. Проблема авторской позиции в романе Ю.Семёнова «Пароль не нужен» // Проблема авторства в художественной литературе. Ижевск, 1993.
19. Идашкин Ю. [Предисл.] // Семёнов Ю. СС. Т.1. С.15).
20. Идашкин Ю. Право на жизнь: Полемические заметки // Нева. 1983. – №9.

21. Кара- Мурза Сергей Советская цивилизация. т. 1– М.: Изд. Дом Алгоритм, 2001. – 384 с.
22. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. – М.: Алгоритм. 2007. – 704 с.
23. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.:Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. –832 с.
24. Ключек Г. Д. У світлі вічних критеріїв (Про систему критеріїв оцінки літературного твору). – К.: Дніпро, 1989. – 221 с.;
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т.4.;
26. Марко В. П. Стежки до таїни слова: Літературознавчі й методологічні студії. Навчальний посібник. Для студентів філологічних спеціальностей. – Кіровоград: «Степ», 2007. – 264 с.;
27. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53 000 слов – 20-е изд., стер.– М.: Русский язык, 1985. – 864 с.
28. «Не является ли политический роман ключевым жанром современной прозы?». Беседа с писателем // Дружба народов, 1984. – №1).
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под. Ред. Н.Ю. Шведовой.– 22-е изд., стер.– М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
30. Роберт Антон Уилсон «Новая Инквизиция»
31. *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Том 3. П – Я. с.301-303*
32. Светов Ф. «Просто» или «не просто» детектив? // Новый мир. 1964. – №1.
33. Семенюк О. А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград: РИЦ КГПУ им. В.К.Винниченко, 2001. – 368 с.
34. *Советский энциклопедический словарь* / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – 1600 с.
35. Технологии перехвата власти Кара-Мурза С.Г. *I-ProvodNik*, 21:55, 3 декабря 2013, 9:38, 13 декабря 2013
36. Федоров Александр Викторович. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946-1991) до современного этапа (1992-2010). – М.: МОО «Информация для всех», 2010. – 202 с. — 500 экз.
37. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд.– М.: Политиздат, 1980. – 444 с.
38. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»: МИФ: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 556, [4] с., [32] л. ил. – («AD MARGINEM»).

Источники на иностранных языках

1. Erik Routley, *The Puritan Pleasures of the Detective Story* (Gollancz, 1972)
2. T.J. Binyon, *Murder Will Out: The Detective in Fiction* (OUP, 1989)
3. Julian Symons, *Bloody Murder* (Warner Books, 1972)
4. Chris Steinbrunner and Otto Penzler, eds., *Encyclopedia of Mystery and Detection* (McGrawHill, 1976)

5. Jacques Barzun and Wendell Hertig Taylor, *A Catalogue of Crime* (Harper Row, 1971)
6. Scaggs, John (2005). *Crime Fiction (The New Critical Idiom)*. Routledge. p. 8.
7. Scaggs, John (2005). *Crime Fiction (The New Critical Idiom)*. Routledge. pp. 9–11.
8. Pinault, David (1992), *Story-Telling Techniques in the Arabian Nights*, Brill Publishers, pp. 86–91.
9. Silverman, Kenneth (1991), *Edgar A. Poe: Mournful and Never-ending Remembrance* (Paperback ed.), New York: Harper Perennial, pp. 171.
10. Maurits Hansen (1794–1842).
11. *The Seven Basic Plots*, Christopher Booker, Continuum, 2004, page 507
12. Sims, Michael, ed. "The Dead Witness: a connoisseur's collection of Victorian detective stories", Bloomsbury, 2011: p2-3 Burton wrote the story for his own Philadelphia publication, *Gentleman's Magazine*, which under a different owner later became the publication for which Poe wrote *The Murders in the Rue Morgue*. Poe worked for Burton, acting as his editor for some months in 1839, so may have known his story.
13. Kismaric, Carole and Heiferman, Marvin. *The Mysterious Case of Nancy Drew & The Hardy Boys*. New York: Simon & Schuster, 1998. p. 56. ISBN 0-684-84689-6
14. Bonnoit, R: *Émile Gaboriau ou la Naissance du Roman Policier*, Paris: Librairie Philosophique J Vrin, 1985, p. 198
15. Gunning, T.: *Lynx-Eyed Detectives and Shadow Bandits: Visuality and Eclipse in French Detective Stories*, Yale French Studies 108, 2005, p. 75
16. David, Deirdre *The Cambridge companion to the Victorian novel* p.179. Cambridge University Press, 2001.
17. Hall, Sharon K (1979). *Twentieth century literary criticism*. p. 531. University of Michigan
18. Paul Collins. "The Case of the First Mystery Novelist", in-print as "Before Hercule or Sherlock, There Was Ralph", *New York Times Book Review*, January 7, 2011
19. Julian Symons (1972), *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel*. p. 51: "... there is no doubt that the first detective novel, preceding Collins and Gaboriau, was *The Notting Hill Mystery*."
20. Buckler, William. "Once a Week Under Samuel Lucas, 1859-65", *PMLA*, 67.7(1952): 924-941.
21. Lycett, Andrew (2007), *The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle*, Free Press, pp. 53–54, 190, ISBN 978-0-7432-7523-1
22. Martin, Nora (1996). *"In the business of believing women's stories": Feminism through detective fiction (Sara Paretsky, Sue Grafton)"* (M.A. thesis) Wilfrid Laurier University
23. *Stories of the Railway*, reprinted Routledge & Kegan Paul, London, 1977, ISBN 0-7100-8635-0: Foreword by Bryan Morgan

24. "Canonization, Modern Literature, and the Detective Story, John G. Cawelti, from *Theory and practice of classic detective fiction*, Jerome Delamater, etc., Hofstra University, 1997, p. 8
25. Twenty rules for writing detective stories (1928) by S.S. Van Dine
26. Witschi, N. S. (2002), *Traces of Gold: California's Natural Resources and the Claim to Realism in Western American Literature*, Tuscaloosa: University of Alabama Press.
27. Lawrence Waddy: *Pax romana and world peace*. Norton, New York 1950.
28. Klaus Wengst: *Pax Romana, Anspruch und Wirklichkeit. Erfahrungen und Wahrnehmungen des Friedens bei Jesus und im Urchristentum*. Kaiser, München 1986, ISBN 3-459-01638-8.
29. Pugh, Martin *Britain since 1789: a concise history*. — Macmillan, 1999. ISBN 0-312-22359-5.
30. Thackeray, Frank *Events that changed Great Britain since 1689*. — Greenwood Publishing Group, 2002.
31. *The Federal Union Harper's Magazine Volume 70*. — University of Michigan, 1885.
32. The New Political Thinking: Pax Sovietica with a Human Face?
33. Barry F. Lowenkron **From:** SAIS Review , Volume 8, Number 2, Summer-Fall 1988 , pp. 83-101 | 10.1353/sais.1988.0043
34. *Jochen Laufer*. Pax Sovietica: Stalin, die Westmächte und die deutsche Frage 1941—1945. Böhlau Verlag Köln Weimar, 2009.
35. CLANCY, Tom *Debt of Honor*, G.P. Putnam's Sons, New York, 1994, 766 p.
36. CLANCY, Tom *"The Hunt for Red October"*, Berkley edition, New York, 1985, 472 p.;

Произведения Тома Клэнси (серия о Джеке Райане)

1. Реальная угроза (#1)
2. Охота за "Красным октябрем" (#2)
3. Без жалости (#3)
4. Игры патриотов (#4)
5. Все страхи мира (#5)
6. Долг чести 1 (#6)
7. Долг чести 2 (#7)
8. Кремлевский кардинал (#8)
9. Слово президента 1 (#9)
10. Слово президента 2 (#10)
11. Слово президента 3 (#11)

Джек Райан / Jack Ryan

- + Без жалости / Without Remorse (1993)
- Игры патриотов / Patriot Games (1987)
- Красный кролик / Red Rabbit (2002)
- Охота за «Красным Октябрем» / The Hunt for Red October (1984)
- Кремлевский кардинал / The Cardinal of the Kremlin [= Кремлевский «Кардинал»] (1988)
- Прямая и явная угроза / Clear and Present Danger [= Реальная угроза] (1989)
- Все страхи мира / The Sum of All Fears [= Цена страха] (1991)
- Долг чести / Debt of Honor (1994)
- Слово президента / Executive Orders [= Приказ президента] (1996)
- Радуга Шесть / Rainbow Six (1998)
- Медведь и Дракон / The Bear and the Dragon (2000)
- Зубы тигра / The Teeth of the Tiger (2003)

Джек Райан-младший / Jack Ryan, Jr.

- Зубы тигра / The Teeth of the Tiger (2003)
 - Живым или Мертвым / Dead or Alive (2010) // Соавтор: Грант Блэквуд
 - Locked On (2011) // Соавтор: Марк Гриней
<http://fantlab.ru/work377262>Max Moore
 - Against All Enemies (2011) // Соавтор: Питер Телеп
- Search and Destroy (2012), ещё не опубликовано // Соавтор: Питер Телеп

Том Клэнси. Сериалы

Оперативный центр / Tom Clancy's Op-Center [= «Оп-Центр»] // Соавторы: Стив Печеник, Джефф Ровин

- Оперативный центр / Op-Center [= Корейская угроза] (1995) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Зеркальное отражение / Mirror Image (1996) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Государственные игры / Games of State (1996) // Соавтор: Стив Печеник
- Военные действия / Acts of War (1997) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Balance of Power (1998) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- State of Siege (1999) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Divide and Conquer (2000) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Line of Control (2001) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Mission of Honor (2002) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Sea of Fire (2003) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- Call to Treason (2004) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник
- War of Eagles (2005) // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник

Игры во власть / Tom Clancy's Power Plays // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер

- Политика / Politika (1997) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Ruthless.com (1998) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Shadow Watch (1999) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Bio-Strike (2000) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Cold War (2001) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Cutting Edge (2002) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Zero Hour (2003) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер
- Wild Card (2004) // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер

<http://fantlab.ru/work30808> Tom Clancy's Net Force // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [взрослая серия]

- Net Force (1998) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Hidden Agendas (1999) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Night Moves (1999) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Breaking Point (2000) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Point of Impact (2001) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Cybernation (2001) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- State of War (2003) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри
- Changing of the Guard (2003) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф
- Springboard (2005) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф
- The Archimedes Effect (2006) // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф

<http://fantlab.ru/work37138> Tom Clancy's Net Force Explorers // Соавторы: Стив Печеник [юношеская серия]

- Virtual Vandals (1998) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- The Deadliest Game (1999) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- One Is the Loneliest Number (1999) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- The Ultimate Escape (1999) // Соавтор: Стив Печеник
- End Game (1998) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- Cyberspy (1999) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- Great Race (1999) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- Shadow of Honor (2000) // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник
- Private Lives (2000) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- Safe House (2000) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- Gameprey (2000) // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник

- Duel Identity (2000) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- Deathworld (2000) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- High Wire (2001) // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник
- Cold Case (2001) // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник
- Runaways (2001) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник
- Cloak and Dagger (2002) // Соавторы: Джон Хелферс, Рассел Дэвис, Стив Печеник
- Death Match [= Own Goal] (2002) // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник

<http://fantlab.ru/work37257>Tom Clancy's Splinter Cell // Соавторы: Рэймонд Бенсон [под псевдонимом David Michaels]

- Splinter Cell (2004) // Соавтор: Рэймонд Бенсон
- Operation Barracuda (2005) // Соавтор: Рэймонд Бенсон
- Checkmate (2006) // Соавтор: Рэймонд Бенсон

Том Клэнси. Романы

- 1984 📖 Охота за «Красным Октябрем» / The Hunt for Red October
- 1986 📖 Красный шторм поднимается / Red Storm Rising [= Красный шторм] // Соавторы: Ларри Бонд
- 1987 📖 Игры патриотов / Patriot Games
- 1988 📖 Кремлевский кардинал / The Cardinal of the Kremlin [= Кремлевский «Кардинал»]
- 1989 📖 Прямая и явная угроза / Clear and Present Danger [= Реальная угроза]
- 1991 📖 Все страхи мира / The Sum of All Fears [= Цена страха]
- 1993 📖 Без жалости / Without Remorse
- 1994 📖 Долг чести / Debt of Honor
- 1995 📖 Оперативный центр / Op-Center [= Корейская угроза] // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 01]
- 1996 📖 Слово президента / Executive Orders [= Приказ президента]
- 1996 📖 Государственные игры / Games of State // Соавторы: Стив Печеник [Op-Center 03]
- 1996 📖 Зеркальное отражение / Mirror Image // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 02]
- 1996 📖 <http://fantlab.ru/work37084>SSN: Strategies for Submarine Warfare [= Ударная подлодка]
- 1997 📖 Военные действия / Acts of War // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 04]
- 1997 📖 Политика / Politika // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 01]
- 1998 📖 <http://fantlab.ru/work37130>Balance of Power // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 05]

- 1998 <http://fantlab.ru/work34303>End Game // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #6]
- 1998 <http://fantlab.ru/work30807>Net Force // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #1]
- 1998 Радуга Шесть / Rainbow Six
- 1998 <http://fantlab.ru/work37240>Ruthless.com // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 02]
- 1998 <http://fantlab.ru/work34302>Virtual Vandals // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #1]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37170>Cyberspy // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #7]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37171>Great Race // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #5]
- 1999 <http://fantlab.ru/work30816>Hidden Agendas // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #2]
- 1999 <http://fantlab.ru/work30817>Night Moves // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #3]
- 1999 <http://fantlab.ru/work34304>One Is the Loneliest Number // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #3]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37241>Shadow Watch // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 03]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37131>State of Siege // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 06]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37161>The Deadliest Game // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #2]
- 1999 <http://fantlab.ru/work37178>The Ultimate Escape // Соавторы: Стив Печеник [Net Force Explorers #4]
- 2000 <http://fantlab.ru/work37242>Bio-Strike // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 04]
- 2000 <http://fantlab.ru/work30809>Breaking Point // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #4]
- 2000 <http://fantlab.ru/work34306>Deathworld // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #13]
- 2000 <http://fantlab.ru/work37132>Divide and Conquer // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 07]
- 2000 <http://fantlab.ru/work37173>Duel Identity // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #12]
- 2000 <http://fantlab.ru/work37176>Gameprey // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник
- 2000 <http://fantlab.ru/work37172>Private Lives // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #9]

- 2000 <http://fantlab.ru/work34305> Safe House // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #10]
- 2000 <http://fantlab.ru/work37175> Shadow of Honor // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник
- 2000 Медведь и Дракон / The Bear and the Dragon
- 2001 <http://fantlab.ru/work37174> Cold Case // Соавторы: Билл Маккей, Стив Печеник [Net Force Explorers #15]
- 2001 <http://fantlab.ru/work37243> Cold War // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 05]
- 2001 <http://fantlab.ru/work30811> Cybernation // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #6]
- 2001 <http://fantlab.ru/work37177> High Wire // Соавторы: Мел Одом, Стив Печеник
- 2001 <http://fantlab.ru/work37133> Line of Control // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 08]
- 2001 <http://fantlab.ru/work30810> Point of Impact // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #5]
- 2001 <http://fantlab.ru/work34307> Runaways // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #16]
- 2002 <http://fantlab.ru/work37180> Cloak and Dagger // Соавторы: Джон Хелферс, Рассел Дэвис, Стив Печеник [Net Force Explorers #17]
- 2002 <http://fantlab.ru/work37244> Cutting Edge // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 06]
- 2002 <http://fantlab.ru/work34308> Death Match [= Own Goal] // Соавторы: Диана Дуэйн, Стив Печеник [Net Force Explorers #18]
- 2002 <http://fantlab.ru/work37134> Mission of Honor // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 09]
- 2002 Красный кролик / Red Rabbit
- 2003 <http://fantlab.ru/work30813> Changing of the Guard // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф [Net Force #8]
- 2003 <http://fantlab.ru/work37135> Sea of Fire // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 10]
- 2003 <http://fantlab.ru/work30812> State of War // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри [Net Force #7]
- 2003 Зубы тигра / The Teeth of the Tiger
- 2003 <http://fantlab.ru/work37245> Zero Hour // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 07]
- 2004 <http://fantlab.ru/work37136> Call to Treason // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 11]
- 2004 <http://fantlab.ru/work37253> Splinter Cell // Соавторы: Рэймонд Бенсон [под псевдонимом David Michaels]

- 2004 <http://fantlab.ru/work37246> Wild Card // Соавторы: Мартин Гринберг, Джером Прейслер [Power Plays 08]
- 2005 <http://fantlab.ru/work37255> Operation Barracuda // Соавторы: Рэймонд Бенсон [под псевдонимом David Michaels]
- 2005 <http://fantlab.ru/work30814> Springboard // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф [Net Force #9]
- 2005 <http://fantlab.ru/work37137> War of Eagles // Соавторы: Джефф Ровин, Стив Печеник [Op-Center 12]
- 2006 <http://fantlab.ru/work37256> Checkmate // Соавторы: Рэймонд Бенсон [под псевдонимом David Michaels]
- 2006 <http://fantlab.ru/work30815> The Archimedes Effect // Соавторы: Стив Печеник, Стив Перри, Ларри Сегрифф [Net Force #10]
- 2010 Живым или Мертвым / Dead or Alive // Соавторы: Грант Блэквуд
- 2011 <http://fantlab.ru/work377260> Against All Enemies // Соавторы: Питер Телеп
- 2011 <http://fantlab.ru/work368837> Locked On // Соавторы: Марк Гриней

Том Клэнси. Документальные произведения

- 1993 <http://fantlab.ru/work37312> Submarine
- 1994 <http://fantlab.ru/work37313> Armored Cav
- 1995 <http://fantlab.ru/work37314> Fighter Wing
- 1996 <http://fantlab.ru/work37315> Marine
- 1997 <http://fantlab.ru/work37317> Airborne
- 1997 <http://fantlab.ru/work37316> Into the Storm
- 1999 <http://fantlab.ru/work37318> Carrier
- 1999 <http://fantlab.ru/work37319> Every Man a Tiger
- 2001 <http://fantlab.ru/work37320> Special Forces
- 2002 <http://fantlab.ru/work37321> Shadow Warriors // Соавторы: Энтони Зинни
- 2004 <http://fantlab.ru/work37322> Battle Ready // Соавторы: Энтони Зинни

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия (О.Бабенко)...	3
Вступление.....	5
Кое-что о жанре детектива.....	6
Туннели реальности политического детектива.....	14
Маркетинг и литература: герой как бренд.....	18
Полвека противостояния.....	25
Взлёт и падение военного технотриллера.....	39
Создай себе врага... ..	48
Манихейство как философия Клэнси.....	56
Предательство.....	62
Родина-мать.....	71
...а у нас – Семёнов (Ляндрес)	90
Майоры холодной войны.....	100
Коллективный герой политического детектива: действующее лицо и фон.....	104
Искушение грехов.....	107
Литература как рефрейминг или вакцинация.....	109
Вместо послесловия.....	110
Библиография.....	116

ABOUT THE BOOK

The author of this book is a former “Blue Beret” (a Soviet GRU Spetsnaz paratrooper), then a KGB counterintelligence officer, now peacefully teaching English. The title of the book, **“Quill and Bayonet of Political Thriller”**, goes back to a line of a well-known Soviet poet Vladimir Mayakovsky: *“Make the Quill equal to Bayonet, equal to Iron, equal to Steel...”*

This research is about certain accents and methods of the popular genre of political thriller. It centers mostly on the works of Tom Clancy, whose futuristic, though strikingly true-to-life novels (*The Hunt for Red October*, *The Cardinal of the Kremlin* and many others) have brought him world-wide recognition (for the explicit technical details in his books some critics even named Tom Clancy “the creator of the “techno-thriller”, though we value him for the sharp political insight and foresight).

The aim of this research is to draw readers to the vast, practically number-crunching massive subgroup of fiction, which goes by the name of “political thriller”. Most of these books are not only captivating page-turners, but strong and effective ideological motivators. They depict real and imaginary (or call them “plausible”) “hot spots” of our world, trying and helping us to guess the outcome of the conflict.

ПРО КНИГУ

Світ практично звик до наявності у нашому сьогоденні певної кількості перманентних «гарячих точок». На жаль, політична (а також військова, економічна) нестабільність мігрує світом, «обдаровуючи» своєю увагою когось більшою, когось меншою мірою. Зараз у зоні такої небажаної уваги знаходиться Україна.

Одними з основних питань нашої та подібних ситуацій є: 1) хто у конфлікті «свій», а хто – «чужий»; 2) коли й чим все це закінчиться. Твори жанру політичного детективу саме тому й користуються попитом, що в них, як правило, прогноуються території майбутніх конфліктів, їхні рушійні та діючі сили, описуються варіанти перебігу та наслідків зіткнень.

Книга **«Перо и штык политического детектива»**, акцентуючи увагу читача на окремих аспектах популярного жанру та творчих прийомах авторів творів, спонукає до ближчого знайомлення з цим масивом сучасної (щоправда, здебільшого – англомовної) літератури. Це, у свою чергу, дає читачеві можливість сприйняти, нехай і через призму персонального авторського бачення, жорстокі реалії та доміанти сучасного світу, щоб на цій основі виробити власне світовідчуття та світорозуміння.

«Перо и штык...» зазначає та підкреслює, що основною рисою жанру є не стільки його розважальність, скільки виховна, ідеологічна функція. Саме цієї складової бракує сучасній україномовній літературі, **«перо»** якої сьогодні ще не стало **«штыком»**, таким вельми потрібним у нинішній – критичний для розбудови країни історичний період.

Науково-публіцистичне видання

Віктор Борисович Білоус

ПЕРО Й БАГНЕТ ПОЛІТИЧНОГО ДЕТЕКТИВУ

**(роздуми філолога над політичним детективом,
зумовлені професіоналізмом)**

Російською мовою

Редактор **О.Бабенко**

Верстка: **А.Тараненко**

Зверстано в ТОВ “Центрально-Українське видавництво”

Україна, 25006, м.Кіровоград, вул. Тимірязєва, 69.

Тел.: (0522) 24-25-96, 24-48-51. Свідоцтво про внесення суб’єкта
видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і
розповсюджувачів видавничої продукції від 15.12.2011 р., серія ДК
№4234.

Надруковано ФОП Чудна М.С.

Підписано до друку 29.08.2014 р. Формат 60х84 1/16.

Папір книжковий. Друк ризографічний. Гарнітура Times.

Ум.друк.арк. 7,44. Тираж 100. Зам. 402.